ГРОССМЕЙСТЕРЫ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

МАРКУС ВОЛЬФ

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА» ИЗ ШТАЗИ

НОЭЛЬ ВОРОПАЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Человеком без лица» Маркуса Фридриха Вольфа называли западные и заокеанские спецслужбы, долгое время безуспешно пытавшиеся заполучить фотографию руководителя внешней разведки МГБ ГДР. На самом деле легендарный начальник Главного управления «А» никогда не терял своего лица и до конца жизни не изменял своим принципам и убеждениям. Из незаконного судебного преследования в ФРГ в начале 1990-х годов он не только вышел победителем, но и сумел повлиять на отмену судебных решений по делам коллег, организовать правовую защиту агентов Штази, оказавшихся под судом за рубежом.

Свой путь в историю Маркус Вольф начал еще в период эмиграции в СССР, когда осознал необходимость борьбы с коричневой чумой. По окончании Второй мировой войны он создавал посольство ГДР в Москве, а затем – службу внешней разведки в Берлине.

Автор книги, лично знавший Маркуса Вольфа, в период обострившегося противостояния двух блоков-антиподов координировал связь между советской и немецкой разведками, которые в апреле 1972 года провели блестящую операцию по провалу в бундестаге ФРГ вотума недоверия канцлеру Вилли Брандту, проводившему политику сближения с соцстранами. В результате в мировой политике произошли существенные изменения: был подписан известный хельсинский акт 1975 года, ГДР была принята в члены ООН, а угрозу атомной конфронтации удалось устранить.

- Ноэль Воропаев
  -
  - От автора
  - Первая часть. Родиться в Германии
  - Вторая часть. Годы жизни в Советском Союзе
    - Контрасты жизни
    - Война с фашистской Германией
  - Третья часть. Вернуться в Германию
    - Из Москвы в Берлин
    - Нюрнбергский трибунал
    - Образование ГДР
    - Направление в разведку ГДР
    - Становление разведки ГДР
    - «Мы считаем, что ты должен возглавить службу»

        - Старт взят
        - Партнёр – советская разведка
        - Победы, не равные поражениям
        - Попали в историю
        - Вотум недоверия канцлеру Вилли Брандту
        - Раскрытие «Элоки» НАТО
        - Новые успехи
        - Было ли у ЦРУ «Розовое дерево»?
    - Четвёртая часть. «Всякое дело…человеком славится»
        - Сотрудничество разведок СССР и ГДР
        - Сохранение традиции антифашизма
        - Эрих Мильке как визави Маркуса Вольфа
        - О смысле и будущем разведки
        - Верность убеждениям под судом ФРГ
    - Вместо эпилога. Взгляды Маркуса Вольфа
    - Приложение 1. КГБ и MfS: партнёры или соперники?
        -
        - Серов защищает немцев
        - Фактор Ульбрихта
        - MfS присоединяется к Варшавскому блоку
        - «Тайная речь» Хрущева дает повод к полемике
        - Коротков заменяет Питовранова в Карлсхорсте
        - Натянутые отношения между КГБ и MfS провоцируют бюрократическое перетягивание каната
    - Приложение 2. Эрих Мильке и Иван Фадейкин
    - Приложение 3. Отрывок из книги Геннадия Смолина «Русский цугцванг»[71]
        - Ich will Helm![72]
    - * * * * *
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

Ноэль Воропаев
Маркус Вольф. «Человек без лица» из Штази

© Воропаев Н.К., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

Книга посвящена выдающейся личности – разведчику, убеждённому интернационалисту и надёжному другу Советского Союза генерал-полковнику Маркусу Фридриху Вольфу, начальнику Главного управления «А» (внешняя разведка) МГБ ГДР.

В годы «холодной войны» между капиталистической и социалистической мировыми системами разведка МГБ ГДР сделала очень важный вклад в дело обеспечения мира и безопасности на нашей планете, что являлось целью политики разрядки и сокращения гонки вооружений стран социалистического блока. В результате в 1975 году 33 государства Европы, а также США и Канада подписали Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которым была нейтрализована угроза атомной войны.

Личность Маркуса Вольфа сформировалась в XX веке, принёсшим человечеству кардинальные перемены в социальном укладе жизни и разрушившим существовавшие прежде общественные, нравственные и мировоззренческие основы. Эпоха и семья, родители определили его выбор в пользу социализма, и этому выбору он остался верен до конца своей жизни.

Его судьба сложилась так, что он оказался сопричастен истории двух стран, которые считал своей родиной, – Германии и Советского Союза. Причём в их трагический период, когда германский фашизм развязал войну на уничтожение с Советским Союзом. В послевоенное время он как радиокомментатор, дипломат и разведчик был активным участником «холодной войны» между социализмом и капитализмом.

Вольф ещё в период эмиграции в СССР осознал необходимость борьбы с коричневой чумой и устранения её последствий. Как корреспондент берлинского радио, он освещал работу Нюрнбергского международного трибунала над нацистскими военными преступниками.

По окончании Второй мировой войны Маркус Вольф находился на дипломатической службе, создавал посольство Германской Демократической Республики в Москве, а затем был направлен на работу в МГБ, став одним из основателей и руководителей этой службы.

Большие заслуги внешней разведки МГБ ГДР в обеспечении мира, а также безопасности социалистического строительства в Восточной Германии и других странах, ставших членами

Организации Варшавского Договора, сложно переоценить. Руководимая Маркусом Вольфом внешняя разведка ГДР тесно и эффективно сотрудничала с братской разведслужбой Советского Союза, что во многом способствовало успешному претворению в жизнь внешнеполитического курса мира и разрядки социалистического лагеря во главе с СССР.

В период «холодной войны» автор находился в ГДР как один из участников координации действий и связи между советской и немецкой разведками при Главном управлении «А» МГБ ГДР. Это было время обострившегося противостояния двух блоков-антиподов. В апреле 1972 года внешняя разведка ГДР, взаимодействуя с советской разведслужбой, блестяще провела операцию по провалу в бундестаге ФРГ вотума недоверия канцлеру Вилли Брандту, проводившему политику сближения с соцстранами. В результате в мировой политике произошли очень важные для дела мира и сосуществования изменения: был подписан известный Хельсинкский акт 1975 года, а ГДР была принята в члены ООН. Угрозу атомной конфронтации в мире удалось тогда устранить.

К сожалению, в российских СМИ не всегда комментируется этот вклад социалистических разведок в дело обеспечения мира и безопасности, свидетельствующий о необходимости использования всех мер для предотвращения атомной конфронтации. Мы видим, что возникают очаги военных конфликтов, «холодная война» обостряется, что подготавливает условия для новой, уже горячей и, вероятнее всего, последней в истории человечества войны.

К чести Маркуса Вольфа могу добавить: до конца своей жизни он не изменил своим идеологическим убеждениям и остался большим другом нашего народа. Кроме того, из незаконного судебного преследования в ФРГ в начале 1990-х годов Маркус Вольф вышел, по сути дела, победителем. Он также сумел помочь попавшим под колесо уголовного преследования коллегам: судебные решения по их делам были отменены. Много усилий Вольф направил и на правовую защиту негласных кадров разведки ГДР, оказавшихся под судом за рубежом. Высокую оценку многим из них разведчик дал в своих мемуарах, особенно в книге «Друзья не умирают».

Имя Маркуса Вольфа уже вошло в историю мировых разведок и, по мнению автора, сохранится также в нашей благодарной памяти.

Первая часть. Родиться в Германии

Судьба распорядилась так, что Маркус Фридрих Вольф родился 19 января 1923 года в городе Хехинген в земле Вюртемберг в Германии, в обеспеченной еврейской семье врача, писателя и коммуниста Фридриха Вольфа (1888–1953) и коммунистки Эльзы Вольф (1898–1973). В детстве Маркус Вольф жил в родительском доме сначала в Штутгарте, где в школе стал пионером, затем в Ленице под Ораниенбургом. После прихода к власти

НСДАП семье Вольфов пришлось покинуть родину. Сначала семья эмигрировала в Швейцарию, затем во Францию и в 1934 году – в СССР.

Его мать всю свою жизнь посвятила семье и мужу. Она была волевым, высоконравственным человеком, стойко переносившим все трудности жизни в Третьем рейхе и эмиграции. Благодаря её энергии, как вспоминал Маркус, Фридриху Вольфу удалось вернуться в СССР из Франции, где он, как и другие интернационалисты, оказывавшие помощь республиканцам в Испании, содержался с 1938 года в лагере.

Отец был для него большим авторитетом, и он, как, впрочем, и его младший брат Конрад, брал с него пример и во взрослой жизни. Маркус унаследовал от родителя гены: был очень схож с ним и внешне, и темпераментом, с детства был левшой. Как и отец, он был влюбчив. Судьба за это «приговорила» его в возрасте 65 лет к счастливому третьему браку по любви и вследствие этих браков к многочисленной родне.

В книге «Миша. Жизнь Маркуса Вольфа, рассказанная им самим – в письмах и записках семье, друзьям, соратникам» приводится следующий список его близких родственников:

«Был женат:

в первом браке (1944–1976) на Эмми Вольф (урождённая Штенцер, дочь депутата рейхстага Франца Штенцера, казненного нацистами в 1933 году в концлагере Дахау. – *Н. В.*);

во втором браке (1976–1986) на Кристе Вольф;

в третьем браке (с 1987 г. до конца жизни) на Андреа Вольф.

Брат: Конрад Вольф (1925–1982).

Единокровные братья и сёстры: Иоганна Вольф-Гумпольд, Лукас Вольф, Катрин Гиттис, Елена Симонова, Томас Науман.

Дети: Михаэль Вольф (г.р. 1946). Внуки и внучки: Яна Вольф, Анне Вольф; Надя Вольф, Миша Вольф, Саша Вольф. Правнуки и правнучки: Артур; Лена, Мальте; Фабиен, Эмели.

Дети: Татьяна Трегель (г.р. 1949). Внучки: Мария Трегель, Анна Трегель. Правнуки и правнучки: Карл, Клара.

Дети: Франц Вольф (г.р. 1953). Внуки и внучки: Роберт Вольф, Нина Вольф, Юлия Вольф. Правнуки и правнучки: Хелена, Орель.

Дети: Александр Вольф (г.р. 1977). Внуки и внучки: Сара Вольф, Яша Вольф.

Дети: Клаудиа Валь (г.р. 1969). Внучки: Элизабет Греннинг Валь, Йоханна Валь»[1].

Об отце Маркус написал в мемуарах так:

«Мой отец был известен в Германии как успешный врач и драматург ещё до гитлеровского периода. Драма «Профессор Мамлок» сделала его, гонимого и запрещённого в гитлеровской Германии автора, известным во всём мире. Для каждого, кто хочет понять биографии Фридриха Вольфа и его семьи между Германией и Россией и их движущие силы, «Профессор Мамлок» – важный ключ.

Биографию можно понимать как жизнеописание, но и как судьбу, как стечение жизненных обстоятельств»[2].

В детском возрасте Маркус, естественно, не знал, что «стечение жизненных обстоятельств» в результате победы национал-социализма привело к росту в немецком обществе антикоммунизма и антисемитизма. Родители Маркуса, напротив, знали об исступлённых призывах вроде «Германия, проснись, – умри, Иуда!» или «Трепещи, нация пожирателей мацы: близится ночь длинных ножей!». Евреи становились изгоями на своей родине, уже близилось время нюрнбергских расовых законов, погромов и концентрационных лагерей с газовыми камерами.

Немецкий журналист Ханс-Дитер Шютт, опубликовавший последние беседы с Маркусом Вольфом в 2007 году, пришёл к выводу: «Его жизнь – это типично немецкая печальная судьба, и её смысл в том, что с давних пор всё заканчивается безрадостным осознанием: немцы изгоняют немцев, – так Маркус Вольф пришёл к интернационализму».

Вряд ли, по моему мнению, можно согласиться с тем, что у Маркуса Вольфа была «печальная судьба», скорее – судьба была счастливая: он боролся за социальную справедливость и братство людей. Немецкий писатель и философ Иоганн Вольфганг Гёте утверждал: «Быть человеком – значит быть борцом». По-моему, это полностью относится к Маркусу Вольфу, причём необходимо сказать, что он, помимо этого, стал ещё и крупной личностью.

Конечно, обстоятельства, в которых он в подростковом возрасте оказался на родине, в нацистской Германии, для семьи Вольфов могли стать трагическими: дом родителей подвергся

обыску, а сам Фридрих Вольф при этом случайно избежал ареста и последующего заключения в концлагерь, Вольфы с детьми оказались занесёнными в нацистские списки неблагонадёжных лиц. Последнее обстоятельство открывало прямую дорогу в концлагерь.

Это «безрадостное осознание» гибельной опасности начавшегося Холокоста, безусловно, сделало смыслом жизни Маркуса Вольфа борьбу – сначала с фашизмом, потом за мир и безопасность.

Он стал убеждённым интернационалистом в эмиграции в СССР, однако не потому, что «немцы изгоняли немцев», а прежде всего потому, что с 10 лет жил в Москве, в обществе людей, которые в массе своей были всемирно восприимчивыми и разделяли веру в торжество братства и свободы, и ещё потому, что, взрослея, понял: нацисты истребляли людей по расовому принципу, стремились к мировому господству и вели войну против СССР на уничтожение.

Гораздо позже, а именно в 2003 году, в своём докладе о творчестве отца в Дании Маркус Вольф сказал:

«С “Профессора Мамлока” практически началось моё собственное политическое мышление. Пьеса была написана непосредственно после нашего изгнания из Германии. Отец написал её на французском острове Бреа. Это было первое литературное произведение немецкого автора о преследовании евреев в Германии.

Фридрих Вольф преследовался нацистами по трём причинам: как коммунист и революционный драматург, как врач и противник параграфа 218 об абортах и как еврей. Уже 27 февраля 1931 года газета “Фёлькишер беобахтер” в статье под названием “Еврей как соблазнитель” написала: “Вольф относится к евреям, которые изображают из себя благодетелей народа; в действительности он один из социально опасных представителей восточноеврейского большевизма”»[3].

Так что Маркус Вольф стал поборником идей интернационализма по собственному и глубокому убеждению в их правоте и жизненности.

В Третьем рейхе наступило господство нацисткой идеологии и началась подготовка к реваншу за поражение в Первой мировой войне, уроки которой оказались забытыми немцами. Родители Маркуса решили эмигрировать.

В 1934 году Фридрих Вольф с помощью швейцарских товарищей нелегально переправил свою семью пешком через германо-швейцарскую границу в Базель, рассчитывая осесть затем во Франции. Однако после прихода Гитлера к власти французы

уже отказывали в выдаче разрешения на въезд тем, кто покидал Третий рейх.

Для семьи Фридриха Вольфа оставалась одна возможность не стать жертвой антисемитизма – эмиграция в Советский Союз, который воспринимался в Европе как бастион против фашизма.

Так, родившись в Германии, Маркус Вольф по воле обстоятельств продолжил своё детство вне её пределов.

Вторая часть. Годы жизни в Советском Союзе

Контрасты жизни

В 1934 году в 10-летнем возрасте Маркус Вольф вместе с родителями приехал поездом из Базеля в столицу советской России и попал в новый для него мир, что и определило его дальнейшую жизнь.

Благодаря известности в СССР Фридриха Вольфа как немецкого антифашистского писателя, обязательные для эмигрантов формальности и получение жилплощади особых трудностей не вызвали. Затем появилась и дача с огородом в Переделкине.

Однако знакомство с бытовой культурой и условиями повседневной жизни москвичей стали для эмигрантов Вольфов неприятным открытием. Они, правда, сумели смириться с отсутствием привычного европейского комфорта и быстро адаптировались. Большая заслуга в этом матери Маркуса: она изыскивала всякие способы обеспечить мужа и детей минимумом необходимого и призывала их ограничить прежние «буржуйские» потребности. Тем не менее не видеть низкий по сравнению с германским уровень жизни и проявление бескультурья они не могли…

Стоит вспомнить, что русские историки, начиная с Н. М. Карамзина, воспроизводили в своих работах отрицательные оценки России досоветского периода, даваемые иностранцами, а затем и эмигрантами. Демократ А. И. Герцен вообще считал, что «Россия – бесформенная и безгласная масса низости, раболепства, жестокости и зависти, увлекающей и поглощающей всё». Доходя до крайности, он призывал её «ненавидеть из любви, презирать из гуманности»!

Насколько такие оценки жизни в России соответствовали реальности?

В какой-то мере о течении жизни в нашем государстве можно судить по известному высказыванию выдающегося российского дипломата екатерининского времени Панина: «Россия управляется милостью Божию и глупостью народной».

Понятно поэтому требование А. И. Герцена и других прогрессивных умов того времени европеизировать Россию.

Потом пришло время её немедленно социализировать.

Семья Фридриха Вольфа оказалась уже не в царской России, а в новом государстве – СССР, но старые нравы и обычаи живучи, в чём мы убеждаемся и сегодня, уже в XXI веке. О жизни в Советском Союзе Маркус Вольф начал писать в своей книге «Трое из тридцатых», которая вышла в свет в 1989 году: «Это была моя

первая попытка описать время московской эмиграции, исходя из пережитого лично и не исключая ещё бывших в то время в ГДР табуированными сталинских репрессий». Он так охарактеризовал столицу СССР того периода:

«Москва в 1934 году, примерно через год после нашего изгнания из Германии, стала для нашей семьи местом нашего пребывания и убежища. Город был Меккой для многих коммунистов и революционеров со всего мира. Многое поначалу было чужим, не соответствовало нашим жизненным привычкам, но мы быстро стали «детьми Арбата», где в Нижнем Кисловском переулке находилась наша маленькая квартира. Старшее поколение напрасно мечтало о скором возвращении на освобождённую от Гитлера немецкую родину, мы, дети, становились подрастающими гражданами нашей второй родины, Советского Союза».

Об этом периоде жизни в новой России Маркус Вольф писал и более подробно, с интересными деталями:

«То, что отец поехал в Москву – мы с матерью продолжали оставаться в Швейцарии, а в Базеле я даже ходил в школу – было скорее выяснением условий, чем твёрдое окончательное решение оставаться там надолго. Отец заранее осматривался, зондировал почву. Первый случай представился ему в 1931 году, когда при поездке в Советский Союз он познакомился с Всеволодом Вишневским, драматургом, который был ему близок по своему революционному, открыто боевому методу творчества. Отец переписывался с Вишневским. Позже он стал одним из его ближайших друзей. Теперь он стал для отца настоящей опорой, и с его помощью мы получили нашу маленькую квартиру в Нижнем Кисловском переулке…

Да, знакомство с Москвой началось сразу же с шока, по крайней мере, для нас детей. Не только из-за маленькой квартиры, которая совершенно не соответствовала нашим прежним представлениям зажиточных буржуа. Нет, школа и вообще всё окружение приводили нас в ужас, или скажем так: в семьях детей такой хаос, такая грязь, такая нищета, и это вызывало и испуг, и удивление. Во всяком случае отчуждение, с которым мы тогда столкнулись, просто не могло быть большим. В Москве существовали ещё карточки, снабжение было совершенно недостаточным. Мы не понимали языка, не могли прочитать ни одной буквы. Уже такие мелочи свидетельствовали о совершенно ином складе культуры, вызывали конфликты. Например, мы носили короткие брючки. Московские дети, даже маленькие карапузы, обязательно носили только длинные брюки. О нас сразу же написали издевательские стишки, нас дразнили,

притесняли, доходило едва не до драк. А к этому надо добавить уже упомянутое стремление родителей держать нас на уровне, близком к пролетарским привычкам жизни, чтобы мы не заносились и не впадали в буржуазность. Начиналось это ещё в Штутгарте, но в Москве на первых порах стало просто пыткой. Нас буквально заталкивали в «простую» жизнь, сюда же относились и пионерские лагеря, в которых мы с Кони чужими и одинокими топтались рядом друг с другом…

…Однако, оглядываясь назад, всё же должен сказать, что отдельная квартира появилась сравнительно быстро. Мы пошли в немецкую школу имени Крала Либкнехта – это был маленький кусочек Родины….

Но, в принципе, мы оба довольно быстро русифицировались и советизировались».

Процесс «русификации и советизации» проходил так:

«Нравы были грубыми, и нам пришлось мириться с ними. Мы дрались. И довольно часто, и легко лилась кровь. К тому же путь в школу на трамваях, на внешней стороне которых люди висели гроздьями. Либо ты стоишь растерянный, без всяких шансов присоединиться к ним, либо ты боишься свалиться, быть раздавленным или растоптанным. Люди смотрели на тебя так, что сразу было ясно: пощады не жди! Затем перестройка на совершенно другую еду… С переходом в русскую школу[4] я стал по-другому думать. Очень скоро я уже чувствовал себя как дома…. Через короткое время я уже был в

* * *

Ещё в 1950-е годы, в студенчестве, у меня появилось желание понять, на какой стадии культурного развития в действительности находится советское общество, которое, как утверждалось, вот-вот дошагает до коммунизма. В его победе сомнений я, как и почти все сокурсники, не имел.

Чётко обоснованный ответ я получил, однако, только в конце 1980-х годов, когда прочитал статью двух сотрудников АН СССР (их фамилии, к комсомольском комитете, участвовал в работе редколлегии школьной газеты, вообще был подвижен и активен.

Советский Союз стал моей страной.

…Положение очень медленно менялось. Как раз в это время Сталин произнёс «крылатые слова»: жить стало лучше, жить стало веселее.

Написанные большими буквами они висели повсюду, и действительно после 1938 года магазины стали заполняться

товарами…».

Разумеется, ученик Маркус Вольф тогда ещё не разбирался в диалектическом материализме и школы основ марксизма-ленинизма не кончал, реальность познавалась им через ощущения. Окружавшую его действительность он рассматривал через призму детского и юношеского непосредственного восприятия. Как раз поэтому его воспоминания о московской действительности кажутся сегодня весьма достоверными, то есть она, видимо, такой и была.

Мне кажется, что читатель должен быть признателен Маркусу Вольфу за возможность, так сказать, посетить и увидеть Москву второй половины 1930-х годов. Однако после такой «телепортации» у автора, относящего себя к гордым обладателям осознанного, можно сказать, советского патриотизма, чтящим наши базовые моральные ценности, возникла потребность соотнести сегодняшнюю культуру россиян с той, о которой напомнил нам Маркус Вольф в своих мемуарах.

Это можно сформулировавать так: советское общество возникло на такой стадии цивилизационного развития, которая была периодом дисперсного варварства, т. е. варварство ещё не было преодолено окончательно. Оно только рассеялось в обществе, оставаясь в людях на генетическом уровне. Следовательно, в каждом нашем человеке сохраняется до сих пор частичка варвара, которая может возобладать в нём в подходящий для того момент.

Достижения культуры, морально-нравственные устои и условия жизни советского общества до поры до времени этому препятствовали. В новом социуме, основной целью которого стала нажива с целью накопления капитала, они отвергаются. Брошен лозунг идти вперёд по пути пресловутой «европеизации» отсталой России, по возможности в общество потребления, но это, однако, после 1960-х годов – времени так называемого «экономического чуда» в Европе – оказалось тупиковым и суицидальным путём цивилизационного развития. В индустриально развитых странах, таких, как США, Англия и др., с высоким уровнем социальной обеспеченности населения, из 100 умерших – 17 самоубийц. И это в «сытом» обществе, в котором никакого класса пролетариата, не говоря уже о люмпен-пролетариях, давно не обнаруживается. Социально благополучные люди просто утрачивают смысл жизни, не видят её цели и нередко уходят добровольно из неё. Человечество погрузилось в кризис.

Мы же всё продолжаем в России девальвировать в деньги мораль, культуру, совесть, мало задумываясь, куда идём.

Когда я в конце 80-х годов прошлого столетия возвратился из

длительной зарубежной командировки, то застал ещё моду на афоризмы, особенно Валентина Гафта. То, что сочинил тогда я сам, не было гафтовским: явно талант не тот, но порождалось также реальной советской действительностью. Афоризмы были в форме вопроса и, следовательно, начинались с «если». Так и возникли мои «еслизмы», став, как мне показалось, небольшим доказательством, что всё-таки бытие определяет сознание, а не наоборот. Вот одна из первых «проб пера»: «Если соглашаются не с теми, кто действительно мыслит, то откуда взяться единомыслию?» Когда мои «штучные» слушатели сделали вид, что этот «еслизм» ничему не вредит, скорее, делает почти смешным меня, а не что-то или, упаси Боже, кого-то, я, не скрою, воодушевился. Появился вскоре и другой еслизм, который вроде как бы «в строку» в этой книге: «Если интеллектуальный, культурный и творческий потенциал народа высок, то почему он не сделал свою жизнь лучше?» Действительно, почему? Вот сделал бы, тогда Маркус Вольф написал бы другую сермяжную правду о нас.

Бывший президент России Медведев Д. А., зная, что в России устойчиво снижается интеллектуальный потенциал, не востребована логика рационального разума и падает уровень образования, просто, но весьма откровенно, за что ему наша благодарность, в своём блоге, помимо вековой отсталости России от Запада, констатировал: «Ни фига мы никакая не продвинутая нация». К тому же он отнёс к традиционным бедам России и «умственную лень», и это, наверное, тоже не открытие, а констатация.

Стоит вспомнить, что первый и последний президент Советского Союза Горбачёв М. С. давал нам все шесть лет перестройки ценные советы, в том числе он призывал: «Поумнеть надо всем, всё понять, не паниковать и действовать конструктивно всем и каждому». Мне до сих пор льстит такое откровение нашего бывшего лидера, так как, если рассудить: что плохого в том, что и верхам надо набираться интеллекта, раз уж «всем и каждому»? А затем и «действовать, действовать и ещё раз действовать», но это он перефразировал, естественно, ленинскую фразу.

Ещё и с толерантностью, моралью и нравственностью у нас до сих пор большая беда. Всё же прав был российский историк Ключевский В. О., который сказал: «Прошлое надо знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий». Вот мы теперь и должны убрать за прошлым его последствия и крепко поднатужиться, чтобы стать «продвинутыми».

* * *

Окончив с отличием среднюю школу, Маркус Вольф поступил без сдачи экзаменов в Московский авиационный институт. «Я мечтал о жизни инженера-самолётостроителя или конструктора самолётов в Советском Союзе», – написал он в своей анкете.

«Я учился с большим усердием, хотя кое-что – техническое черчение или зубрёжка машин – мне не особенно нравилось, – признавался впоследствии Маркус Вольф. – Но основные предметы: физика, математика, химия, аэродинамика – отвечали моим интересам. В отличие от многих я довольно легко окончил и первый, и второй семестры. За это полагалась, соответственно, повышенная стипендия. Кем бы я стал, не знаю. Жизнь распорядилась иначе…

Я жил с родителями и у родителей… первая Родина была всегда с нами, и воспоминания о Швабии ещё не стёрлись. В советском паспорте в графе «национальность» стояло «немец»… Позднее, во время войны, в результате сталинских арестов это могло бы стать опасным для моего отца. Немец в Советском Союзе! Те, у кого в паспорте значилось «еврей», тоже не чувствовали себя комфортно».

Война с фашистской Германией

23 августа 1939 года Советский Союз заключил с Германией Договор о ненападении. Это был вынужденный политический шаг Сталина: между фашистской Германией, США и Великобританией имели место секретные переговоры, содержание которых бывшие союзники скрывают до сих пор, а создать антигитлеровскую коалицию советской дипломатии не удалось. Выиграть время для укрепления вооружённых сил Советскому Союзу также не удалось: Гитлер с союзниками напали раньше.

Считается, что 1 сентября 1939 года, когда вермахт вторгся в Польшу, началась Вторая мировая война. 3 сентября только одна страна – Великобритания – объявила войну Третьему рейху, к чему её, кстати, вынуждал захват Германией скандинавских стран, ставших плацдармом для гитлеровского нападения на неё.

Агрессия фашистской Германии и её союзников против Советского Союза в 1941 году была вероломной, так как противоречила пакту от 1939 года (Германия формально объявила войну уже после вторжения вермахта в СССР). Более того, она угрожала гибелью государственного строя нашей страны, порабощением советского народа на территории вплоть до Урала и превратилась для нас в трагедию: нацисты вели войну на уничтожение. Они вели её фактически против Отечества, поэтому вскоре она для народа и стала отечественной.

Фюрер германского народа Адольф Гитлер назвал агрессию против СССР войной нового типа «рас и идеологий» и дал указание не наказывать в России военнослужащих Германии за воинские преступления. Немецкий фашизм уже провел индоктринацию населения Третьего рейха, то есть внедрил в сознание людей устойчивые идеологические стереотипы, прежде всего расистские: о превосходстве арийской нации, животных чертах русского народа и необходимости «уничтожения еврейско-большевистской системы».

В смертельной схватке с фашизмом народу Советского Союза предстояло не только защитить свои территории, высшие нравственные и духовные ценности, культуру и идентичность, но и отстоять естественное право на жизнь.

О начале агрессии Третьего рейха вместе с его союзниками против СССР студент МАИ Маркус Вольф узнал на даче в Переделкине, где он был на летних каникулах, от соседа, который кратко сообщил: «Началась война».

В СССР к войне готовились, но рассчитывали на сдерживающую силу Договора о ненападении. Кроме того,

советские люди не могли даже предположить, что её начало принесёт катастрофический разгром советской кадровой армии и потерю в короткий срок гигантской территории, превышавшей в 4 раза площадь Третьего рейха. Вермахт быстро преодолел расстояние от западной границы страны Советов до её столицы, где всё же, впервые с 22 июня 1941 года, его остановили, а затем контрударами наших армий отбросили назад.

Предопределялось такое военное поражение СССР многими объективными и субъективными причинами, из которых, по мнению автора, следует выделить вековую цивилизационную отсталость России от Запада (за крайне малый исторический период существования советской власти её невозможно было устранить).

До нападения фашистской Германии ВКП(б) – правящая и единственная партия в политической системе СССР (её вождь Сталин к началу войны официально возглавил и правительство, став председателем Совета народных комиссаров) – не успела решить глобальную задачу – сделать страну достаточно сильной для эффективного отражения агрессии извне (или для не исключавшегося тогда упреждающего удара по Германии).

Ответственность за это лежала на ВКП(б), которая после капитуляции фашисткой Германии «самоопределилась» как «вдохновитель и организатор» победы, достигнутой большой кровью советского народа. Вполне понятно, что вопрос о виновниках разгрома вооруженных сил страны в начале войны и последующих, вызванных ошибками военно-политического руководства поражений не рассматривался. Унтер-офицерской вдовой, которая сама себя высекла, диктатор Сталин, понятно, становиться не желал. Документально, например, установлено, что именно он отказал в просьбах командующего тогда фронтом Тимошенко дать директиву об отступлении для того, чтобы избежать немецкого окружения во время Брянско-Вяземского сражения. Последний раз Тимошенко просил Ставку Верховного Главнокомандования об этом 7 октября 1941 года, а Сталин дал согласие только 10 октября. К этому времени танковые клещи врага образовали Вяземский котёл. В нём оказались 19, 24 и 32 армии, группы Болдина и Ершакова, из 95 дивизий – 64, из 13 танковых бригад – 11, из 62 артиллерийских полков Резерва Главного командовании – 50. По данным вермахта, в плен попали 648196 красноармейцев и командиров РККА.

Итак, у историков и военных стратегов не вызывает сомнения то, что вина за разгром такой крупной группировки советских войск в октябре 1941 года под Вязьмой полностью лежит на Ставке Верховного Главнокомандования, не разрешившей

своевременное отступление наших войск, из-за чего они оказались в окружении.

Если это так, то у меня возникает удивление: как при таких ошибках можно обоснованно превозносить Сталина как выдающегося «военного мыслителя» и полководца? Превозносить, забывая катастрофическое начало Великой Отечественной войны 1941–1945 годов?

«Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, – не прошли даром и увенчалась полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией», – читаем мы в книге «Разгром фашизма…» Ольштынского Л. И. Как-то выпали, правда, из истории факты, что в войну 1941–1945 годов огромные жертвы принесли не только славянские, но и все народы, населявшие Советский Союз и также геройски боровшиеся на фронте и в тылу с захватчиками, кстати, тоже не только немецкими.

И вот что пишет о Сталине Ольштынский Л. И. в 2005 году, то есть не в сталинское суровое время, в своей книге:

«Верховным Главнокомандующим, председателем ГКО, руководителем Советского государства, осуществлявшим руководство войной советского народа в целом, был Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Генералиссимус И. В. Сталин, который вошёл в историю как один из выдающихся политических и государственных деятелей периода Второй мировой войны. Рузвельт и Черчилль как главы союзных государств высоко ценили личный вклад Сталина в достижение победы над фашизмом»[5].

Г. К. Жуков в 1969 году за пять лет до своей кончины, глубоко обдумывая итоги войны, дал такую оценку Сталину: «Действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооружённых сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов? Как военного деятеля И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошёл всю войну. И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина особенно проявились начиная со Сталинграда. В руководстве вооружённой борьбой в целом И. В. Сталину помогали природный ум, богатая

интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за неё, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Всё в целом Жуков Г. К., возможно, сказал объективно: вождь всю войну лично руководил боевыми действиями на фронтах, но цена наших побед под его руководством нередко просто зашкаливала.

Если же внимательно прочитать эту оценку вождя полководцем, то обнаружим серьёзную оговорку, что способности вождя, «особенно проявились начиная со Сталинграда». Битва активно продолжалась с 23 августа 1942 года, когда 14 танковый корпус вермахта вышел к Волге севернее Сталинграда, а закончилась капитуляцией остатков 6 полевой армии фельдмаршала Паулюса 30 января 1943 года. Как раз в этот период началась сталинская наступательная операция подо Ржевом «Марс», в ходе которой советские войска потеряли до полумиллиона человек, не одержав победы над немцами. Операция шла как раз в то время, когда, если верить Жукову Г. К., у вождя «особенно» проявились полководческие способности. О ней затем советские историки предпочитали не писать.

Так что, каким был «военным мыслителем» Сталин, нам придётся решать самим и без трудов советских историографов. С моей точки зрения, Сталин в первую очередь был политиком и жёстким прагматиком, а не военным специалистом, причём даже периода гражданской войны. Он перед началом гитлеровской агрессии проиграл Западу в политическом плане, а затем потерпел военные поражения от фашистских агрессоров после 22 июня 1941 года, не создав опять же скорее всего по политическим замыслам стратегической обороны на западной границе.

Советская история замолчала неудачный политический шаг Сталина в феврале 1942 года, когда он через возможности НКВД СССР вступил в дипломатическую игру с представителями германского командования в Мценске. Он сам написал Предложение германскому командованию, в котором содержались условия объявления мира между Германией и Советским Союзом якобы для начала совместных боевых действий к концу 1943 года против Англии и США в целях «переустройства мирового пространства»[6].

Представитель германского командования генерал Вольф, однако, отклонил это предложение.

При чтении рассекреченных ФСБ РФ двух документов – «Предложения германскому командованию» за подписью Сталина, составленному в Кремле 19 февраля 1941 года, и

«Рапорта тов. Сталину» об итогах переговоров в Мценске 20–27 февраля 1942 года за подписью Первого заместителя народного комиссара Внутренних дел СССР Меркулова[7] – возникает ряд вопросов. Прежде всего вопрос, откуда возникла идея предложить фашистской Германии – врагу, которого только что удалось отогнать от Москвы, как записано в п. 3 Предложений, «начать военные действия с германскими вооружёнными силами против Англии и США», а также «обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США», как значится в п. 4?

Ответ мне удалось найти в книге Николая Осокина «Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны»:

«После быстрого (почти молниеносного) разгрома Германией в мае – июне 1940 года Франции Сталин понял, что ему надо немедленно вступать во Вторую мировую войну, так как иначе впоследствии придётся иметь дело с противником, не истощённым долгой войной, а окрепшим от побед и захвата сырьевых баз. Поэтому он в течение месяца занял Прибалтику, ставшую по договору с Германией 1939 года сферой интересов СССР… Воевать против Гитлера он был ещё не готов и, хотя понимал, что столкновение СССР с фашистской Германией неизбежно, надеялся оттянуть его до 1942 года. Кроме того, Сталин должен был переориентироваться в связи с событиями, только что происшедшими в Европе. После капитуляции Франции в июне 1940 года Гитлер смог захватить документы о намерении Англии и Франции во время советско-финской «зимней» войны вступить в неё на стороне Финляндии… Может быть, после этого Сталин дал согласие на участие вместе с Германией в десантной операции в Англии, при этом его главной целью было выведение своих войск далеко на Запад. На взгляд автора, Сталин с этой десантной операцией разыгрывал беспроигрышный для себя стратегический вариант: с помощью Германии флот, парашютно-десантные корпуса, морская пехота и танковые войска СССР, участвующие в десанте, оказывались на побережье Северного моря. При этом Сталин получал возможность действительно высадить десант в Англии либо, что гораздо вероятнее, договориться с англичанами и ударить по Германии с Запада, образовав там вместо англо-французского фронта с его «странной войной» образца 1939–1940 годов весьма горячий советско-англо-германский фронт, то есть взять Гитлера в клещи. Своё согласие, данное Гитлеру, на высадку в Англии советских войск с помощью немцев, он объяснил бы новым союзникам как хитроумный манёвр против Гитлера (нечто вроде Одиссеева троянского коня), что позволило бы ему получить, в конце концов, необходимую

моральную и материальную поддержку Англии и Америки и разгромить Гитлера, энергично атакуемого с двух сторон»[8].

Итак, главное мы узнали: Сталин якобы давал Гитлеру своё согласие на участие советских войск в десанте в Англии ещё в 1940 году.

Следовательно, своё предложение Гитлеру о мире в 1942 году он делал, так сказать, на основе предыдущих устных договорённостей с фюрером о возможных совместных действиях против Англии.

Высказывания же Рузвельта и Черчилля о Сталине касались не только личного вклада вождя в разгром фашизма, но и усилий и жертв всего великого советского народа, ставшего победителем в войне несмотря ни на что. Речь шла о его жизни, и народ сражался за свою Родину, а это дело испокон веков на многонациональной и многоконфессиональной Руси считалось святым.

Гитлер вёл войну на уничтожение не только нашей государственности, но и, как нацисты формулировали, биологического потенциала народа. Планировалось для начала уничтожить, помимо евреев и цыган, до 30 миллионов славян. Начало агрессии Германии советский народ, даже не знавший об этих чудовищных нацистских планах, воспринял с большой тревогой. Однако среди населения была надежда на то, что Красная армия быстро разгромит фашистские войска и война закончится скорой победой над Третьим рейхом. Но реальность была прямо противоположной: советские войска несли тяжёлые потери и отступали от западной границы.

В книге «Миша. Жизнь Маркуса Вольфа» есть достоверное описание отдельных сторон жизни в период войны:

«Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года полностью изменило нашу жизнь и жизнь наших семей. Ян (друг Вольфа по школе Коминтерна. – *Н. В.*) и я как уже ассимилированные советские граждане и комсомольцы окончили школу и уже хотели начать изучать в вузе избранные специальности. Но тут в каком-то штабе в Москве вдруг вспомнили о нашем немецком происхождении. Отцов уже призвали на политическую антивоенную работу, они подписывали воззвания, составляли тексты листовок, обращались в немецкоязычных радиопередачах к немецким солдатам и к немецкому народу.

Мы, сыновья, встретились некоторое время спустя летом 1942 года далеко от Москвы в школе Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в Кушнаренково, деревне под столицей Башкортостана Уфой… В этой школе нас вместе со

всеми курсантами из почти всех европейских стран готовили к возможной нелегальной антифашистской работе, а также к политической работе после победы над Гитлером. Естественно, что вся наша жизнь там была организована строго конспиративно. Каждый получил своё «школьное» имя. Меня звали Куртом Фёрстером…».

Маркус Вольф на фронте не был: немцев, как правило, в армию не призывали. Вполне возможно, что он и не знал о трагедии разгрома сил Красной армии в начале войны. Поэтому в «Последних беседах» он достоверно рассказал только о бомбёжках Москвы, эшелонах с ранеными и эвакуируемыми, мобилизации и настроениях москвичей. Он писал:

«…Там не было ни видно, не слышно ура-патриотизма, была только ужасная грусть и тоска, обычные во всём мире при проводах молодых людей, отцов и сыновей на войну. Когда я вспоминаю сегодня эти картины, они видятся мне как предопределение солдатской судьбы во все времена: смерть подходит очень близко, исчезает всякая идеология, человек взывает только к матери или Богу. Или к обоим».

Последняя фраза доносит до нас простую жизненную правду о войне, которая была закамуфлирована в СССР лозунгами партийной пропаганды: советские люди на самом деле шли в бой за своё Отечество, а не за государство или партию Ленина – Сталина: каждый хотел защитить свою землю, родных и близких и, естественно, выжить.

Маркус Вольф не идеализировал советских людей и не опустил в мемуарах фактов их недостойного настроения в тот момент, когда фашисты подошли к Москве. Так, он опять же достоверно пишет:

«Но странно, прямо-таки ужасающе было для меня, что я сталкивался в Москве с русскими, которые, узнав, что я немец, с радостью говорили, что вермахт скоро возьмёт Москву. Ясно, что это было нетипичным, но тем не менее потрясло меня до мозга костей. Позже, в Алма-Ате, я недолго жил в гостинице поблизости от консульства польского Лондонского правительства в изгнании. Там в некотором подобии столовой я познакомился с несколькими польскими офицерами, которые должны были воевать на советском фронте. Это были отъявленные фашисты, и опять я попал в страшную ситуацию, когда эти люди увидели во мне, немце, союзника по духу. Ну ладно, польских военных сначала направили в Сибирь, откуда они вернулись отнюдь не друзьями Советского Союза, но то, что они, поляки, на которых напали нацисты, были такими откровенными фашистами, меня очень сильно задело».

Исследуя материалы о ходе битвы под Москвой в 1941 году, я пользовался сборником документов, рассекреченных Федеральной службой безопасности России («Чекисты на защите Москвы». – М.: Управление ФСБ по г. Москве и Московской области, 2001). В нём я нашёл докладную записку о настроениях в столице. Она содержала агентурные сведения о том, что имели место случаи не только распространения пораженческих настроений, но и даже подготовки отдельных лиц к предстоящей встрече захватчиков, например: заказывались костюмы и платья, делались причёски и прочее.

К сожалению, из поля зрения Маркуса Вольфа выпал и день 16 октября 1941 года, когда в Москве после объявления эвакуации правительства, госучреждений, ряда оборонных предприятий и дипкорпуса начался хаос. Станции метро, часть трамвайных линий, а также многие магазины не работали, заводы и фабрики оказались закрытыми, к тому же производилась их подготовка к взрыву. На площади «Застава Ильича» москвичи останавливали уезжавшие на Восток грузовики и легковые автомашины, разворачивали их или сбрасывали с обочины.

Распространился панический слух, что Москву решили сдать немцам. 16 октября танкистами дивизии НКВД имени Ф. Э. Дзержинского в районе автодорожного моста через канал имени Москвы у села Химки (сейчас его нет, это район Северного речного порта) была ликвидирована просочившаяся с северо-западного направления разведывательно-диверсионная группа вермахта на мотоциклах. В Центральном музее внутренних войск в Москве есть стенд с описанием этого боя.

Надо напомнить, что к этому моменту фашистские части взяли Калинин, Боровск и Верею, а брешь в обороне столицы достигла 500 километров.

Оборона Москвы фактически разрушилась, когда танковые группы вермахта замкнули 7 октября 1941 года кольцо, внутри которого были кадровые боеспособные части и соединения РККА (Вяземский котёл, о котором говорилось выше).

Московские власти сумели после 16 октября остановить беспорядки в столице, возобновить работу и предприятий на оставшемся оборудовании, и магазинов, прежде всего продовольственных. Было введено осадное положение, возводились оборонительные укрепления, спешно перебрасывались – с учётом разведывательной информации от органов госбезопасности, сообщений МИД и из других источников – кадровые части РККА с Дальнего Востока, из Сибири и Средней Азии.

Студента Маркуса Вольфа отправили вместе с МАИ в

эвакуацию в Алма-Ату, где он продолжил своё обучение в этом вузе.

Затем, как уже упоминалось выше, Коминтерн зачислил его в свою школу в Башкирии, в которой он проходил подготовку для подпольной борьбы в Германии.

В 1943 году Сталин по просьбе своих западных союзников – Англии и США – Коминтерн распустил, что западные компартии восприняли критически.

В мемуарах бывшего курсанта школы Коминтерна есть воспоминания об этом периоде:

«Немцев брали в армию только в исключительных случаях. Мой брат был одним из них. Многих арестовали в начале войны, некоторых насильственно отправили в эвакуацию, например Вольфганга Леонхарда или художника Хайнриха Фёгелера, в Казахстан и ещё неизвестно куда. Или их направляли в так называемую рабочую армию… Были такие, которых посылали как разведчиков или к партизанам. Я получил телеграмму из Коминтерна, Коммунистического интернационала, с указанием прибыть в Уфу, в Башкирию Из Уфы – далее в Кушнаренково, в школу Коминтерна. Меня вместе с соучениками готовили к заброске в Германию через какое-то время для подпольной борьбы против фашистов. Не буду скрывать, что нам молодым нравилась авантюристская напряженность ситуации, у нас были псевдонимы, я был «Куртом Фёрстером», конечно, было удовлетворение: наконец-то мы, как наши одноклассники на фронте, могли быть полезными. Но в 1943 году школа была расформирована, потому что фашизм настолько укоренился в немцах, что использование нас, как было задумано, теряло смысл. Руководству Компартии Германии стало известно, что выпускники школы прежних лет, заброшенные в Германию, были арестованы и казнены. Гестапо раскрыло их радиокоды. Стало опасно забрасывать новых нелегалов на парашютах. Это спасло жизнь многим, возможно, и мне в их числе. Расстрелы, казни в Германии побудили руководство прекратить посылку людей на верную смерть. Однако подлинная причина оказалась несколько иной: Сталин уступил требованиям союзников о роспуске Коминтерна. Я пошёл работать диктором и комментатором на «Дойчер Форльксзендер», радиостанцию КПГ, которая работала в Москве, но делала всё так, будто передачи шли из Германии».

Мне хотелось бы привести рассказ Маркуса Вольфа о судьбах некоторых из его сокурсников по школе Коминтерна:

«Когда после роспуска Коминтерна в 1943 году школу распустили, положение в Германии и Европе уже изменилось настолько, что нам были даны разные задания. Яне и ещё двое из

нашей школы, Эмми Штенцер, моя будущая жена, и Йохана (Шуни) Штрих, сейчас Джованна Джинебри, отправились на 1-ый Белорусский фронт. Там они с передовой с помощью громкоговорителей призывали к окончанию бессмысленной войны. Это было достаточно опасно. Во время одной из акций был убит советский командир старший лейтенант Унру, а Эмми ранена.

Яна в 1944 году с похожим заданием командировали в одно из партизанских соединений в Крыму. Когда он там заболел, его сменила Шу-ни…».

* * *

Великая Отечественная война окончилась в мае 1945 года. Её итог историк Ольштынский Л. И. в своей книге «Разгром фашизма» кратко охарактеризовал так:

«Согласно последним тщательным исследованиям, из 26,6 млн. общих потерь около 18 млн. – мирные советские граждане, погибшие на оккупированной территории, в прифронтовых районах, угнанные в Германию и умершие там.

Безвозвратные демографические потери в годы Великой Отечественной войны (включая кампанию на Дальнем Востоке) Советских Вооружённых Сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 млн. 668 тыс. человек (убиты, пропали без вести, не вернулись из плена, умерли от ран, болезней и несчастных случаев), из них более 1 млн. 200 тыс. погибли в плену. Значительная доля потерь приходится на начало войны (июнь – декабрь 1941 г.) – 3 млн. 138 тыс. человек. В целом безвозвратные потери на фронтах составили 25,1 % от 34 млн. 476 тыс. человек – числа мобилизованных за годы войны в Вооружённые Силы СССР.

Говоря о потерях, надо помнить главное – итог войны. Советский народ отстоял свою независимость, СССР внёс решающий вклад в победу над фашизмом, избавив человечество от порабощения самой реакционной системой империализма. Фашистская Германия повержена, гитлеризм искоренён, в Европе почти полстолетия не было военных столкновений. Советский Союз получил гарантированную безопасность своих границ.

Развязанная фашистами Вторая мировая война дорого обошлась населению Германии и её союзников. Анализ некоторых архивных материалов и публикаций в советской и зарубежной печати показывает, что общие людские потери вооружённых сил Германии равны 13 млн. 448 тыс. человек или 75,1 % от числа

мобилизованных в годы войны, погибло 46 % всего мужского населения (включая и Австрию). Потери союзников Германии не имеют точных данных…».

При собственном изучении имеющихся у историков ФРГ данных немецких потерь я принимал во внимание то, что в последние перед капитуляцией разгромные для Третьего рейха месяцы учёт потерь вермахта, ВВС и ВМФ Германии практически прекратился и они, вероятно, не вошли в статистику профессора Ольштынского. Однако немецкие среднесуточные потери значительно возросли, и я допускаю, что в итоге так называемые боевые потери войск Германии в войне должны составить около 15 млн. человек.

Наступивший мир дал, в частности, семьям Вольфа и других немецких политэмигрантов в СССР возможность возвратиться на родину.

Третья часть. Вернуться в Германию

Из Москвы в Берлин

Победа советского народа в Отечественной войне над Третьим рейхом принесла многим странам Европы освобождение от фашистской тирании, в том числе и Германии.

Победители во Второй мировой войне разделили Германию на зоны своего влияния, что оказалось благоприятной почвой для идеологического противостояния социализма и капитализма. В 1946 году это повлекло за собой «холодную войну» между ними, длящуюся до сих пор.

Теперь уже победа отразилась на судьбе Маркуса Вольфа, поставив его, немецкого коммуниста и советского гражданина, перед выбором дальнейшего пути в жизни. Но он уже стал самостоятельно искать и находить решение возникавших проблем. Со временем он найдёт ответы и на сложные и неизбежные вопросы, что есть свобода, что есть ответственность и что есть личность, но не прекратит думать над вопросом, что есть человечество и каково его будущее.

Вполне логично то, что он вернулся вместе с родителями именно в Восточную Германию, поскольку она тогда являлась советской оккупационной зоной. Естественно, что он отказался от своего, свойственного военному времени предубеждения, что все немцы, жившие в Германии при Адольфе Гитлере, служили фюреру. Наоборот, он найдёт тех немецких антифашистов, которые станут для него примером для подражания.

В интервью Маркуса Вольфа немецкому журналисту Хансу-Дитеру Шютту, изданным под названием «Маркус Вольф. Последние беседы» (М.: «Международные отношения», 2008) есть описание этого возвращения и его мотивации:

«…Я с поступлением в школу Коминтерна уже считался немецким коммунистом. Правда, тогда не было никакого официального ритуала приёма в Коммунистическую партию Германии, но членство засчитывалось именно с этого времени. Я жил среди немецких коммунистов, и речь шла о скором возвращении на Родину, в Германию. Это было совершенно бесспорно, так я к этому относился. Я всегда чувствовал себя, когда воспринимал непосредственно малую Родину, швабом, ведь я ничего другого о Германии не знал: в Вюртемберге я был ещё ребёнком, а потом сразу же оказался в Москве…

…Я член левой партии по духовной традиции. Если от почти двух миллионов партийцев останется хоть несколько десятков человек (возьмём такую статистическую крайность), даже тогда из этой партии просто так не уходят. Для меня это связано с

такими понятиями, как верность и достоинство.

…Принадлежность к коммунистам поднимала меня и опускала, однако при этом я всегда чувствовал себя самим собой, даже когда меня одолевали сомнения (Вольф имел в виду СЕПГ. – *Н. В.*)».

В 1945 году немецкий коммунист Маркус Вольф вместе с антифашистской группой Вальтера Ульбрихта, который знал семью Фридриха Вольфа, возвращается в Германию и работает на радио Восточного Берлина. В этой группе были немецкие коммунисты и антифашисты, в том числе немецкие военнопленные, члены Комитета «Свободная Германия».

Маркус Вольф рассказал подробно, как это было:

«…На мою долю выпало направление работать на радио Берлина.

Тяжёлое время – простые очевидные решения. Вальтер Ульбрихт сидел тогда в доме в Лихтенберге, к нему приглашали людей, всё происходило очень быстро: раз-два, и человек выходил с направлением или поручением. На него даже особенно не смотрели. Конвейерный способ. «Ты пойдёшь на радио. Давай, сейчас ничего обсуждать не будем, для разговоров нет времени. Итак, принимаем решение, отправляйся на радио, вот так-то. Следующий, пожалуйста. Как-то я ещё раз обратился к нему по поводу моего неоконченного обучения в Москве, тогда он только сказал: «Мы сейчас не строим самолётов в СССР, мы делаем работу здесь, которая необходима в Берлине».

Однако, по рассказу Маркуса Вольфа, он дал согласие не сразу:

«Я попытался отговориться, не испытывая никакой склонности к работе за письменным столом, и это продолжалось до тех пор, пока Ульбрихт не обрезал меня замечанием, что каждому следует направляться туда, где он больше всего нужен».

Дополнил Маркус Вольф свой рассказ о Вальтере Ульбрихте следующим воспоминанием:

«Об Ульбрихте говорили, что он не очень заботится о людях, для него они только камушки мозаики в картине, которую он собирает по своим представлениям. Позднее, когда он призвал меня на пост руководителя разведки, это тоже было делом пяти минут. Совершенно обезличенно, никаких вопросов, которые могли быть у тебя, всё очень казённо и рассчитано на беспрекословность».

Работать на радио Маркусу Вольфу понравилось:

«В огромном здании в Шарлоттенбурге нас ожидало около семисот сотрудников, оставшихся от имперского радио времён д-ра Гёббельса. Нас же, намеревавшихся создать антифашистское

радио, было целых семь человек. Этот радиодом был неведомым миром. Расположенный в британском секторе, он представлял своего рода форпост начавшейся холодной войны. Так как нашему руководству, находившемуся в Восточном Берлине, было трудно добираться до этого здания, мы располагали такой свободой действий, о которой будущие журналисты ГДР могли только мечтать. Мои первоначальные опасения быстро развеялись, работа оказалась интересной. Я писал внешнеполитические комментарии под псевдонимом Михаель Шторм, иногда работал репортёром и руководил различными политическими редакциями.

Время от времени я встречался с Ульбрихтом. В моей серии передач «Трибуна демократии», в которой брали слово представители всех партий, он излагал точку зрения Социалистической единой партии Германии, возникшей в результате объединения Коммунистической и Социал-демократической партий в зоне, находившейся под советским управлением. Фальцет и саксонское произношение неприятно действовали на слушателей. У меня хватило бестактности с самыми лучшими намерениями предложить ему отказаться от выступлений и поручить читать его тексты опытному диктору. Его реакция не оставила сомнений, что лучше мне было этого не делать».

С юмором у Маркуса Вольфа всегда было всё в порядке, я имею в виду, как ярко он изложил этот эпизод, хотя вполне мог и «погореть» из-за данного им Ульбрихту доброго совета.

Нюрнбергский трибунал

Известно, что Советское правительство выдвинуло своё требование суда над фашистскими военными преступниками ещё в заявлении от 14 сентября 1942 года «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершённые ими в оккупированных странах Европы».

После безоговорочной капитуляции вооружённых сил Третьего рейха настало время для уголовного процесса над нацистскими преступниками, который получил широкое освещение в средствах массовой информации всего мира.

Главный обвинитель от США Р. Джексон во вступительной речи в Международном трибунале так охарактеризовал процесс:

«Это судебное разбирательство приобретает значение потому, что эти заключённые представляют в своём лице зловещие силы, которые будут таиться в мире ещё долго после того, как тела этих людей превратятся в прах. Эти люди – живые символы расовой ненависти, террора и насилия, надменности и жестокости, порождённых властью. Это – символы жестокого национализма и милитаризма, интриг и провокаций, которые в течение одного поколения за другим повергали Европу в пучину войны, истребляя её мужское население, уничтожая её дома и ввергая её в нищету.

Они в такой мере приобщили себя к созданной ими философии и к руководимым ими силам, что проявление к ним милосердия будет означать победу и поощрение того зла, которое связано с их именами. Цивилизация не может позволить себе какой-либо компромисс с социальными силами, которые приобретут новую мощь, если мы поступим двусмысленно или нерешительно с людьми, в лице которых эти силы продолжают своё существование».

С этой целью и был создан Международный военный трибунал, который судил преступных руководителей Третьего рейха.

Цитату из речи американского обвинителя автор включил в книгу потому, что Р. Джексон, представляя на суде юстицию США, объективно и доказательно обозначил также весомость вклада СССР как страны-победителя, а не агрессора в разгром фашизма и, соответственно, его большую роль в мировой политике того времени, что оспаривается Западом теперь.

В 1945 году Маркус Вольф выехал в Нюрнберг из советской зоны оккупации Германии в качестве корреспондента радио. На суде присутствовала и небольшая группа немецких

антифашистов, а также бывших военнопленных.

Судебный процесс над 22 главными военными преступниками гитлеровской Германии начался 20 ноября 1945 года и завершился 1 октября 1946 года.

Маркус Вольф в своём «Последнем интервью» уделил внимание вынесению приговора нацистским преступникам:

«Оглашение приговора происходило, с точки зрения прессы, совершенно необычно. Подобного в истории радио, насколько я знаю, никогда не было. По совместному решению стран-победительниц приговор зачитывался в течение двух полных дней, 30 сентября и 1 октября 1946 года, по всем радиостанциям. Это значило, что повсюду и все программы были одинаковыми, Швейцария и Австрия присоединились. От каждой зоны оккупации было по одному репортёру, кроме французов, которые работали вдвоём. По плану, подготовленному союзными офицерами-контролёрами, эти репортёры вели свои передачи прямо из кабины в зале суда, находившейся выше и сзади скамьи подсудимых…».

В заключение нужно всё-таки напомнить, что Нюрнбергский трибунал назвал агрессором только фашистскую Германию. И его приговор фальсификаторам не изменить, даже по истечении срока давности.

Вспомним удивительно точный прогноз будущей оценки на Западе приговора суда, сделанный председателем Верховного суда СССР Л. Н. Смирновым в послесловии к книге А. И. Полторака «Нюрнбергский эпилог»:

«Империализм США многое сделал бы сейчас для того, чтобы до основания вытравить в памяти человечества даже воспоминания о Нюрнберге. Ещё в 1946 году реакционный американский сенатор Тафт писал о том, что «США будут долго сожалеть» о приведении в исполнение приговора Нюрнбергского трибунала. Мракобесы современности не в силах повернуть историю вспять. Все расчёты идеологов реакции на короткую память человечества обречены на провал. Мне довелось разговаривать о Нюрнберге в Непале, Индии, Алжире, Эфиопии, многих других странах, расположенных далеко от полей минувших битв Второй мировой войны, от нацистских лагерей смерти, от могил варварски умерщвлённых русских, украинцев, белорусов, поляков, евреев, чехов, словаков, французов, датчан. И я имел возможность убедиться, что память о Нюрнбергском трибунале жива везде – на всех континентах, где живут и борются за мир, за гуманные принципы человеческого общежития простые люди, ненавидящие фашизм и войну».

Образование ГДР

В октябре 1949 года советская зона оккупации Германии провозгласила себя Германской Демократической Республикой, которая была сразу признана Советским Союзом.

Это явилось политическим ответом СССР на образование союзниками во Второй мировой войне Федеративной Республики Германия в своих зонах.

Маркус Вольф в своей книге «Игра на чужом поле» написал, что в связи с созданием ГДР он оставил работу на радио и перешёл на дипломатическую службу:

«Чуть позже (после образования ФРГ весной 1948 года. – *Н. В.*) меня вызвали в Центральный комитет СЕПГ. В качестве реакции на признание нашего государства со стороны СССР было высказано намерение тотчас же учредить в Москве дипломатическую миссию. Мне предназначалась должность первого советника посольства. Идя на дипломатическую службу, я должен был отказаться от советского гражданства. 3 ноября вместе с послом Рудольфом Апельтом и первым секретарём миссии Йозефом Шютцем я прибыл в Москву. Что это был за контраст с печальной картиной разрушенного Берлина! 7 ноября, в день годовщины Октябрьской революции, я стоял на трибуне рядом с Мавзолеем Ленина, а в кармане у меня лежали красный дипломатический паспорт и заявление о выходе из советского гражданства. Я и представить не мог, что моя карьера дипломата продлится всего лишь полтора года».

В «Последних беседах» Маркус Вольф, вспоминая о работе в посольстве ГДР, отметил:

«У меня было это неоспоримое преимущество (знание жизни в СССР. – *Н. В.*). Поэтому для многих я был первым человеком, хотя я и был молодым, но уже опытным «русским». Для меня не составляло ни малейшего труда получить от советских коллег информацию по протокольным и иным вопросам. Я чувствовал и вёл себя как дома, и вдруг я – иностранный дипломат. Довольно своеобразная ситуация. Я встречался с друзьями, но то у одного, то у другого замечал всё же некоторую робость. Страх перед иностранцем. Дистанцию в общении с немцем. На встрече с одноклассниками 110-й школы меня представили: Миша Вольф, советник дипломатической миссии ГДР. Затем была довольно неприятная история с двойным дном. Двойным дном в другой области. У меня был дипломатический паспорт ГДР, но по советскому закону я оставался советским гражданином, а в СССР двойное гражданство не разрешалось. Да! Начиналось это ведь

ещё сложнее. Сразу же после моего приезда после войны в Берлин я пошёл в Шарлоттенбурге в отделение полиции и получил там временный берлинский паспорт. ГДР тогда ещё не было. Итак, я был жителем Западного Берлина, я жил в Шарлоттенбурге… Другого советского паспорта, кроме внутреннего, срок которого давно истёк, у меня не было, а советского загранпаспорта я никогда не получал».

Читатель уже знает, что Маркус Вольф написал заявление о выходе из советского гражданства и стал только гражданином ГДР.

Однако, как уже упоминалось, дипломатическую службу он нёс не так долго: у судьбы был свой план в отношении него.

Направление в разведку ГДР

В конце 1940-х годов Советский Союз изменил свою политику в отношении так называемых стран народной демократии Восточной Европы, которые были освобождены от немецкой оккупации Красной армией.

В России есть афоризм, кажется, Крутиера (настоящего имени автора я не знаю), вполне подходящий для новой ситуации, в которой оказался тогда мудрый по жизни Маркус Вольф: «Что только не подпишешь, если жизнь заставит».

Действительно, и после окончания войны сталинское время редко предоставляло человеку возможность выбора, тем более когда тоталитарная власть приняла решение.

Как написал в своей книге «История внешней разведки. Карьеры и судьбы» Леонид Млечин, Политбюро ЦК ВКП(б), «исходя из единства политических целей и задач, а также взаимного доверия» с этими странами, приняло решение о прекращении агентурной работы в них. 30 июля 1949 года существовавшим в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии аппаратам внешней разведки СССР дали соответствующее указание… В странах народной демократии были открыты представительства советской разведки (Комитета информации – так называлась тогда внешняя разведка. – *Н. В.*).

Восточная Германия до октября 1949 года являлась советской зоной оккупации Германии. В ней существовали структуры полиции и безопасности: Германское управление внутренних дел, Комитет по охране народной собственности (после образования ГДР его переименовали в Главное управление по охране народного хозяйства Министерства внутренних дел, ставшее одним из предшественников МГБ ГДР) и Комиссариат № 5 (К-5), работавший под контролем МГБ СССР и осуществлявший деятельность против бывших нацистов, контрреволюционеров, врагов социалистического строительства и Советского Союза.

С образованием ГДР возникла необходимость создания Министерства государственной безопасности, которое учредила Временная народная палата 8 февраля 1950 года с формулировкой для «обеспечения безопасности… Германской Демократической Республики», включая «борьбу со шпионажем, саботажем и диверсиями». Министром был назначен Вильгельм Цайссер, первым статс-секретарём – Эрих Мильке, будущий руководитель МГБ ГДР.

Созданная по советскому образцу, она стала партийной

контрразведкой.

Автор считает, что история образования системы органов безопасности ГДР, изложенная в упомянутой выше книге Л. М. Млечина, в основном отражает объективный ход событий того времени, когда Маркус Вольф был направлен на работу в разведку.

Срок дипломатической службы Маркуса Вольфа быстро истёк в силу объективных причин. Первой была нехватка в ГДР квалифицированных и политически надёжных кадров для работы в госаппарате (в Восточной Германии ещё проводилась дефашизация). Второй – то, что коммунист, дипломат и эмигрант из СССР Маркус Вольф оказался востребованным в ГДР при создании внешней разведки.

В книге «Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки» он подробно изложил, как всё было:

«В августе 1951 года статс-секретарь Антон Аккерман по срочным делам вызвал меня в Берлин. Аккерман, которого в действительности звали Ойген (Евгений. – *Н. В.*) Ханиш, был одной из ведущих фигур в Политбюро СЕПГ. Его биография была типична для партийного функционера, прошедшего школу Коминтерна в Москве и жёсткую практику в партии «нового типа», то есть сталинского образца. После захвата власти Гитлером он сначала участвовал в антифашистском Сопротивлении в Берлине, потом работал в Москве, в Париже и в Мадриде и снова в Москве. В качестве уполномоченного КПГ по агитации и пропаганде Аккерман вместе с Пиком, Ульбрихтом и Флорином участвовал в еженедельных заседаниях нашей редакции «Дойчер фолькссендер». Будучи членом Национального комитета «Свободная Германия (НКСГ), он отвечал за Работу его радиостанции под тем же названием, на которой работал мой однокашник по школе Коминтерна Вольфганг Леонхард.

Я очутился в министерстве иностранных дел, где Аккерман, не задерживая меня объяснениями, сообщил, что мне надлежит во второй половине дня прийти в комнату номер такой-то в здании Центрального Комитета. Я порядком удивился, увидев, что в названной комнате меня ждал не кто иной, как сам Антон Аккерман. Он любил такие инсценировки.

Теперь-то Аккерман и объяснил мне своим неподражаемым таинственно-торжественным тоном, что партийное руководство уполномочило его создать политическую разведслужбу и что я предназначаюсь для определённой должности в этом аппарате. Это было не предложение, а приказ партии. Я был горд тем, что мне оказано столь высокое доверие.

16 августа 1951 года был создан Институт экономических

исследований. Такое название для маскировки получила наша новоиспечённая Внешнеполитическая разведка (ВПР). Несколько сложновато, но очень конспиративно. Моя первая служебная задача в новой должности заключалась в том, что я сел в восьмицилиндровый лимузин Рихарда Штальмана «Татра», который доставил несколько человек в предместье Берлина Бонсдорф. По дороге к нам присоединился роскошный открытый «Хорьх», в котором ехали будущие советские партнёры. Зрелище было весьма импозантное, но едва ли Аккерман именно так представлял себе сохранение тайны.

Рихард Штальман, которому предстояло стать ответственным за создание оперативно-технической службы, был симпатичным человеком. Вся его жизнь прошла под знаком конспирации с тех пор, как в 1923 году он стал работать в Военном совете КПГ. Его звали, собственно, Артур Ильнер, но псевдоним стал «второй натурой» Штальмана, так что даже его жена Эрна называла мужа Рихардом. Хотя Штальман никогда не занимал высоких партийных постов, у него сложились доверительные отношения со всем руководством. Как и вся «старая гвардия», он редко рассказывал о волнующих событиях прошлого, и далеко не сразу я узнал, что именно Штальман был знаменитым «партизаном Рихардом» – участником гражданской войны в Испании, близким доверенным лицом Георгия Димитрова, а во время войны помогал в Швеции Герберту Венеру в организации нелегальной работы КПГ в Германии. Оставшиеся в живых участники испанской войны с большим уважением говорили о его способностях руководителя и об осмотрительности, с которой он готовил опасные операции. Димитров неоднократно поручал ему важные задания.

Вероятно, только человек моего поколения может понять, что тогда означало для нас имя Димитрова. Когда после процесса о поджоге рейхстага и своего освобождения он приехал в Москву, мы чествовали его как героя, устоявшего перед нацистами. И этот герой безоговорочно доверял Штальману, находившемуся бок о бок с ним, называя его «лучшей лошадью в конюшне». В таких людях, как Рихард Штальман, я видел воплощение своих идеалов. Это были профессиональные революционеры, служившие мне примером для подражания».

Прежде чем я продолжу цитировать воспоминания Маркуса Вольфа о создании разведки, просто необходимо сказать, что в течение моего нахождения в служебных командировках я был свидетелем того, как в ГДР, в том числе в МГБ и его Управлении внешней разведки, высоко чтили традиции подпольной борьбы КПГ и увековечивали память о её героях путём создания

памятников, переименования улиц и даже городов. Были и другие примеры: город Хемниц переименовали в Карл-Маркс-Штадт (после объединения Германии город снова стал Хемницем, но я уверен, что традиции рабочего движения живы, и в этом нет ничего плохого).

Маркус Вольф описал процедуру создания разведки ГДР следующим образом:

«В Бонсдорфе мы, восемь немцев и четыре «советника» из СССР, основали Внешнеполитическую разведку ГДР, о деятельности которой у большинства присутствовавших немцев были смутные представления.

И здесь я снова оказался самым младшим. Аккерман позаботился – иного, впрочем, и не приходилось ожидать, – чтобы встреча проходила в атмосфере подобающей торжественности. Так как никто из нас впоследствии не смог вспомнить дату, а протокол тоже не вели, мы задним числом объявили 1 сентября 1951 года днём основания нашей разведслужбы.

Аккерман представил руководителя советской группы как товарища Грауэра, которому Сталин лично поручил помочь нам. Грауэр работал для разведки в советском посольстве в Стокгольме. Он был опытен, и мы ловили каждое слово, когда он рассказывал нам о полной приключений повседневности секретных служб. Он учил нас создавать службу, разделять её на отдельные направления и поражать противника в самые чувствительные места. К сожалению, конец Грауэра был трагичен. Он стал болезненно недоверчивым – видимо, сказались и профессиональное разрушение личности, и тревожная атмосфера сталинского времени в СССР.

…В конце концов КГБ отозвал Грауэра в Москву… Именно этим событием я объясняю просьбу Аккермана об освобождении его от должности, последовавшую уже год спустя после основания службы».

Как мне известно, полковник Грауэр Андрей Григорьевич, «товарищ Акимов», был первым представителем советской разведки в ГДР, который помог становлению её внешнеполитической разведки, передав друзьям знания, опыт и основные методы организации разведывательной деятельности.

Далее Маркус Вольф написал:

«В начале деятельности нашей внешнеполитической разведки советники из СССР играли значительную, если не сказать доминирующую, роль. Это положение менялось по мере «взросления» нашей службы.

Сначала наши начальники отделов под присмотром советников усердно писали планы работы. Бюрократия, которой

мы должны были следовать, доходила до того, что нам, помимо прочей возни с бумагами, приходилось часами подшивать документы в папки. Смысл этой процедуры, берущей начало, вероятно, из времён царской тайной полиции, советники нам так никогда и не раскрыли.

Структура нашего аппарата почти зеркально воспроизводила структуру соответствующей советской службы. Так как наш советский образец был отделён от контрразведки и подчинён министру иностранных дел Молотову, то у нас руководителем был назначен Аккерман, работавший в министерстве иностранных дел. Формулировка основных документов нашей будущей работы позволяла без труда догадаться, что наши директивы максимально точно переводились с русского. Наши задачи охватывали политическую разведку в Западной Германии и Западном Берлине, экономическую и научно-техническую разведку в областях ядерного и ракетного оружия, атомной энергии, химии, электроники и электротехники, самолёто– и машиностроения и обычного оружия. В их число входила и разведка, направленная против западных государств – членов НАТО.

Небольшой самостоятельный отдел контрразведки отвечал за наблюдение над западными секретными службами и проникновение в них. Он сразу же оказался в конфронтации с существовавшим с февраля 1950 года министерством государственной безопасности, которое, располагая гораздо более многочисленным аппаратом, также действовало в этой области.

Позже меня не раз спрашивали, почему Москва создала себе в лице нашей службы немецкого конкурента, который вскоре обрёл чувство собственного достоинства и во многом превосходил советскую разведку в Германии? Я полагаю, что в Москве с полным основанием считали: немецкой службе будет в послевоенной Германии легче, чем русским, добираться до определённой информации, которую братская служба будет предоставлять советской стороне. Так дело и обстояло, по крайней мере, поначалу, когда наша служба находилась под полным советским контролем. Мы послушно передавали советникам из СССР всю информацию, даже псевдонимы наших источников. Но постепенный переход к соблюдению правил конспирации, в том числе и в отношениях с советскими коллегами, к тщательному отбору того, что они должны знать, а чего – нет, не вполне соответствовали позиции «отцов-основателей».

Моим первым прямым начальником был Роберт Корб, с которым я познакомился на «Дойчер фоьксзендер» в Москве. Он

руководил отделом информации, состоявшим из нас двоих и секретарши. Мы сидели в бывшей школе в Панкове, недалеко от закрытого квартала, в котором жили руководители партии и государства… Он был блестящим аналитиком, учившим меня критически проверять сообщения оперативных отделов. Мы оба быстро поняли, что постоянное и глубокое изучение материалов печати делает излишней иную «секретную» информацию. От понимания этого аналитику недалеко до признания необходимости, постоянно опираясь на самые различные источники, формировать собственное мнение, чтобы критически оценивать разведывательный материал… Корб был в некоторых отношениях, что называется, оригиналом. Его саркастические замечания и остроты всегда попадали в точку. Он не ведал почтения к вышестоящим лицам, и мы быстро нашли общий язык. Мы лояльно служили государству, не впадая в фанатизм, а к миссионерскому ожесточению некоторых наших политических руководителей относились иронически дистанцированно».

Последнее признание Маркуса Вольфа в самостоятельном мышлении свидетельствует о том, что он – личность, которая не руководствовалась в службе и жизни карьеристским принципом «чего изволите-с?».

Надо сказать, что Маркус Вольф после отставки пытался внести в ЦК СЕПГ свои предложения по реформированию ГДР, начиная с партии, которая по-прежнему придерживалась догматического курса. Он считал, что имелись ещё возможности спасти существующий строй. Однако руководство СЕПГ во главе с Хонеккером отрицательно относилось к идее перестройки.

В откровенных беседах с советскими офицерами связи Маркус Вольф, действительно, нередко с большой долей иронии комментировал и критиковал принимаемые в ГДР решения, которые считал догматическими и неэффективными для дела строительства социализма.

Это не было критиканством, однако воспринималось мною, поскольку я ещё не знал его как человека, проявлением в обществе советских коллег некоего фрондёрства, но… со временем я убедился, что высказанные им в иронической форме критические мнения по актуальным проблемам жизни как в ГДР, так и в Советском Союзе – это проявление жизненной позиции человека честного и неравнодушного. Причем патриот своей страны не считал, что это рискованно и может повредить ему, наоборот, инакомыслие, по его убеждению, норма внутрипартийной демократии. В этом можно убедиться теперь, прочитав его мемуары.

В парторганизациях подразделений советской

госбезопасности, в которых я состоял на учёте, партийная демократия тогда расширилась, но принцип демократического централизма по-прежнему соблюдался строго, и отклонение от принятой линии партии считалось недопустимым. Правда, велась и работа по искоренению фанатизма в партийной жизни.

Даже после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС в СССР в сознании людей ещё долго сохранялся страх, и мы от него продолжаем освобождаться и сейчас. Я с благодарностью вспоминаю жизнь парторганизации последнего отдела, в котором я работал до перехода в разведку, да и действия нашего парткома в Управлении КГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области. В рамках политической учёбы мы обсуждали и такой актуальный вопрос того времени: в чём разница между культом личности и авторитетом руководителя партии – Хрущева Н.С.? Коммунисты открыто и с иронией, понятно, меньшей, чем у Маркуса Вольфа, высказались вполне определённо: разница между культом личности и авторитетом вождя пока невелика, но, дескать, посмотрим, как пойдёт дело. В то время возникла волна славословия в адрес нового генсека.

Моему поколению сотрудников госбезопасности, призванных партией после XX съезда на смену «бериевским кадрам», пришлось участвовать в пересмотре архивных дел на репрессированных при Сталиных советских гражданах на предмет их реабилитации.

Помню, что каждый оперативный сотрудник получал 40 архивных уголовных (только не «расстрельных») дел, изучал их материалы и писал, причём от руки и по шаблону, заключения по ним. В них мы обязательно отражали два вывода: о наличии в деле доказательств преступления, за которое «Особое совещание» (или «Тройка») НКВД/МГБ во внесудебном порядке на основании конкретного пункта статьи 58 УК РСФСР, как правило, приговаривало к 10 годам заключения, и материалов, подлежащих дальнейшему хранению. Если ни одного, ни другого не было, дело подлежало уничтожению комиссией путём сожжения по акту, а утверждённые заключения отправлялись на вечное хранение в архиве вместе с актом. В этих делах, согласно описей, фактически находилось в среднем от 15 до 30 листов. Всего лишь! Это были вместе с описью: вырезки из протоколов допроса других осуждённых, сообщения заявителей и, по-моему, даже негласных сотрудников, и обязательно – выписка из протокола заседания внесудебного органа госбезопасности с вынесенным приговором. Конвейер репрессий работал в годы сталинского террора упрощенно, но быстро. После XX съезда КПСС был организован процесс восстановления социалистической

законности, оперсоставу было дано указание согласовывать ведение дел со следственным отделом, также был усилен контроль прокуратуры за деятельностью органов госбезопасности.

По одному из рассмотренных мною тогда дел проходил малограмотный рабочий, получивший 10 лет ИТЛ. Он, будучи передовиком, маршировал в праздничной колонне демонстрантов своего завода по Красной площади. Ему удалось увидеть вблизи и заинтересованно, что вполне понятно, рассмотреть на трибуне мавзолея живого Сталина – редкая удача. Вернувшись домой и традиционно распив бутылочку водки, он, видимо захмелев, по-простецки, со множеством орфографических и синтаксических ошибок, умудрился-таки написать – о чём бы, вы думаете? – о своих явно пролетарских и ошеломивших его впечатлениях от внешности(!) вождя (я этот документ из дела не то что внимательно прочитал, а изучил, ища крамолу, и не нашёл её). Потом рабочий не счёл за труд отослать свои откровения, да не кому-нибудь, а лично ему – вождю! Да ещё, по мнению тех, кто их в органах получил, и клеветнически присочинил, что вождь совсем маленького роста и рябой, – в общем, нет, не былинный он Добрыня Никитич – товарищ Сталин. Ну, совсем, право, не такой импозантный, каким его изображают народу и каким привык считать его пролетарий. А заключил он своё послание простодушно – искренним, но вызвавшим сомнения пожеланием вождю поинтересоваться, как живут рабочие в коммуналках: де, пора бы и облегчить им жизнь. Мне кажется, что этот рабочий вряд ли ещё раз обращался к вождю: находился он потом далеко от столицы, к тому же мог, кстати, от постигшего его, отрезвляющего разочарования вообще перестать писать.

Понятно, что Корб и Вольф из-за их иронии по отношению к власти в ГДР в подобной ситуации и не могли быть: наступила пора хрущёвской «оттепели», а позднее и горбачёвской гласности.

Я считаю, что Маркус Вольф как интеллектуал, обладавший нестандартным мышлением, видел промахи партийного руководства. Он как коммунист всю свою жизнь направлял усилия на укрепление ГДР как социалистического государства и обеспечение её безопасности.

Становление разведки ГДР

Если вновь вернуться к становлению разведки ГДР, то следует привести следующую цитату из воспоминаний самого Маркуса Вольфа:

«…Благодаря своему прошлому Рихард Штальман был на короткой ноге со всем руководством нашего молодого государства. Если наша новоиспечённая служба сталкивалась с неожиданными трудностями, Штальман разыскивал премьер-министра Отто Гротеволя прямо дома, и проблема решалась. Если, скажем, нам срочно нужна была валюта, которую мы, двигаясь по предписанному пути, получили бы самое раннее через несколько месяцев, то он посещал министра финансов и приносил от него деньги в портфеле. Ему удалось даже присвоить в пользу нашей крошечной службы не менее половины из двадцати четырёх лимузинов «Татра», которые Чехословакия поставила нашему правительству.

Да и внутри самой службы прошлое Штальмана было несомненным плюсом. Как любая другая разведка, мы нуждались в хорошо изготовленных паспортах и других удостоверениях личности соответствующих стран. Для него ничего не было легче, чем раздобыть целый набор разных сортов бумаги или разыскать специалистов, которые владели почти вымершим искусством изготовления документов от руки, соблюдая при этом правила безопасности…».

Так начиналась карьера разведчика, которой «суждено было продолжаться тридцать пять лет». Следующий шаг в своей карьере в разведке Маркус Вольф изложил в мемуарах так:

«В нашем новом здании на Роландсуфер, в центре Берлина, я стал заместителем начальника отдела контрразведки, к которому до тех пор недоброжелательно относилось в министерстве госбезопасности. Руководил отделом Густав Шинда, обладавший многолетним опытом нелегальной работы.

Наша задача заключалась в проникновении в западногерманские спецслужбы. Это было легче сказать, чем сделать. Мы сидели вчетвером, не имея никакого представления о том, как, собственно, нам тягаться с разведслужбами, почти без ущерба пережившими крах Третьего рейха и возродившимися в Федеративной республике, как феникс из пепла.

Когда наш крошечный отдел контрразведки на рубеже 1951–1952 годов начал борьбу против западногерманских разведслужб, уже развернувшихся вовсю, географическое название «Пуллах», которое время от времени появлялось в печати, окутанное

тайной, мало что говорило нам. Оно было символом неизвестного и, казалось, недоступного мира. День, когда мы стали хорошо ориентироваться в нём, был ещё далёк…».

В этом отделе Маркус Вольф приобрёл ценный опыт практической работы, который он сформулировал следующим образом: «…в разведке нельзя забывать о логике и позволять вводить себя в заблуждение, принимая желаемое за действительное… необходимо постоянно подвергать сомнению однажды высказанные мнения». Это, как говорится, азы разведывательной службы. Я полагаю, именно такие рекомендации давали первые советские наставники из группы Грауэра, принимавшие участие в помощи немецким друзьям при создании аппарата разведки ГДР.

С учётом активности работы контрразведок противника против КПГ новой разведке ГДР пришлось отказаться от практиковавшегося ею использования кадров разведки компартии Германии: «…вплоть до своего запрета КПГ была таким же табу для нашей службы, как позже её преемник – Германская коммунистическая партия».

Ситуация в разведке ГДР тем временем неожиданно изменилась, поставив Вольфа перед очередной необходимостью принятия теперь, можно уверенно сказать, судьбоносного (и не только для него одного) решения, поскольку внешняя разведка – это один из важных инструментов государственной власти, опосредствованно влияющий как минимум на общественную жизнь страны, а если разобраться в её роли глубже, то и на геополитику. Достаточно вспомнить, как по данным ЦРУ лидеры США развязали войну с Ираком, который якобы располагал ядерными средствами массового уничтожения. Ликвидировав режим Саддама Хусейна, их не нашли.

«Мы считаем, что ты должен возглавить службу»

В ГДР возникла необходимость срочной замены руководителя внешнеполитической разведки Антона Аккермана, для чего требовалась подходящая в политическом, профессиональном, а также и в других, кстати, хорошо сформулированных Дзержинским Ф. Э. отношениях и перспективная для этого поста кандидатура. Разумеется, она должна была устроить и советскую сторону. Руководство СЕПГ остановило свой выбор на кандидатуре Маркуса Вольфа.

Он сам изложил историю с назначением так:

«В декабре 1952 года меня вызвали к Генеральному секретарю ЦК СЕПГ Вальтеру Ульбрихту, который уже считался могущественнейшим человеком молодого государства. Я отправился в ЦК, не имея ни малейшего представления о цели вызова. Тогда здание ЦК находилось еще недалеко от Александерплац. В приёмной я получил пропуск, который охрана тщательно сверила с моим паспортом. Контроль не походил тогда на драконовскую проверку, введённую в последующие годы, да и внутренний вид здания не был даже отдалённо столь же впечатляющим, как позже в так называемом Большом доме на Вердершен Маркт. И всё-таки уже в ту пору, несомненно, чувствовался тот дух, та атмосфера, которым было суждено стать столь характерными для мира партийного руководства, обособленного от народа.

…Ульбрихт без обиняков, как ему и было свойственно, приступил к делу – без какого-либо вступления, без каких-нибудь замечаний личностного характера и не глядя на собеседника.

Так я узнал, что Антон Аккерман просил освободить его от руководства Внешнеполитической разведкой. По крайней мере, в данном случае Ульбрихт придержался принятых формулировок, добавив: «По состоянию здоровья». Конечно, я знал, что представления Аккермана о собственном немецком пути к социализму расходились с безусловной верностью Москве, свойственной Ульбрихту. Позже говорили, что Аккерман якобы был неосторожен в частной жизни, а это в пуританской атмосфере, характерной для ГДР того времени, должно было означать конец политической карьеры. Кроме того, секретом Полишинеля было то обстоятельство, что нападки Грауэра всё сильнее отравляли Аккерману его работу руководителя разведки. Озадаченно воспринимая эту информацию, я услышал, как

Ульбрихт произнёс: «Мы считаем, что ты должен возглавить службу». Иными словами, по мнению руководства СЕПГ, мне, не достигшему ещё и тридцати лет, одному из многих в иерархии разведки и ещё более незначительному в партии, предстояло стать преемником Аккермана на этом важнейшем посту. На мой вопрос, через кого я должен буду поддерживать контакт с руководством, Ульбрихт ответил, что я подчинён непосредственно ему. Не прошло и четверти часа, как я снова оказался на улице и был всё ещё не менее озадачен, чем в кабинете Ульбрихта. В моей голове всё смешалось: уж очень обескураживало произошедшее. Если бы меня попросили назвать сильнейшее из охвативших меня тогда чувств, то, вероятнее всего, я бы вспомнил гордость. Гордость за доверие, которое мне оказала партия.

Я и сегодня не могу с уверенностью сказать, почему выбор пал на меня. Этому, пожалуй, могли содействовать мои хорошие отношения с Москвой и моё происхождение из семьи писателя-коммуниста, но на другую чашу весов должна быть положена моя почти полная неопытность в разведке. С другой стороны, Аккерман, несомненно, высказался в мою пользу, что не могло не повлиять на решение руководства.

Если сегодня меня спросят, как это я столь легко смог принять назначение на пост руководителя разведки, которая была частью того, что многим представляется аппаратом репрессий, то могу лишь ответить, что тогда я на это смотрел совсем не так и не мог смотреть иначе. Я вовсе не высказываюсь в защиту слепого повиновения, на которое столь охотно ссылались многочисленные попутчики гитлеровского режима после краха Третьего рейха. Принимая любое важное в своей жизни решение, я сознавал, что мог бы отказаться выполнять то, что от меня требовали, пусть и с неприятными последствиями, но без угрозы для жизни».

Старт взят

Дав согласие возглавить внешнеполитическую разведку ГДР, Маркус Вольф, конечно, исходил из того, что он может рассчитывать на поддержку и внутри службы. Именно этого он и добился.

За время своей работы в качестве одного из представителей советской разведки при Главном управлении «А» МГБ ГДР я увидел его команду в действии: это были уже опытные руководители подразделений и, естественно, единомышленники, которых сплотила и служба, и дружба.

Понятие «друг» у русских и немцев означает не одно и то же, в отличие от понятия «единомышленник». Если русский за друга готов «в огонь и в воду», то немец считает другом человека, которого он только лично хорошо знает. Поэтому, говоря о сподвижниках Маркуса Вольфа, я предпочитаю использовать определения *единомышленники* или *соратники*.

Начинали службу будущие члены команды нередко вместе, когда Маркус Вольф ещё был многим из них известен как преподаватель спецшколы, готовившей первых разведчиков ГДР.

Вот что написал об этом последний руководитель внешнеполитической разведки ГДР генерал-лейтенант Вернер Гроссманн в своих мемуарах «В поле зрения – Бонн»:

«С сентября 1953 года курсанты первого выпуска один за другим покидают школу. И вот я – сотрудник службы внешнеполитической разведки… Я ещё не знаю, что прямо напротив в большой комнате сидит мой новый шеф: Маркуса Вольфа я знаю по школе как лектора.

…Руководящие кадры, исключая тридцатилетнего Вольфа, намного старше меня. Все остальные сотрудники – молодая поросль. Некоторых я знаю по улице Чайковского. Мой письменный стол стоит в отделе IV (Западные союзники). Руководит отделом Хорст Йенике (Янике)… В советском плену он посещал антифашистскую школу. Сейчас он начальник нашего отдела. Всех нас отличает одно – слабое понятие о разведывательной работе.

Тем больше мы уважаем старших по возрасту руководящих сотрудников службы. Это Рихард Штальманн и Герхард Хайденрайх – заместители Маркуса Вольфа. Герберт Хенчке – начальник Главного отдела I (Политическая информация). Альфред Шёнхерр – начальник отдела Западного Берлина, Хайнрих Вайберг – начальник экономической разведки, Вилли Вель – начальник отдела кадров и Рихард Гросскопф – начальник

отдела изготовления паспортов и документации. Все они были в эмиграции подпольщиками, офицерами сражались либо в Испании, либо в партизанских отрядах. Мы хотим стать такими же, как они.

Наша задача ясна. Мы должны создать работоспособную, эффективную службу внешней разведки, одновременно внедряясь в места службы противника и получая оттуда информацию.

…Советские советники, прикреплённые к каждому служебному подразделению, пытаются помочь. За наш отдел отвечает офицер секретной службы в летах. Он отлично говорит на нашем языке, но немецкий менталитет ему довольно чужд. Кроме того, он едва разбирается в нелегальной работе. Но по долгу службы руководит нами и контролирует нашу работу. Мы не можем следовать многим его советам в оперативной работе, ибо они далеки от жизни в условиях разделённого на части Берлина и расчленённой Германии, далеки от наших представлений и оторваны от реальной ситуации.

…У службы внешнеполитической разведки ГДР не остаётся времени на самостоятельное взросление. В 1953 году она становится главным отделом XV ведомства государственной безопасности. …Легендой всё равно остаётся, как и с самого начала, наша работа в Министерстве внутренних дел. Едва ли кто-то воспринимает тесное переплетение внешней разведки и внутренней секретной службы как нечто особое. В недостатках, а также в определённых преимуществах, например в использовании совместных ресурсов, я конкретно разберусь позже. Включение Министерства госбезопасности в качестве ведомства Министерства внутренних дел всегда виделось в увязке с увольнением министра Вильгельма Цайссера после 17 июня (речь об антиправительственных волнениях в Берлине. – *Н. В.*). И это правильно. В конечном счёте, ГДР и здесь следует советскому образцу. Перед этим в Советском Союзе госбезопасность, включая разведку, была переведена в Министерство внутренних дел»[9].

В ходе практического взаимодействия разведок СССР и ГДР мне приходилось в Берлине решать вопросы с рядом единомышленников Маркуса Вольфа и высокопрофессиональных руководителей отделов и секторов, часть из которых поимённо названа и в книге Вернера Гроссманна. Кроме того, по поручению руководства мне приходилось общаться по вопросам мероприятий, проводившихся по линии общества Германо-советской дружбы, и с секретарём парткома МГБ ГДР, которым со временем стал Герхард Хайденрайх, убеждённый марксист и человек большой мудрости.

О нём и кадровой работе Маркус Вольф написал:

«Заместитель Аккермана Герхард Хайденрайх, которому было поручено комплектовать аппарат, был секретарём по кадрам в Союзе свободной немецкой молодёжи – молодёжной организации СЕПГ, и поэтому к нам пришло немало молодёжи из ССНМ. Им предстояло образовать ядро моей службы, будущего Главного управления разведки, сохранившееся вплоть до его ликвидации в 1990 году. Их практический опыт, накопленный на протяжении сорока лет работы, нельзя было заменить никаким учебным курсом. В отличие от большинства других спецслужб, у нас не было кадровой «карусели», когда заходила речь о занятии руководящих постов. Эта преемственность была одной из главных причин нашей эффективности, и она позволила мне сделать мой образ мышления и способ работы достоянием других».

Наблюдая несколько лет, как Маркус Вольф руководил аппаратом своей службы (численный состав Главного управления «А» МГБ ГДР в стадии его ликвидации по состоянию на 31.05.1990 года имел 4128 человек), я невольно сравнивал его стиль и методы с практикой работы нашего тогдашнего руководства в Ясеневе. Возникала даже мысль, почему бы нам, как говорится, не перенять его прогрессивный стиль, но мысль эта отпала сама по себе, когда я увидел, как заформализован у нас весь процесс руководства разведывательной деятельностью и как бюрократизм пропитал службу. Услышал я от корифеев службы и вопрос: кто у нас строит сейчас социализм? Интуитивно возникло предчувствие того, что мы втягиваемся в кризис.

После возвращения из Берлина в Москву в конце 1976 года, находясь на докладе у руководителя кадров службы, я позволил себе обратить его внимание на то, что у нас появилась масса приказов, регулирующих деятельность ПГУ. В частности, и о работе с молодыми сотрудниками: о политическом воспитании, языковой и физической подготовках, профессиональной учёбе и т. д. Это отнимало много рабочего времени во вред исполнения ими служебных обязанностей. Кроме того, я гипотетически добавил, что, если одновременно выполнять все действующие у нас приказы, наша работа может остановиться. Ответом было некоторое краткое недоумение собеседника: то есть как остановится, если все будут исполнять действующие приказы? В общем, я услышал, что надо всё продумать, изучить, разговор был полезным, но приказы множились и дальше.

В своей статье о взаимодействии ПГУ КГБ СССР с немецкими друзьями, написанной в 2000 году к 80-летнему юбилею отечественной внешней разведки, я отметил:

«Я благодарен времени и судьбе за то, что смог стать разведчиком и быть полезным Родине, что работал вместе с

профессионалами и борцами, коллегами-разведчиками ГДР: Маркусом Вольфом, Хансом Фрукком, Хорстом Янике, Отто Ледерманном, Вернером Гроссманном, Хельмутом Хартвигом, Вернером Прозетцки, Хайнцем Гайером, Гарри Шюттом, Хайнцем Лерхе, Куртом Гайлатом, Бернхардом Шормом, Манфредом Йекелем и другими.

И, конечно, со многими нашими ветеранами, заслуженными чекистами, как, в частности, Фадейкин Иван Анисимович, Бурдин Владимир Павлович, Воробьёв Иван Михайлович, Герасимов Олег Александрович, Будахин Владимир Николаевич, Смирницкий Владимир Иванович, Гончачаров Георгий Иванович (все были официальными представителями нашей службы при МГБ ГДР в разные годы) и многими другими, имена которых останутся в моей памяти, но не могут быть пока опубликованы.

С ними я был бы готов и сегодня пойти в разведку».

После объединения двух Германий в 1990 году все названные выше немецкие коллеги отвергли вербовочные подходы к себе, стойко перенесли гонения юстиции ФРГ и тяготы быта, сохранив офицерскую честь и свои идеалы.

Ради объективности следует сказать, что не все сотрудники разведки ГДР достойно выдержали эти испытания, некоторые нарушили присягу, опозорив себя.

Я горжусь тем, что среди немецких коллег, которым я доверял, предателей, как теперь известно, не было. С некоторыми из них у меня состоялась встреча в 1993 году в Берлине, а Маркуса Вольфа в последний раз я видел в 2003 году в Доме журналистов на Никитском бульваре в Москве, когда он приезжал с женой Андреа на презентацию своей книги «Друзья не умирают». Кстати, на презентации книги выступили бывшие заместители начальника ПГУ КГБ и легендарные разведчики Кондрашов Сергей Александрович и Дроздов Юрий Иванович.

Я остаюсь для немецких коллег советским другом времён «холодной войны», которую мы не сумели, к сожалению, закончить хотя бы миром с Западом.

Создав такую сильную руководящую команду в разведке ГДР, Маркус Вольф, надо признать, продемонстрировал свою одарённость и в работе с кадрами. Это позволило разведке стабильно добывать ценную информацию, даже при неудачах оставаясь, как говорят профессионалы, «на плаву», что присуще только высококлассным спецслужбам.

Начало своей деятельности в качестве шефа разведки Маркус Вольф описал так:

«С Цайссером было интересно работать. От него исходило ощущение спокойного авторитета, которое вызывало доверие и

выгодно отличало его не только от суетливости, важничанья, характерных для Милька, но и от жесткого, обезличенного стиля Ульбрихта. Раз в неделю Цайссер принимал меня… я оказывался для Цайссера желанным собеседником, с которым он, редактор собрания сочинений Ленина на немецком языке, мог обсудить вопросы перевода.

Он с презрением относился к раболепству Мильке перед Ульбрихтом и не делал секрета из своей глубокой неприязненности к генеральному секретарю партии. Ульбрихт не пользовался симпатией почти у всех эмигрантов, с которыми я познакомился ближе. У одних потому, что они помнили о его бессердечии и бесчувственности в Москве, когда он во времена самых жёстких репрессий отказывал в помощи, которая была необходима и возможна, у других, например, Пика и Аккермана, потому, что его поведение по отношению к ним было авторитарным.

Едва Ульбрихт передал разведку Цайссеру, как мы пережили первый скандал – так называемое дело «Вулкан». Его причиной был Готхольд Краус, первый перебежчик на Запад из числа сотрудников нашей службы… Так как Краус бежал накануне Пасхи 1953 года, у западногерманской контрразведки было достаточно времени, чтобы выжать из него всё, что он мог знать, и начать действовать, прежде чем мы смогли понять, что произошло.

Можно представить себе, какая растерянность охватила нас, когда после Пасхи западногерманский вице-канцлер Франц Блюхер заявил на пресс-конференции, что по «делу Вулкан» западногерманские компетентные органы арестовали тридцать пять восточногерманских агентов. Конечно, мы сразу поняли, что это число было гигантским преувеличением: ведь даже ведущие сотрудники нашей службы не знали подлинных имён такого большого числа агентов в чужой стране. Быстро выяснилось, что западногерманская контрразведка, переусердствовав, арестовала наряду с полудюжиной – и не более – настоящих агентов и связников почтенных коммерсантов, активно занимавшихся внутригерманской торговлей и при этом не имевших совершенно никакого отношения к разведке.

«Дело Вулкан», в конце концов обернувшись для западной службы конфузом: многие из тех, кого оно затронуло, подали иски о возмещении ущерба, – заставило нас всерьёз призадуматься. Мы почувствовали, сколь уязвима наша служба. Сколько нераспознанных «кротов» могло работать в нашем аппарате? Комиссия под председательством статс-секретаря Мильке самым дотошным образом проверила всех сотрудников.

Для Мильке это была желанная возможность дать мне почувствовать свою власть.

Последующие месяцы мы провели, дотошно решая кадровые вопросы и ведя упорную борьбу за каждого сотрудника, которого я не хотел терять. Опасаясь того, что может узнать о нас противник, мы решили децентрализовать аппарат и разместить отдельные подразделения в десятке зданий, далеко отстоящих друг от друга. На этот период для работы как таковой оставалось мало времени. Между тем в проблемах, которые требовали срочного обсуждения с Цайссером, не было недостатка».

Отрицательный опыт был использован для лучшей организации агентурно-оперативной и кадровой работы.

Молодая разведывательная служба ГДР, перенимая опыт братской советской разведки и при её содействии, быстро оправилась и приобрела новые информационные возможности. Причём её руководитель Маркус Вольф лично занимался вербовкой и использованием агентуры.

Партнёр – советская разведка

Не секрет, что органы госбезопасности ГДР были созданы и прошли свой путь при всесторонней помощи Советского Союза, тесно взаимодействуя с его спецслужбами.

С момента своего создания в 1951 года и до самоликвидации в 1990 году внешняя разведка ГДР активно действовала в братском союзе с советской внешней разведкой, которая оказывала ей действенную помощь и передала свои знания и опыт разведывательной деятельности.

Можно поэтому обоснованно считать, что это во многом предопределило большие успехи Главного управления «А» МГБ ГДР, ставшего одной из эффективных разведслужб современности.

С учётом этого я, как автор, полагаю, что читателям в контексте взаимодействия разведок обеих стран будет интересно познакомиться и с историей нашей внешнеполитической разведки, которая теперь называется Службой внешней разведки Российской Федерации.

Советские органы госбезопасности, как и разведка, возникли во время начавшейся смены эпох – капиталистической на социалистическую.

После свержения в России самодержавия, упразднения его институтов, в том числе органов безопасности, возникло новое государственно-политическое устройство России в форме диктатуры рабочих и крестьян, ставшее инструментом не только власти партии большевиков, но и подготовки ею мировой социальной революции.

20 декабря 1917 года по инициативе Ленина В. И. в условиях вооружённой классовой борьбы внутри страны, иностранной интервенции и постоянной угрозы агрессии извне Совет Народных Комиссаров принял решение о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которую возглавил Дзержинский Ф. Э.

В структуре ВЧК разведывательной службы не было. Отдельными воинскими частями велась только войсковая разведка, что требовалось в первый период после октябрьских событий 1917 года.

ВЧК, как карательный орган, справилась затем с задачей подавления сопротивления советской власти внутри страны, а когда гражданская война завершилась, возникла уже необходимость и в организации разведки на государственном уровне.

К этому времени начался процесс политического признания Советской России за рубежом, появились её первые полномочные представительства (полпредства), в частности в Германии в 1918 году (резидентура при нём создана в 1922 году), Эстонии, Литве в 1921 году, затем в Афганистане, Турции, Иране (резидентуры созданы в 1921 году), Китае, Саудовской Аравии. Уже в апреле 1922 года в Главном Политическом Управлении (ГПУ) создали восточный отдел, который стал вести работу по связям советских республик юга России с соседними странами.

Ведение боевых действий на фронтах гражданской войны, вооружённая борьба с интервентами, постоянная опасность агрессии извне требовали от советской власти не только вести разведку в войсках, но и создать её систему для защиты государства.

Поэтому иностранный отдел вначале (в апреле 1920 г.) был создан в составе Особого Отдела ВЧК – военной контрразведки.

Но уже 20 декабря 1920 года приказом № 169 Иностранный отдел Особого Отдела был расформирован и создан Иностранный отдел ВЧК – орган внешней разведки (ИНО) – предшественник современной Службы внешней разведки Российской Федерации.

В силу политических целей партии Ленина разведка уже изначально была идеологизирована и превращена из государственного института диктатуры пролетариата фактически в институт диктатуры партии большевиков.

Первоначально штаты ИНО формировались из проверенных большевиков-ленинцев, часть из которых много лет провела в зарубежных странах, была хорошо образованна, владела иностранными языками, имела твёрдые идейные убеждения.

В работе отдел использовал большой опыт конспиративной деятельности Российской Социал-Демократической Партии (РСДРП) в период борьбы против самодержавия, носившей в России уголовно наказуемый характер, к тому же он опосредствованно унаследовал от русской разведки и контрразведки основы и принципы конспиративной дореволюционной деятельности.

Вообще, человечество давно выработало основные принципы и методы тайной разведывательной работы, которые доступны пониманию даже ординарного ума.

Ещё в трактате китайского философа Сунь-Цзы «Искусство войны» целая глава посвящена разведке: «пользование шпионами бывает пяти видов», «они сокровище для государя», их деятельность «непостижимая тайна», то есть строго конспиративная и охраняемая государством, «для армии нет ничего ближе, чем шпионы».

Древнее указание на ведение разведывательной деятельности содержат и книги Ветхого завета Библии. Так, читаем мы в нём, Господь поручил Моисею послать для визуальной разведки 90 соглядатаев «обозреть землю Ханаанскую», которую хотел отдать «сынам Израилевым». Ему требовалась информация для окончательного принятия решения (ничего с тех пор не изменилось для разведки). Моисей весьма подробно проинструктировал соглядатаев по заданию Господа Бога: в каком направлении идти – в южном, откуда вести наблюдение – с горы, что установить: какой народ и какой численности живёт, какого качества земля – хорошая или плохая, тучная или сухая, какие города есть, живёт ли народ «в станах или крепостях», добыть и принести «плоды земли» (по-нашему: добыть образцы земли).

Немалую роль в профессиональном становлении ИНО сыграли как практическая помощь аппарата Коммунистического Интернационала (Коминтерн), так и использование бывших сотрудников спецслужб России, разделявших политику большевиков. Прежде всего это касалось принципов и методов организации работы легальных резидентур, вывода за рубеж нелегальных разведчиков, методов вербовки и поддержания связи с агентурой, а также практической кадровой помощи со стороны зарубежных компартий.

Причём так называемая закордонная часть ИНО являлась ответственной именно за «руководство и управление зарубежной работой разведывательного и контрразведывательного характера». С этой целью предусматривалось создание за границей легальных резидентур (ранее работа велась с учётом подпольной деятельности большевиков в России с нелегальных позиций).

ИНО ГПУ с 1923 года партией предписывалось, в частности, «усилить работу… в направлении пресечения связи меньшевиков с Россией». «Пресечение» затем привело к акциям по физической ликвидации «врагов народа» и за рубежом.

В 1927 году ИНО вывели из Секретно-оперативного управления в непосредственное подчинение начальнику ОГПУ Ягоде Г. Г., таким образом, внешняя разведка получила статус отдельной службы.

Деятельность разведки, равно как и правоохранительных органов, к которым она, правда, не относится, находилась с момента её создания под контролем коммунистической партии (в последние годы существования СССР – Отдела административных органов ЦК КПСС) и была до 1991 года надёжным инструментом государственной внешней политики страны, как утверждалось, «победившего социализма».

Таким образом, просуществовавшую до распада СССР систему разведывательных органов составляли: внешняя разведка, с 20.12.1920 года Иностранный отдел Особого отдела ВЧК – Первое Главное Управление КГБ СССР – ПГУ с его самостоятельными подразделениями политической, научно-технической, нелегальной разведки, активных мероприятий (дезинформации), информации, координации и сотрудничества с органами социалистических и развивающихся стран и другими и военная разведка – Главное разведывательное управление при Генеральном штабе Министерства обороны СССР – ГРУ.

В силу партийного руководства и контроля в разведывательной деятельности преобладала идеологическая основа работы, то есть на практике применялись совершенно легальные теоретико-методологические и идеологические основы марксистско-ленинской философии.

Такая основа использовалась, безусловно, с учётом преобладавших тогда в обществе идеологических настроений и убеждений левого толка, тем более что она включала в себя и общечеловеческие ценности и идеалы, например, идеалы социального равенства и мира. Естественно, что такие недостатки марксистко-ленинской философии, как догматизм, классовость, акцент в работе на партийном руководстве, не способствовали инициативе и разнообразию подходов в практической работе, но в целом использование разведкой СССР идеологической основы обеспечивало высокую результативность её вербовочной работы. В годы войны с фашистской Германией советская разведка добывала для военно-политического руководства страны важную и нередко упреждающую политическую информацию, а также научно-технические и экономические материалы и ценную военную информацию. Уже после окончания войны, в 1966 году, маршал Жуков Г. К., находившийся в отставке, впервые публично признал: «Советская разведка в войну работала хорошо».

Разведка СССР до и во время Второй мировой войны успешно применяла метод вербовки на идеологической основе при разработке иностранцев, прежде всего «инициативников» или «доброжелателей», имевших антинацистские или пацифистские настроения и готовность к борьбе с фашизмом.

Партийным руководством в массовое сознание, особенно в период сталинизма, были индокринированы основные идеологемы коммунизма: «учение Маркса вечно, потому, что оно верно», о недалёком «светлом будущем», в котором «кто был ничем, тот станет всем» и всё будет «для блага трудящихся» по принципу «по потребности»; о силе интернационализма – единства, братства и солидарности трудящихся всех стран, во

главе которого стоял СССР – оплот международного революционного движения и мира. Они, естественно, активно использовались в вербовочной работе.

Необходимо отметить, что кадровые сотрудники разведки, как правило, проявляли свои высокие чувства любви и преданности к социалистической родине, то есть окончательно сформировавшийся в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов советский патриотизм, который мобилизовал силы советского народа и объединил их для достижения Великой Победы над фашистскими захватчиками.

Персонифицировать советского патриота можно, в частности, благодаря подвигу Героя СССР (звание присвоено посмертно) сотрудника внешней разведки Лягина Виктора Александровича.

Лягин В. А., работая в составе Нью-Йоркской резидентуры под прикрытием сотрудника «Амторга», подал сразу после нападения фашистской Германии на СССР рапорт о направлении его на фронт и был откомандирован из США в распоряжение Центра.

Герой России полковник внешней разведки Феклисов Александр Семёнович, работавший вместе с Лягиным в США, вспоминал: «Он запомнился мне тем, что порой подолгу молча сидел в углу комнаты и напряжённо о чём-то думал. Товарищи говорили, что Лягин крайне болезненно переживал наши неудачи на фронте. Вскоре он незаметно для нас исчез – уехал в Москву».

Состояние патриота Лягина в период фактического разгрома сил Красной армии, отступавшей от западной границы под фашистскими ударами, объяснимо: боль от наших военных поражений в начале войны с фашистской Германией казалась ему непреходящей. Он жил с одной только мыслью: отдать родную землю врагу так же невозможно, как невозможно вырвать у себя сердце. И Лягин осознал, что ему надо бороться с врагом с оружием в руках.

Поступки и решения людей в грозовые военные годы нередко стоили им жизни. Лягин отказался от работы в относительно безопасной и благополучной тогда Америке и совершил свой жертвенный подвиг.

В 1942 году разведывательно-диверсионную группу Лягина, состоявшую из патриотов-добровольцев, как и он, из числа сотрудников разведки Народного Комитета Госбезопасности СССР (НКГБ), забросили в Николаев, где она добыла ценную информацию, произвела ряд крупных диверсий на предприятиях и в порту.

В 1943 году группу выдал предатель, Лягин был арестован, стойко выдержал истязания и мужественно погиб, никого не

выдав.

Надо сказать, что в социалистическом строительстве и при его защите общество, именовавшееся «блоком коммунистов и беспартийных» и «советским народом», которым оно де-факто и было, проявило массовый энтузиазм, порождённый надеждами людей на осуществление «верного» курса «мудрой» партии Ленина – Сталина к социальной справедливости.

Современным россиянам, вероятно, известно, что сформулированная в Декларации ЮНЕСКО в 1995 году толерантность – это «ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, в обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважения к разнообразию культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и вероисповеданию».

Такая толерантность в советский период истории России трактовалась как инакомыслие, понимавшееся как несогласие с проводимой линией партии Ленина – Сталина, её решениями, и, естественно, квалифицировалось как критика её ошибок. Всё это запрещалось уставом компартии и означало угрозу уголовного преследования (часто во внесудебном порядке), что порождало массовое доносительство, использовавшееся в ходе массовых репрессий с применением норм ст.58 УК РСФСР, в том числе и к чекистам.

Тем не менее придётся констатировать следующий парадоксальный и феноменальный факт в истории отечественной разведки.

Несмотря на репрессии и гибель многих необоснованно осуждённых штатных и негласных сотрудников, провалы в работе и парализацию деятельности разведки в 1937–1938 и 1950-х годах, а также отрицательную оценку Сталиным достоверной, упреждающей разведывательной информации, например о гитлеровской агрессии против СССР, разведчики, проявив себя патриотами Отечества и настоящими профессионалами, успешно выполняли свой долг и задачи, при этом нередко ценой жизни.

Высокая результативность работы достигалась ими, как следует из рассекреченных архивных документов СВР и ГРУ, прежде всего за счёт умелого использования идеологической основы и знания конкретной агентурно-оперативной обстановки в разведуемых странах.

Исторический период, в который создавалась и действовала разведка СССР, характеризовался системным экономико-

социальным кризисом в ряде капиталистических странах и их военным противостоянием конца 1930-х годов, спровоцированным стремлением фашистской Германии к мировому господству, а также Англией, Францией и США.

Сделанные СССР в эти годы вынужденные дипломатические шаги, прежде всего заключение в 1938 году пакта с Германией о ненападении, оказались проигрышными, а СССР – не подготовленным к отражению её агрессии.

Вина за это лежала на единственной и правящей партии ВКП(б) и лично на Сталине, а последствия для советского народа оказались самыми трагическими.

Однако существовавшая агентурно-оперативная обстановка в Германии, Англии и Франции, не говоря уже о других странах Европы, была относительно благоприятной для вербовочной работы нашей разведки, и она ею достаточно успешно пользовалась.

Вместе с тем надо отметить, что общий профессиональный уровень сотрудников разведки и квалификация руководителей были весьма различными и не всегда достаточными в силу ряда причин, как объективного характера (острая потребность в кадрах после репрессий, нехватка времени на их обучение и спецподготовку перед загранкомандировками, ошибки в руководстве их работой и др.), так и субъективного (недостаточные профессиональные и личностные качества для работы в разведке, выдвижение на руководящие должности не по деловым качествам и др.).

Это не могло не приводить к расшифровке разведчиков и потерям источников информации, что порождалось зачастую грубыми нарушениями требований конспирации в работе и обеспечения её безопасности в целом.

В советской разведке были случаи и предательства со стороны кадровых сотрудников, измены Родине, сотрудничества со спецслужбами иностранных государств, бегства с передачей секретной информации. Ряд изменников разведке удалось выявить, предать суду, а находившихся за рубежом в 1920–1930 годах и ликвидировать.

Предательство вообще ахиллесова пята в деятельности любой разведки.

Советская партийная разведка ушла в историю, где с учётом имевшихся у неё больших разведывательных возможностей за рубежом, на территории СССР, ряда государств – участниц Варшавского Договора и развивающихся стран, а также достигнутых ею уникальных результатов, осталась де-факто самой мощной разведкой в мире.

«Настоящая разведка была только в СССР», – сделал вывод, в частности, Мельник К. К., представитель французских спецслужб при премьер-министре Франции в 1960-х годах.

Такой вывод со стороны зарубежного контрагента достаточно обоснован и правомерен.

Его подтверждает прежде всего факт создания разведкой за рубежом разветвлённой сети легальных и нелегальных резидентур, наличие ценной агентуры и, главное, добыча секретной информации, прошедшей объективную проверку временем на достоверность.

В составе советской внешней разведки действовали многие выдающиеся личности и профессионалы, принёсшие ей мировую известность и славу.

Однако без общей для её сотрудников разных поколений внутренней психологической установки на преданное служение Родине (советского патриотизма) она не стала бы такой сильной, не достигла бы высоких, подчас просто феноменальных результатов.

Даже несмотря на то, что некоторые её результаты не всегда были объективно оценены и своевременно использованы политическим и военным руководством бывшего СССР при принятии решений, именно результаты подтверждают огромную роль внешней разведки в его истории.

К выдающимся историческим достижениям мировых разведок с полным правом принадлежат уже известные операции и подвиги советских разведчиков, некоторые из которых стали Героями в Советском Союзе или в новой России (при жизни или посмертно, причём многие совершили подвиги в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов). Из истории советской разведки известны на сегодня, например, такие разведчики:

Юозас Григулявичус (Григулевич Иосиф Ромуальдович, последний оперативный псевдоним «Артур»), родился 05.05. 1913 года в Литве, по национальности еврей-караим из Сирии, без высшего образования, участвовал в революционной деятельности в Литве и работе Коминтерна, с марта 1937 года советский разведчик-нелегал. Привлечён к сотрудничеству резидентом ГУГБ НКВД СССР в Испании Орловым Александром Михайловичем (оперативный псевдоним «Швед»).

Для истории отметим, что рекомендовала его лично начальнику ИНО Артузову (Фраучи) Артуру Христиановичу сама Стасова Е. Д., знавшая Григулевича по работе в Коминтерне (Стасова Е. Д. основывала ЧК и Коминтерн, была Председателем ЦК Международной организации помощи рабочим – МОРП).

С 1938 года Григулевич находился в Мексике, с 1940 – уже

резидент в Аргентине, с 1949 – в Италии, в которой легализовался как гражданин Коста-Рики Теодор Боннифил Кастро, владелец компании – поставщика кофе и Чрезвычайный полномочный посол Коста-Рики одновременно в Италии, Ватикане и Югославии.

Владел десятью иностранными языками, легко адаптировался в условиях разных стран, обладал сильной волей, феноменальной памятью, большими творческими и аналитическими способностями.

Женился на мексиканке, школьной учительнице, которая стала сотрудником резидентуры (секретарь, курьер и шифровальщица).

За 17 лет разведработы за рубежом Григулевич И. Р. не был деконспирирован и завербовал до 200 агентов из числа иностранцев,

В конце 1953 году, по-видимому, в связи с делом Берии Л. П. был отозван из командировки в Италии, в 1954 году уволен из внешней разведки.

Он стал членом-корреспондентом Академии наук СССР, вице-президентом обществ дружбы с Мексикой, Венесуэлой и Кубой, написал под псевдонимом «И. Лаврецкий» тридцать книг, в том числе фундаментальные труды по истории Латинской Америки и о её выдающихся деятелях.

Григулевич И. Р. оставил такой завет молодым разведчикам:

«Для того чтобы человек стал Человеком с большой буквы, необходимо, чтобы он любил свой народ, своих товарищей и дело, которому служит, больше, чем свою собственную персону. Иными словами, чтобы личное счастье он понимал как служение людям и в этом видел свою цель».

Во внешней разведке СССР классикой стала работа разведчика-нелегала Дейча Арнольда Генриха (оперативный псевдоним «Стефан») в 1930-х годах.

Действуя с позиций преподавателя в Кембридже и Оксфорде, он смог завербовать двадцать перспективных агентов, из которых легендарными стали пять – так называемая «Кембриджская пятёрка» в составе Кима Филби, Антонии Бланка (оба внедрились в британскую разведку), Дональда Макклейна, Гая Бёрджеса (оба внедрились в британский МИД), Джона Кернкросса (внедрился в британскую контрразведку).

Арнольд Генрих Дейч родился в 1904 году в Вене, получил университетское образование и научную степень доктора философии (в СССР ей соответствовала степень кандидата наук), имел познания в областях физики, химии и психологии, владел шестью иностранными языками.

Принимал участие в молодёжном революционном движении, в 1924 году стал членом компартии Австрии, с 1928 года работал курьером-связником Коминтерна.

В 1932 году Дейч с женой прибыл в Москву, перевёлся в члены ВКП(б), по рекомендации Коминтерна стал сотрудником ИНО НКВД СССР и находился на нелегальной работе во Франции, Бельгии, Австрии, Голландии, Германии и Англии. Следует указать на то, что он благодаря оперативной информации от агента ИНО ОГПУ «Брайтенбаха», служившего в Гестапо, избежал ареста в Германии и смог срочно выехать с заданием на оседание в Англию (о «Брайтенбахе» ниже).

В период войны с фашистской Германией Арнольд Дейч вместе со своей группой нелегалов выводился в США на советском танкере «Донбасс», который 7 ноября 1942 г. в морском бою был потоплен немецким крейсером.

Именно «Брайтенбах» – Вили Леман – сообщил в 1934 года советской разведке о готовящемся аресте «Стефана» в Третьем рейхе, провал был предотвращён, а «Стефана» срочно вывели в Англию.

Вили Лемана привлёк к сотрудничеству сотрудник ИНО ОГПУ Корнель Павел Иванович, работавший под прикрытием консульского отдела полпредства СССР в Берлине. Работу с агентом курировали резидент Самсонов Н. В., а в Центре – начальники ИНО ОГПУ Трилиссер М. А. (репрессирован как «враг народа», реабилитирован), позднее – начальники внешней разведки Мессинг С. А., Артузов А. Х. (оба репрессированы, реабилитированы), Слуцкий А. А. (умер в период следствия, реабилитирован), Шпигельглас С. М., Пассов З. И. (репрессированы, расстреляны, реабилитированы), Судоплатов П. А. (осуждён, реабилитирован), Фитин П. М. (1907–1971 гг.; начальник внешней разведки с 1939 по 1946 год, под его руководством работало 27 резидентур).

С «Брайтенбахом» работали легендарные разведчики-нелегалы Карин Ф. Я., Герман Клесмет, Эрих Такке (расстреляны, реабилитированы), Зарубин П. М., Зарубина (Горская) Е. Ю., Гурский К. В., Гордон Б. (оба репрессированы, реабилитированы), Коротков А. М., Журавлёв Б. Н., Журавлёв П. М. и другие.

Приведённый мартиролог разведчиков, погибших в 1937–1938 годах, даёт ответ на вопрос, почему Центр утратил в годы репрессий связь с «Брайтенбахом» и восстановил её только в 1940 года по инициативе агента. От «Брайтенбаха» была получена ценная информация о ходе подготовки Германии ко Второй мировой войне, отдельных образцах нового вооружения, сведения о работах по созданию уранового оружия и оперативная

информация, в том числе, повторю, о розыске «Стефана» Гестапо.

19 июня 1941 года «Брайтенбах» на экстренной встрече в Берлине сообщил Журавлёву П. М., работавшему в составе нашей резидентуры в Берлине, точную дату нападения Третьего Рейха на СССР – 22 июня – и простился с ним со словами: «Прощай, товарищ! Ни пуха, ни пера!»

В конце декабря 1942 года из-за провала заброшенного Центром для связи с «Брайтенбахом» связника «Бека» Гестапо вышло на него, и он погиб. «Бек» после заброски в Германию допустил в Берлине грубую ошибку: он посетил в больнице свою жену, и был арестован Гестапо. На допросах он дал показания о своём задании в отношении «Брайтенбаха», участвовал в радиоигре гестапо с Центром, хотя якобы при этом и подал сигнал о своём провале. После разгрома фашистской Германии «Бек» явился в органы «Смерша», был судим и расстрелян как совершивший предательство.

Стоит перечислить поимённо таких легендарных разведчиков, как: Артузов Артур Христианович (руководитель органов контрразведки, внешней в ВЧК, ОГПУ – НКВД и военной разведок), Быстролётов Дмитрий Александрович (разведчик-нелегал, вербовщик), Судоплатов Павел Анатольевич (руководитель разведывательно-диверсионной работы в годы ВОВ), Эйтингон Наум Исаакович (крупный специалист нелегальной разведки, организатор разработки Троцкого Л. Д. и работы ОМСБОН в тылу немецких войск в ВОВ), Ахмеров Исхак Абдулович (руководитель нелегальной резидентуры в США), Агаянц Иван Иванович (во время ВОв резидент в Иране, заместитель начальника внешней разведки), Герой Советского Союза Вартанян Геворк Андреевич (разведчик-нелегал, работал в составе резидентуры в Иране во время ВОв), Зарубин Василий Михайлович (разведчик-нелегал, агентурист, во время ВОв руководитель нелегальной резидентуры в Германии и легальной – в США), Зарубина (Горская, Розен-цвейг) Елизавета Юльевна (разведчик-нелегал, агентурист), Коротков Александр Михайлович (разведчик-нелегал, агентурист, в период ВОв руководящий работник внешней разведки), Герои России Квасников Леонид Романович, Барковский Владимир Борисович, Феклисов Александр Семёнович, Яцков Анатолий Антонович (все – разведчики-агентуристы, добывавшие сведения о ядерном оружии США и Англии в 1940–1950 годах), Рыбкина (Воскресенская) Зоя Ивановна (разведчик-агентурист, одна из создателей Особой группы и ОМС-БОН для разведывательно-диверсионной деятельности в немецком тылу в ВОв), Герой России Ботян Алексей Николаевич (разведчик-диверсант, нелегал,

агентурист, совершил ряд диверсионных актов в немецком тылу в период Вов, в том числе в Польше, где удалось предотвратить уничтожение фашистами при отступлении мостов и города Кракова).

Российская внешняя разведка, как и её предшественница, также служит своему народу, а её сотрудники, как патриоты нашей великой страны, следуя присяге, с честью выполняли и выполняют свой профессиональный долг.

Более того, являясь одним из инструментов государственной власти внешняя разведка, стала фактически социально-политическим феноменом, опосредствованно влияющим на общественную жизнь и содействующим созданию в России новой государственности и гражданского общества.

Для эффективности деятельности российской разведке, конечно же, требуется и новая объединяющая идеология страны, без идеологемы «мы наш, мы новый мир построим» и конечной цели – добиться победы и упрочения социализма на международной арене, то есть власти пролетариата. Идеология России должна быть востребована, и иметь своей квинтэссенцией жизненную философию постсоциалистического общества.

Если принять во внимание опыт советской разведки, то можно прийти к очевидному выводу: каково сознание людей, занимающихся разведкой, таков и её результат.

Я хотел бы в год 95-летия отечественной внешней разведки – Службы Внешней Разведки Российской Федерации – передать сердечное поздравление с этим юбилеем её руководству и сотрудникам, а также всем её ветеранам.

Победы, не равные поражениям

Маркус Вольф написал книгу о деятельности Главного управления «А» МГБ ГДР «Игра на чужом поле», в которой проанализировал ход и основные итоги состоявшейся «игры» спецслужб, счёт в которой был в его пользу. Его воспоминания я могу только дополнить, поскольку только он обладал всей полнотой информации о её деятельности. И только за период с конца 1969 года по 1976 год, когда я как советский офицер связи принимал участие в практическом взаимодействии ПГУ КГБ СССР с разведкой ГДР. В эти годы немецкая разведка, нередко в тесном взаимодействии с нашей службой, добивалась блестящих результатов. Были, к сожалению, у неё и провалы, которые неизбежны в боях на «тайном фронте». Победы и поражения в «холодной войне» и само сотрудничество разведок ГДР и СССР – уже история, к тому же растиражированная средствами массовой информации. Но история, достойная нашей памяти.

В Берлине я непосредственно подчинялся Уполномоченному КГБ при СМ СССР по координации и связи с МГБ – МВД ГДР генерал-лейтенанту Фадейкину Ивану Анисимовичу, который много сделал для укрепления сотрудничества между органами безопасности СССР и ГДР.

Он был участником ВОв, командовал полком в битве под Москвой в 1941–1942 г. г., имел большой опыт руководящей работы в органах военной контрразведки и разведки СССР. В 1953 году, когда произошли антиправительственные выступления в ГДР, он исполнял обязанности руководителя нашего берлинского аппарата. Хорошо знал политическую обстановку в обеих частях Германии, её историю, практику взаимодействия с органами безопасности ГДР и, что было особенно ценно, немецкий менталитет. Он, как и другой представитель советских органов госбезопасности в ГДР в 1953–1957 гг. – легендарный разведчик-нелегал, сотрудник резидентуры НКВД СССР в фашистской Германии – Коротков Александр Михайлович, оказал большую помощь ГДР в создании национальных органов безопасности и их укреплении. С благодарностью об этом неоднократно говорили в беседах министр госбезопасности Эрих Мильке, его заместители Бруно Беатер (по контрразведке) и Маркус Вольф (по разведке). Следует отметить, что такому авторитету Фадейкина способствовали и другие личные качества: высокая ответственность, внимание и обязательность в отношениях с людьми. Данное слово Фадейкин держал, был педантичен даже в мелочах, но умел выделить главное; в частности, в 1960–1970 гг.

он следил за ситуацией вокруг двух источников ценной политической информации в ФРГ – «Риты» в МИД и «Ханзена» в Федеральном ведомстве канцлера.

Касаясь историй этих двух негласных сотрудников немецких друзей, надо констатировать, что такой выдающийся результат в работе Главного управления «А» МГБ ГДР был прямым следствием его многолетнего тесного, партнёрского взаимодействия с Первым главным управлением КГБ СССР (внешняя разведка). Свой вклад в сотрудничество обеих разведок, включая обобщение и взаимную передачу опыта работы, внесли многие наши офицеры связи при службе Маркуса Вольфа, в частности, Кучин Вадим Витольдович, Герасимов Олег Александрович, Будахин Владимир Николаевич и др.

Все мы постоянно стремились к тому, чтобы наши коллеги из разведки ГДР могли достичь максимальной конспирации работы с источниками, а соответственно, и «живучести» их зарубежного агентурного аппарата, добывающего информацию.

Потеря разведкой ГДР двух, упомянутых выше источников произошла в период моей работы в берлинском аппарате КГБ при СМ СССР в Карлсхорсте и в здании МГБ ГДР на Норманненштрассе.

Как известно, в подобных случаях ведётся поиск не причин неудачи, а виновных в ней. Можно привести и правдивый афоризм известного генерала-десантника и политика перестроечного времени Лебедева А. И.: «Если виноватых нет, их назначают». Такая практика, конечно, давала о себе знать и в Первом Главном управлении КГБ СССР, в котором я служил, так что нам с Будахиным В. Н. априори была уготована роль «козлов отпущения».

Старт неудач в работе друзей в 1970-е годы дало дело агента «Риты», являвшейся источником документальной информации из МИД ФРГ. Маркус Вольф в мемуарах «Игра на чужом поле» об этом деле написал так:

«В начале 60-х годов девятнадцатилетняя Герда О. познакомилась в парижской лингвистической школе «Альянс франсез» со своим будущим мужем – Гербертом З., офицером, занимавшим высокий пост в нашей разведке. Флирт перерос в любовь. Герберт, работавший под псевдонимом «Кранц», открылся Герде (псевдоним «Рита»), которая сознательно и в высшей степени эффективно начала работать на нашу службу. С 1966 года она служила в отделе «Тёлько» – отделе Министерства иностранных дел, где расшифровывались и передавались дальше телеграммы всех западногерманских посольств.

Стиль работы в «Тёлько» был, мягко говоря, небрежным, а

«Рита» была не из робкого десятка. Раз за разом она хладнокровно набивала свою объёмистую сумку многометровыми телеграфными лентами и выходила из здания, не подвергаясь обыску. Когда её на три месяца послали шифровальщицей в западногерманское посольство в Вашингтоне, мы получили неожиданную возможность быть в курсе германо-американских отношений.

В начале 70-х годов «Рита» была переведена в боннскую миссию в Варшаве. Тогда и дал знать о себе кризис нашего сотрудничества, отражавший, к сожалению, состояние брака «Риты» и «Кранца». Герберту З. пришлось остаться в Федеративной республике, а его жена познакомилась в Варшаве с западногерманским журналистом, агентом БНД, влюбилась в него и открыла сердце. Правда, её симпатия к «Кранцу» оставалась столь сильной, что «Рита» позвонила ему и предупредила.

То, что случилось потом, похоже скорее на шпионский роман, нежели на сухую реальность. Герберт З., едва избежавший разоблачения, сидел у нас. Герда О. находилась под неусыпным наблюдением на варшавской вилле посла Федеративной республики. Мы ещё надеялись, что она изменит своё решение и не вернётся в Бонн, но напрасно. Мои польские коллеги обещали использовать малейший шанс, чтобы воспрепятствовать отъезду «Риты», однако такой шанс не представился. Когда в аэропорту появилась «Рита в сопровождении посла и советника посольства вместе с двумя офицерами БНД, которым надлежало доставить её в Бонн, к ним подошёл польский офицер и предложил женщине убежище в Варшаве. Мгновение она колебалась – и это мгновение должно было показаться послу вечностью, – а потом покачала головой и вошла в самолёт.

Случившееся не было славной страницей в истории моей службы. «Рита» охотно рассказала западногерманским ведомствам всё, что знала о нас, и вследствие её разоблачений «Кранц» оказался “засвеченным “».

Можно дополнить историю предательства «Риты» информацией западногерманского журнала «Штерн» № 29 за 1973 год:

«Вскоре «Рита» добывала информацию больше из страха, чем из любви (к «Кранцу». – *Н. В.*). Если она не так быстро добывала очередную партию материалов из дипломатического ведомства, он орал на неё и избивал так, что она должна была скрывать синяки от сотрудниц по работе, одевая платья с длинными рукавами».

По свидетельству «Штерн», в Варшаве «Рита» стала сожительствовать с немецким журналистом (по данным разведки

МГБ ГДР, сотрудником резидентуры БНД в Польше). 27 мая 1973 года ночью в баре гостиницы «Европейская» в нетрезвом состоянии она рассказала ему о том, что уже много лет сотрудничает с разведкой ГДР, её преследует постоянно страх и она не может больше вести двойную жизнь. Знакомство «Риты» с «журналистом» из БНД коллеги из разведки МГБ ГДР объясняли тем обстоятельством, что через неё как секретаря шла и переписка резидентуры. На мой взгляд, именно последнее обстоятельство могло стать причиной внимания к «Рите» со стороны БНД.

Остаётся сделать и ключевой вывод: «Рита» оказалась не в состоянии справиться со стрессом в одиночку.

28 мая 1973 года агент совершил явку с повинной к офицеру по безопасности Францу Сикоре. «Рита» предварительно в этот же день по телефону сообщила «Кранцу» об опасности. Она заявила в посольстве ФРГ в Варшаве: «…Да, мой муж был моим оперработником. Я давно его уже больше не люблю, но несмотря на это я его предупредила. Вы не знаете, ушёл ли он?»

29 мая 1973 года я, как было принято, с утра находился в своём рабочем кабинете в здании Главного управления разведки МГБ ГДР и около полудня был приглашён Маркусом Фридрихом Вольфом в его кабинет, где он без деталей сообщил об измене «Риты» и уходе из ФРГ «Кранца».

Побудительные мотивы для предательства, совершённого «Ритой» в Варшаве, в принципе, с учётом её нежелания продолжать конспиративную работу, неожиданностью не стали. Коллеги из разведки МГБ ГДР в 1972–1973 гг. обсуждали с советскими офицерами связи вопросы безопасности их работы с «Ритой»: её психофизическое состояние из-за хронического кризиса семейных отношений и стресса ухудшалось. Но ситуацию исправить не удалось.

Стоит констатировать, что «Рита» была одним из самых ценных источников документальной информации разведки ГДР, которую мы оперативно получали от друзей. Её материалы использовались при выработке в СССР ответственных внешнеполитических решений и шагов. Документы были крайне актуальны и необходимы: шла активная борьба за международную разрядку, пересматривалась политика в отношениях между Москвой и Бонном, ГДР и ФРГ, в ГДР менялся политический лидер, в бундестаге ФРГ по инициативе ХДС/ХСС проводился вотум недоверия канцлеру Вили Брандту, который вёл позитивную «восточную политику», проходило Совещание по вопросам безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки, велась подготовка подписания Договора СССР – США по

противоракетной обороне (ПРО).

Как агент иностранного государства, совершивший явку с повинной, аресту «Рита» согласно уголовному кодексу ФРГ не подверглась, но её приговорили к 3 годам тюрьмы.

Попали в историю

Громкую известность Маркусу Вольфу принесла история провала в ФРГ в апреле 1974 года двух офицеров-нелегалов: «Ханзена» – Гюнтера Гийома, внедрённого Главным управлением внешней разведки МГБ ГДР в Ведомство федерального канцлера ФРГ, и «Аниты», его жены. «Ханзен» был приговорён к одиннадцати, а «Анита» – к восьми годам тюремного заключения. Оба были позднее обменены: «Анита» в марте 1981 года на двух, а «Ханзен» в октябре 1981 года – на одиннадцать западногерманских агентов.

Ради объективности надо сразу сказать, что немецкие друзья не ставили перед «Ханзеном» задачи войти в «ближний круг» Вилли Брандта, но как раз так и произошло.

24 апреля 1974 года в Бад-Годесберге контрразведка ФРГ арестовала референта канцлера Гюнтера Гийома в его квартире. Неожиданно при аресте он торжественно произнёс: «Я офицер Национальной народной армии ГДР и сотрудник её Министерства государственной безопасности. Я прошу уважать мою офицерскую честь».

От этих слов оторопь взяла больше наших немецких коллег, чем западногерманских контрразведчиков. В дальнейшем «Ханзен» показаний не давал, но было поздно: прозвучало чистосердечное признание.

«Анита» от дачи показаний также отказалась.

На начальника разведки МГБ ГДР Маркуса Вольфа и его заместителей факт ареста двух ценных разведчиков-нелегалов – «Ханзена» и «Аниты» – произвёл меньшее впечатление, чем заявление их сотрудника.

В соответствии с инструктажем в случае ареста «Ханзен» мог назвать только свои фамилию и имя, заявить требование известить о своём аресте представительство ГДР в Бонне, но от дачи показаний отказаться.

Для нас, офицеров связи (руководителем, как уже говорилось, был полковник Будахин Владимир Николаевич, в ВОв зенитчик-пулемётчик на судах «караванов смерти», доставлявших грузы по «ленд-лизу»), поведение «Ханзена» при задержании оказалось мистической загадкой.

Долгосрочная операция по вводу агентурной пары Гийомов в ФРГ и разведывательное их проникновение в партии и один из главных органов власти ФРГ иллюстрируют выдающиеся достижения сильной разведки ГДР. Многолетнее практическое взаимодействие немецкой и советской разведок закономерно

привели к такому успеху: его истоком и основой были переданные советской разведкой опыт и оказанная помощь.

Вот цитата из мемуаров Маркуса Вольфа «Игра на чужом поле»:

«…Как и десятки молодых людей, Гюнтер Гийом и его жена Кристель в середине 50-х годов (в 1956 году. – *Н. В.*) по заданию моей службы под своими настоящими именами отправились в Федеративную республику. Так как мать Кристель, голландка, к тому времени уже перебралась во Франкфурт-на-Майне, супруги миновали лагерь для беженцев и опрос западными спецслужбами. Они получили от нас задание искать источники в СДПГ и «вести» их, и с этой точки зрения казалось наиболее целесообразным вступление обоих в партию и активная работа в них. При этом они добросовестно придерживались директивы (линии поведения и инструктажа. – *Н. В.*) строго представлять линию правого крыла СДПГ и именно там находить друзей (то есть приобретать связи и источников информации. – *Н. В.*)». И далее по книге: «…Кристель Гийом первая добилась успеха: в начале 60-х годов она стала руководителем бюро Вилли Биркельбаха. Он был особенно влиятельной фигурой социал-демократии, членом правления партии, депутатом бундестага и членом его важных комитетов, а также председателем социалистической фракции Европарламента… В 1964 году Гюнтер Гийом стал оргсекретарём франкфуртской подокружной организации СДПГ, а в 1968 году – оргсекретарём фракции в городском собрании и его депутатом… Следующим, чьё доверие завоевал Гийом, был Георг Лебер (впоследствии министр транспорта ФРГ. – *Н. В.*). Именно Георг Лебер стал так называемым основным «протектором», т. е. покровителем «Ханзена», обеспечившим ему получение работы в октябре 1969 года в Ведомстве федерального канцлера в Бонне – в самом важном центре разведывательного проникновения ФРГ. Лебер был «на ты» с Эмке, шефом Ведомства федерального канцлера, который интеллигентно и приютил с своём ведомстве человека Лебера».

Интеллигентность, разумеется, не порок, но…

Маркус Вольф пишет в своих мемуарах:

«…С 1 января 1973 года он («Ханзен». – *Н. В.*) был представлен канцлеру в качестве личного референта по партийным вопросам и с тех пор участвовал как в заседаниях правлений партий и фракций, так и в совещаниях заведующих отделами правления партии…».

Западногерманский журнал «Дер Шпигель» подтверждает слова Вольфа о Гюнтере Гийоме в документальной статье «Дело Гийома»: «…Деятельный и прилежный сотрудник быстро делает

карьеру. Уже 7. 8. 1970 года Эмке (руководитель ведомства в ранге министра. – *Н. В.*) даёт указание о переводе Гийома в «Бюро по связи» («Verbindungs-stelle»), которое подчиняется непосредственно шефу Ведомства Федерального канцлера, и круг его задач расширяется. Он теперь отвечает за контакты с парламентом, партиями, церквями и объединениями. И здесь он как организатор показывает себя с лучшей стороны… 11 декабря 1972 года ему дополнительно к его обязанностям официально передают «Бюро по связям» – функции, которые выполнял прежний референт Ройшенбах. 1 июня 1973 года его уже формально назначают на должность референта по партиям и объединениям в бюро федерального канцлера Вилли Брандта».

Такой успех ведомства Маркуса Вольфа был для этого выдающегося разведчика подобен заложению его именной плиты на аллее славы спецслужб мира, если бы она существовала.

Теперь «Ханзен» состоит на службе при канцлере и передаёт разведке МГБ ГДР секретную и весьма актуальную информацию, которая через нас, офицеров связи, а нередко и напрямую – через министра госбезопасности Эриха Мильке и Ю. В. Андропова – идёт руководству СССР. Об этом Вольф пишет:

«…Его общее задание, как и прежде, заключалось в немедленных сигналах о возможном обострении международной обстановки, в информации о подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, о позиции федерального правительства относительно переговоров по разоружению между США и СССР, а также в использовании любой возможности узнать больше о подлинных намерениях США. Гийом выполнял это задание по мере сил, правда, уже не особенно долго».

Почему «уже не особенно долго», стало нам ясно после ареста супругов Гийомов, который сразу приобрёл в мире большой политический резонанс, привёл к отставке Вилли Брандта в ФРГ и нанёс вред межъевропейским отношениям.

Такого громкого провала в деятельности разведки ГДР не было ни до него, ни после. Негативные же политические последствия разоблачения супругов Гийомов как агентов социалистического блока были большими, а разобраться в причинах потери «Ханзена» оказалось совсем непросто.

Руководство разведки ГДР считало, что всё вызвано рутинной проверкой, которую Гийомы всё же прошли. Логика в этом, как нам казалось, была. Невзирая на риск, было логичным и дальнейшее использование «Ханзена» в добыче ценной политической информации из непосредственного окружения канцлера. Следует отметить, что именно в период с 1970 по 1973 год «Ханзен» добыл ценнейшую информацию о позициях

западногерманских союзников Англии и США, в первую очередь при выработке положений Декларации Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этим он во многом способствовал Советскому Союзу, с учётом имевшихся разногласий внутри блока НАТО, занять нужную позицию на совещании и его успеху.

Была и другая реальность: «Ханзен» явно попал под подозрение. Другими словами, единство и борьба противоположностей в анализе его провала помешала прийти к чёткому выводу.

Разведка друзей считала, что провал «Ханзена» мог произойти из-за того, что в радиосвязи с агентом после его вывода в ФРГ использовались шифры КГБ СССР, которые, несмотря на полную гарантию наших специалистов-криптографов, контрразведка ФРГ «взломала». Следовательно, эти шифры могли оказаться ненадёжными. С «Ханзеном» в ФРГ разведка друзей поддерживала одностороннюю шифрованную радиосвязь через своего агента, который принимал и передавал ему сообщения из Центра. Он же для передачи курьеру получал от «Ханзена» разведматериалы в контейнере. Система связи с «Ханзеном» была достаточно законспирирована и действовала на протяжении ряда лет.

Возникшая проблема приняла принципиальный для нас характер, тем более что провал «Ханзена» вызвал огромный политический резонанс и тяжёлые последствия: Брандт в мае 1974 года ушёл в отставку с поста канцлера ФРГ, что было серьёзной потерей для внешней политики СССР.

В Карлсхорсте, где находился аппарат Уполномоченного КГБ при СМ СССР, и в Москве полагали, что вывод ошибочен, по-видимому, разведка ГДР в работе с «Ханзеном» допустила собственные ошибки.

Документацию поддержания радиосвязи с «Ханзеном» за много лет проанализировали с участием советского криптографа, который передавал разведке МГБ ГДР ещё с 50-х годов коды, якобы оказавшиеся «расколотыми» противником. В результате выявили нарушения немецкими сотрудниками инструкций по работе с шифрами, что и привело к расшифровке.

Но в тот период мы ещё не знали, что ключевым звеном в раскрытии «Ханзена» была именно эта халатность.

Маркус Вольф видел дело так:

«…В 50-х годах моя служба применяла советскую систему шифрования до тех пор, пока мы не узнали, что западные спецслужбы раскрыли её с помощью электронных средств и могли не только расшифровывать телеграммы, но и классифицировать

их по адресатам. Мы сразу сняли систему с применения. Анализируя дело Гийомов, мы пришли к выводу, что телеграммы, адресованные им в начальный период, не позволяли сделать вывод об их идентичности… Кроме того, мы забыли учесть поздравления с днём рождения и Новым годом, которые наша служба, как правило, посылала своим сотрудникам… Чиновник (сотрудник Ведомства по защите конституции Шорегге. – *Н. В.*) взял дело с телеграммами и сравнил даты поздравлений с днями рождения семьи Гийомов. С этого момента всё стало ясно: они совпали…».

Он в воспоминаниях о деле «Ханзена» приходил к следующему выводу:

«Непростительная ошибка, в которой я могу упрекнуть себя и своего сотрудника (офицера Гийома. – *Н. В.*), была другого рода. Исследуя потенциальные источники опасности для семьи Гийомов, мы забыли о радиограммах конца 50-х годов, хотя и знали, что их расшифровали. Мы просто не придали им значения».

К нашему общему сожалению, должное значение им придал Верховный земельный суд в Дюссельдорфе в своём приговоре по делу Кристель и Гюнтера Гийомов – 8 и 13 лет тюремного заключения соответственно.

Обмен Гийомов был проведён в 1991 году. В ГДР их брак окончательно распался. Их сын Пьер вернулся в ФРГ, а Гюнтер Гийом женился вторично, долго болел, умер в 1995 году, Он похоронен в Марцане под Берлином.

Маркус Вольф написал в мемуарах:

«…Дело Гийома было для моей службы самым тяжёлым поражением. Я никоим образом не хотел отставки Брандта…».

Это честное и мужественное признание большого человека, который был вправе сказать, что в 1956 году «по заданию… службы», возглавляемой им, под своими данными «беженцы» из ГДР Гийомы пересекли германо-германскую границу и выполнили его с честью.

Уместно констатировать, что они выполняли свои задания так, что Маркус Вольф мог, вероятно, с чувством гордости за работу сказать в интервью радио «Немецкая волна»: «Таких политических скандалов уже не будет». Дополним его – и таких крупных операций: нет уже мощной разведслужбы ГДР, которой он руководил.

Правда и в том, что долгосрочная и масштабная работа с «Ханзеном» – это грандиозный успех разведки ГДР, основу которого составили дружба и сотрудничество разведок СССР и ГДР. Надо сказать и то, что такой крупный провал и масштаб его

политических негативных последствий никак не отразились на служебном положении как Маркуса Вольфа, так и офицеров разведки, ведших работу с Гийомами.

Вотум недоверия канцлеру Вилли Брандту

Разведка не только добывает, но и реализует информацию, проводя активную работу по поддержке или компрометации политического курса или конкретных политиков зарубежных стран. Это направление её работы – одно из древних – остаётся востребованным и сегодня, причём, возможно, даже в большей степени, чем раньше.

Под руководством Маркуса Вольфа разведка МГБ ГДР осуществила ряд результативных активных мероприятий, например, в период подготовки и проведения в бундестаге ФРГ вотума недоверия канцлеру ФРГ Вилли Брандту (настоящее имя Херберт Карл Фрам).

В 1972 году партии Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз, находившиеся в оппозиции в бундестаге 7-го созыва, инициировали процедуру вотума недоверия правительству Вилли Брандта, немецкого антифашиста и участника норвежского сопротивления в годы Второй мировой войны.

Социал-демократ Вилли Брандт как канцлер ФРГ проводил в отношениях с европейскими социалистическими странами реалистическую восточную политику, соответствовавшую курсу Советского Союза, брал курс на достижение мира, безопасности и разрядки напряжённости. Эта программа кратко формулировалась как «перемены через сближение».

Шёл также процесс нормализации отношений между двумя немецкими государствами.

В 1970 году СССР и ФРГ заключили договор, на очереди были договоры ФРГ с ГДР, ПНР и ЧССР, а в 1971 году в Осло Вилли Брандту вручили Нобелевскую премию мира, признав тем самым его личностью мирового масштаба.

Получение канцлером премии было воспринято в ФРГ почти как оправдание немцев за преступления нацистов во Второй мировой войне, что ещё больше укрепило его позиции внутри страны.

Христианско-демократическая оппозиция выступала против восточной политики Вилли Брандта. Правящая социально-либеральная коалиция СДПГ/СвДП имела почти равное с ней количество депутатов. В таком соотношении мест в парламенте христианские демократы увидели в 1972 году свой шанс возврата власти в ФРГ. Он заключался в проведении в бундестаге конструктивного вотума недоверия правительству, а затем переизбрания канцлера. В результате, как они надеялись, Вилли

Брандт с его восточной политикой будет устранён.

Для успеха оппозиции требовалось абсолютное большинство голосов в 249 голоса, а у неё было только 247.

Такой оказалась обстановка на германо-германском участке фронта «холодной войны», когда я был командирован в Берлин в качестве одного из офицеров связи при руководстве внешней разведки МГБ ГДР.

Другими словами, мы оказались на передовой «холодной войны», вместе с немецкими разведчиками отстаивая безопасность наших стран.

К тому же нам вскоре надо было по указанию Центра совместно действовать, чтобы не допустить смещения в ФРГ «канцлера мира» Вилли Брандта и отказа Западной Германии от его восточной политики. Исполнение при этом было взято под жёсткий контроль, с почти ежедневной отчётностью Первого Главного управления КГБ при СМ СССР.

Самые реальные возможности для успешного решения этой неотложной и приоритетной задачи имелись у внешней разведки МГБ ГДР.

После кропотливого изучения и выяснения конкретных оперативных возможностей, всестороннего обсуждения и согласования в двухстороннем порядке мероприятий, предложенных разведкой ГДР, был принят избранный Маркусом Вольфом план операции.

Христианские демократы в стремлении к власти приобрели в бундестаге ФРГ (под, скажем так, денежный интерес) голоса трёх перебежчиков из лагеря социал-либералов и одного депутата от СДПГ. Казалось бы, тем самым оппозиция надёжно гарантировала себе абсолютное большинство голосов, необходимое для принятия конструктивного и такого желанного вотума недоверия.

Вот как написал об этой операции в книге «Игра на чужом поле» Маркус Вольф:

«Наши источники сообщали, что ХДС и ХСС, в особенности Штраус и Маркс, развернули многообразные и активные действия, чтобы побудить депутатов правительственной коалиции к голосованию против договоров и тем самым против Брандта. Мы получили надёжную информацию о том, что позицию поменяли три парламентария от СвДП, в том числе бывший председатель партии Менде, и социал-демократ, функционер одного из землячеств Херберт Хупка… Благодаря купленным голосам победа казалась ХДС – ХСС несомненной. Тем самым ратификация договоров была бы сорвана».

В сложившейся обстановке проводить долгосрочные активные мероприятия по компрометации оппозиционеров, укреплению

рядов и влияния правящей в ФРГ коалиции было явно поздно и скорее всего неэффективно. Единственно обоснованным оставался только один путь выполнения ответственного поручения Москвы, и Маркус Вольф его мастерски использовал. Об этом он написал так:

«Политические акции не сулили большого успеха по сравнению с покупкой голосов христианских партий…

Я вспомнил о депутате из ХДС от Баден-Вюртенберга Юлиусе Штайнере, который превратился в ординарный источник информации и за это регулярно получал денежное вознаграждение. Из нашей кассы я выделил 50 тысяч марок (марок ФРГ. – *Н. В.*), чтобы побудить его голосовать против вотума недоверия. Штайнер позже утверждал, что получил от Винанда (Карл Винанд, секретарь фракции СДПГ в бундестаге. – *Н. В.*) 50 тысяч марок… Перед голосованием вотума недоверия, которое должно было состояться 27 апреля 1972 года, стали известны имена ещё четырёх депутатов от партий правительственной коалиции, которые собирались голосовать против Брандта. Оппозиция в связи с этим демонстрировала уверенность в победе. Когда затем был объявлен результат голосования, оказалось, что ей, вопреки ожиданиям, не хватило двух голосов. Телевидение показывало озабоченные лица оппозиционных депутатов, растерянного Райнера Барцеля (Райнер Барцель, кандидат в канцлеры от ХДСС. – *Н. В.*). По меньшей мере, два депутата от ХДС проголосовали против собственной партии…».

27 апреля руководство внешней разведки ГДР собралось вместе с Маркусом Вольфом у телеэкрана и заинтересованно смотрело, как их человек Юлиус Штайнер невозмутимо и с улыбкой опустил свой бюллетень. А когда сообщили о неожиданном для оппозиции провале вотума недоверия, все немецкие друзья, участники операции, имевшей по смыслу очень точное название «Биржа», выпили вместе с Вольфом шампанского, имевшего для них, бесспорно, вкус только что одержанной победы над противниками разрядки и… конечно, заслуженной и высокой награды.

Спустя некоторое время и советские участники операции также получили правительственные награды ГДР.

Западногерманский журнал «Дер Шпигель» («Зеркало») 1 мая 1972 года сообщил, как прошла политическая схватка в бундестаге:

«Канцлер Брандт и кандидат в канцлеры Барцель (кандидат от оппозиции, инициировавшей процедуру вотума недоверия. – *Н. В.*) продемонстрировали на прошедшей неделе один другому

обморок… Кандидату в канцлеры не удалось свергнуть правительство вотумом недоверия в бундестаге; канцлеру в бундестаге отклонили бюджет.

…Между тем в игре двух почти равносильных блоков бундестага поставили исторический пат три свободных демократа… Депутаты от СвДП Хельмс, Кинбаум и, Кюльманн-Штумм попали в поле зрения правительства и оппозиции и были перевербованы… Имеющееся равенство голосов в бундестаге до сих пор не даёт провести новые выборы… Так, кандидат в канцлеры, хотя он думал, что зарезервировал за собой голоса трёх перебежчиков, завис при 247 голосах, то есть на два голоса меньше, чем нужно для большинства… В своём стремлении к власти он кинулся к троице слабой поддержки и помог этим трём на несколько дней и часов получить сомнительную известность».

В ФРГ разразился крупный политический скандал в связи с откровенным подкупом депутатов, однако для остального мира он значил очень мало: впереди его ожидали существенные изменения.

В 1973 году, как написал далее в книге Маркус Вольф, «Европа политически изменилась. Оба государства стали полноправными членами ООН». Другими словами, разведка во многом содействовала и укреплению международных позиций ГДР.

Что касается Юлиуса Штайнера, то он быстро, как говорится, прокутил деньги и в общем-то поиздержался. Он стал давать за гонорар интервью, в которых раскрыл факт своего сотрудничества с внешней разведкой ГДР и то, что проголосовал против вотума недоверия. Немецкие друзья, естественно, немедленно исключили его как не кристально честного из членов своего общества немецких патриотов.

Я убеждён в том, что эта успешно проведённая операция в бундестаге ФРГ останется в истории не только как крупная профессиональная победа разведки МГБ ГДР, но и как её существенный вклад в дело разрядки и недопущения атомного противостояния в мире.

Во всяком случае, бесспорно, что операция ведомства Маркуса Вольфа как бы предварила дальнейший ход событий на мировой арене, а это редкий успех разведки.

Вспомним о политических последствиях провала вотума недоверия Вилли Брандту.

В июле – августе 1975 года главы 33 европейских государств, США и Канады подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, была образована Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе – ОБСЕ.

Нейтрализовалась опасность нарастания военной конфронтации двух блоков-антиподов – НАТО и ОВД, противостоявших друг другу в годы «холодной войны». Это был большой успех внешней политики Советского Союза, последовательно выступавшего инициатором сокращения гонки вооружений, которая лежала тяжким бременем на нашей экономике. В биполярном мире ушедшего времени был сделан важный исторический шаг от конфронтации к сотрудничеству – шаг к недопущению атомной войны.

Достигнутая в 1975 году в Хельсинки победа политики мира и разрядки обеспечила стабильность нового порядка в рамках мирного сосуществования различных систем в прошедший исторический период. Но и после краха биполярного мира, в связи с развалом социалистического лагеря, человечество продолжает существовать без ядерной конфронтации. Это не иллюзия относительной стабильности и безопасности в мире, а реальность, которой мы обязаны и Хельсинкским соглашениям и которую надо сегодня вновь отстаивать.

Известно, что политика и разведка неразрывно связаны и что судьбу страны или человека изменить нельзя: они данность, в отличие от истории, которую можно переписать.

Сегодня мы являемся свидетелями политики Запада, в которой тон задают США, попыток сфальсифицировать историю, в частности итоги Второй мировой войны, принизив огромную роль в разгроме фашизма советского народа, а России – в современной геополитике.

Есть и другая данность, о которой я должен написать, – это общий вклад, который внесли органы госбезопасности СССР и ГДР за весь период их эффективного и надёжного взаимодействия в обеспечении безопасности и мира.

Раскрытие «Элоки» НАТО

Офицер Агентства национальной безопасности США Эдвард Сноуден раскрыл для общественности, что АНБ США в глобальном масштабе шпионит в эфире и даже за главами союзных США стран. Для профессиональных разведчиков это не было сенсацией, если не считать то, что масштаб так называемой «прослушки» велик и её технология высшего класса. Конечно, о деятельности по прослушиванию телефонных переговоров и перехвате электронной почты американских граждан весьма закрытого АНБ США, работающего с использованием несовершенного американского законодательства, в общем-то, было уже давно известно. Держало же под «колпаком» за пределами США иностранных граждан и учреждения агентство уже давно.

Дело это специфическое и обычное для спецслужб. Вот только циничная бесцеремонность Америки по отношению к союзным державам перешла прежние границы, так сказать, допустимого в мире шпионажа. И ещё какая-то при этом унизительная сверхтерпимость её союзников американского шпионажа в эфире, пожалуй, новинка, но дело это, что ли, «семейное» для стран – членов НАТО.

В связи с этим громким скандалом в неприличном, видимо, натовском «доме», порождённым рассекреченными Эдвардом Снуоденом материалами НБА США, я решил написать на тему дня, что ли, ещё об одной нашей успешной операции, проведенной совместно с разведкой ГДР в 1970-х годах, по противодействию подобному шпионажу, которым и тогда занимались спецслужбы США и других стран – членов НАТО. Во время «холодной войны», правда, главной мишенью для подрывной работы противника были, естественно, страны социализма.

К середине 1970-х годов произошло обострение конфронтации между Западом и Востоком, и операция по противодействию технической разведке противника приняла характер скоротечного боя.

Стоить вспомнить, что до и после создания блока НАТО в апреле 1949 года Западом неоднократно готовилась агрессия против Советского Союза с применением атомного оружия, в ходе которой намечалось уничтожение сначала 70 советских городов, затем – 100, что привело бы к уничтожению только в первый месяц войны примерно 3,7 миллионов советских граждан. Осуществлению этих планов помешали два обстоятельства:

испытание в СССР атомного оружия, что лишило США и Англию ядерной монополии, и добыча советской разведкой планов так называемого «стратегического воздушного и атомного удара, предусматривавших сбрасывание 300 атомных бомб («Дропшот» и др.). Сегодня, наверняка, у Запада такие планы против новой России существуют, как и имеются новые высокоточные и эффективные средства поражения противника.

В 1970-е годы в ФРГ получил интенсивное развитие и, следовательно, активное применение конкретный вид электронной разведки, который имел кодовое обозначение «Элока», с её подсистемой радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Американская и израильская системы РЭБ, напомню, эффективно применялись, например, в военных конфликтах на Ближнем Востоке, что широко освещалось в СМИ.

«Элока» занималась не только, как говорят, «перехватом» и «прослушкой», то есть шпионажем, но и являлась новым средством подавления систем управления и связи вооружённых сил противника, то есть вооружённых сил социалистических стран – членов Организации Варшавского договора.

Средствами радиоперехвата «Элока» оперативно добывала военно-политическую информацию по социалистическому блоку, которую натовские спецслужбы и вооружённые силы анализировали и использовали против СССР и его союзников.

В общем, она представляла реальную и постоянно нарастающую угрозу для обороны стран – участниц Варшавского договора. Срочно потребовалось выработать меры противодействия натовской технической разведке и пресечения её подрывной работы, поэтому КГБ СССР был заинтересован в получении разведывательной информации по «Элоке», причём в довольно краткий срок. Нужны были конкретные сведения о её дислокации, организации, средствах, методах работы, личном составе и так далее.

Можно прямо сказать, что добывающий разведывательную информацию аппарат КГБ СССР в берлинском Карлсхорсте, где дислоцировалось наше Представительство, оказался в остром цейтноте: речь шла о разработке секретных объектов НАТО со строгим контрразведывательным режимом. Информация по ним нами уже рутинно добывалась, но имевшиеся агентурные возможности оперативных отделов не гарантировали быстрого успеха. Мероприятия по разведывательному проникновению в такие объекты Запада занимали много времени.

С руководством внешнеполитической разведки ГДР, от которой в порядке обмена информации тоже поступали первичные сведения, касающиеся технической разведки

противника, обсуждался вопрос об активизации разведработы в этом направлении с уже имевшихся у немецких друзей позиций.

Ведомство Маркуса Вольфа, как и в других случаях, выразило готовность помочь, а также изыскать новые оперативные возможности для разработки объектов «Элоки».

Чёткость и оперативность оказания немецкими разведчиками помощи нам в своевременном решении заданий, поступавших из Центра, не в малой степени проистекала из немецкого менталитета. В данном случае можно говорить не только об общей с ними идеологической и политической близости, которая составляла мощный фундамент дружбы и взаимодействия, а и о традиционном отношении немецкой нации к нравственным категориям – чести и долгу. На этом свойстве немецкого менталитета, если бросить ретроспективный взгляд в недалёкое прошлое Германии, паразитировали нацисты. После разгрома фашизма эта приверженность трудолюбивого немецкого народа к порядку, верности долгу и чести помогла ему создать в Восточной части Германии социалистическое государство рабочих и крестьян.

К сожалению, эти высоконравственные понятия в современной России оказались мало востребованными, более того, они в условиях преобладания в обществе материальной мотивации обесцениваются, с чем нам, ветеранам разведки, трудно примириться.

Как считала Крупская Н. К., мораль капиталистического общества такова: «Бог – за всех, каждый – за себя», – и была права. Если у человека выработалась устойчивая психологическая установка на зарабатывание денег, то есть на материальную выгоду, то чувство долга будет невостребованным и утрачивается, бесчестность становится нормой поведения. Этот порок нравственности крайне опасен для общества и государства. В дореволюционной России художник-классик Павел Федотов, заметив эту аморальную сторону капитализма, написал: «Всюду деньги! Даже в рай тоже денежки подай». С долгом, как известно, культ денег не согласуется, а честь и достоинство за деньги не купишь.

Остаётся надеется на то, что полоса меркантилизма и безнравственности пройдет: наш народ велик не только своей силой, способностью к самоорганизации в час тяжёлой беды, но и, конечно, исконной в православной России духовностью: всё-таки Россия остаётся Третьим Римом.

Немецкие разведчики и их руководитель Маркус Вольф, как раз считали для себя офицерскими честью и долгом выполнить просьбу советской разведки. В своё время источник советской

разведки в БНД Хайнц Фелфе, имевший высокий офицерский чин, будучи раскрытым противником, так объяснил свой мотив сотрудничества с нами: американцы во Второй мировой войне варварской бомбардировкой разрушили его родной город Дрезден и было желание стать для советской разведки помощником № 1 (заметим, в немецкой школе высшим баллом была единица, в России – пятёрка). Согласно морали немецкого общества, быть первым номером – значит быть достойным уважения.

Итак, мы скоординировали с ведомством Маркуса Вольфа наши действия по выполнению поставленной Центром задачи. Вскоре информации об организации и функционированию системы технической разведки «Элока» стало больше.

Особенно срочные и ценные материалы мы получали от немецких друзей на уровне соответствующего сектора, что позволяло оперативно проанализировать их и наметить направление дальнейших оперативных действий, так сказать, в прикидочном варианте, до утверждения руководством. Разумеется, такой метод работы требовал профессиональных знаний.

Обычно я привозил добытые немецкой разведкой материалы в наше Представительство, где мы их изучали, сверяя уже с имевшимися данными, перед докладом руководству.

Наступило время открытия нами тайн службы технической разведки противника «Элока». И она действительно перестала существовать для нас как секретная служба, но продолжала работать против соцлагеря и его вооружённых сил, что требовало неотложного противодействия.

Предстояло, конечно, ещё раз проверить добытую информацию, что делается в разведке по нескольким источникам, и обобщить её перед направлением в Центр, по возможности с квалицированными предложениями. Такой порядок чтился в ПГУ КГБ СССР как закон, ну, почти как норма статьи 6 Советской Конституции о руководящей роли партии. Я полагаю, что и после отмены этой статьи такой порядок работы по проверке достоверности и, следовательно, её оценки и анализа останется и будет законом для отечественной разведки.

Мы систематически проводили анализ добытых сведений в Берлине. Повода для утверждения, что мы имеем дело с дезинформацией, он не давал, и это обнадёживало нас. Но, безусловно, требовались ещё документальные материалы самой «Элоки», которые позволили бы сделать окончательное заключение о достоверности, передаваемых в Центр сведений. Проблема типичная в разведке и трудная: для её решения были

необходимы прежде всего время и возможности добыть документы.

Разведка ГДР, проявив большую целеустремлённость и оперативность, сумела первой получить материалы, раскрывавшие структуру, задачи «Элоки» и, что было особенно важно, способы её использования американо-западногерманскими спецслужбами. Сомнений не было: все добытые сведения об «Элоке» достоверны.

Информация как продукт разведывательной деятельности имеет свой, скажем, «жизненный» цикл; как правило, он короткий и его можно разделить на фазы. Для государственных инстанций особую ценность и привлекательность разведсведения имеют в первой фазе. А если они носят к тому же упреждающий характер, то они крайне востребованы. Затем они устаревают, то есть необходимо их использовать быстро.

Так вот заслуга Главного управления «А» МГБ ГДР заключалась в данном случае не только в успешной добыче некоторых документов по «Элоке», но и в том, что она их получила своевременно.

Надо отметить при этом, что такая оперативность немецкой разведки была, я бы сказал, фирменным стилем самого Маркуса Вольфа.

Главное управление «А» МГБ ГДР являлось современной и мощной разведывательной службой, в составе которой, как оказалось после краха ГДР, на момент её ликвидации 31 мая 1990 года служили 4128 человек(!). Она располагала разветвлённой агентурной сетью за рубежом (Федеральная прокуратура ФРГ проводила расследование по 2928 уголовным делам на негласных сотрудников разведки[10]).

Я уже рассказал о том, что разведка ГДР блестяще провела в бундестаге операцию, в результате которой был провален план оппозиции легального отстранения Вили Брандта от власти. И эта операция осуществлялась в стиле Маркуса Вольфа и при его личном участии.

К сожалению, я не могу как кадровый офицер советской разведки в прошлом, даже спустя около 45 лет изложить интересные детали операции по «Элоке» (а они стоят этого) и назвать по именам профессионалов из разведки ГДР, проводивших эту работу, а они заслужили того, чтобы их помнили. Некоторые из них, надо сказать, когда уже проживали в объединённой Германии после падения Берлинской стены, попали под каток западногерманской юстиции.

Последний руководитель разведки ГДР генерал-лейтенант Вернер Гроссманн назвал число уголовно преследуемых

сотрудников МГБ ГДР – 1622, из них 44 офицера разведки, а вместе с неофициальными сотрудниками – 4171. Какое-то, получается, аутодафе в якобы демократической Германии, а по-русски – правовой беспредел и незаконная месть сотрудникам разведки ГДР.

Немецким разведчикам из плеяды Вольфа мы тогда были в немалой степени обязаны своевременным укреплением безопасности Советского Союза и других стран – участниц Организации Варшавского договора.

Мы совместными усилиями справились со сложным заданием, и в Центр был направлен подробный анализ по «Элоке». Его доложили лично Председателю КГБ СССР Андропову Ю.В., который, кстати, досконально прочитал обзор и отметил хорошую работу и помощь нам со стороны службы Маркуса Вольфа. Высокую оценку Председателя КГБ мы довели до сведения Маркуса Вольфа.

Замечу, кстати, что Андропов Ю. В. периодически поддерживал личный контакт с ним, идя навстречу высказанным им предложениям и пожеланиям, что было свидетельством важности для председателя КГБ СССР братского взаимодействия между ПГУ КГБ СССР и Главным управлением «А» МГБ ГДР.

В своих мемуарах начальник ПГУ, затем председатель КГБ СССР Крючков В. А. дал очень лестную оценку помощи нам немецкой разведки и назвал разведку МГБ ГДР «форпостом социалистических разведок в Европе» (*Крючков В.* Личное дело. – М.: Олимп – АСТ, 1997).

В мемуарах Вернер Гроссманн пишет:

«…Я убеждён в том, что Главное управление под моим и Маркуса Вольфа руководством внесло свой вклад во время «холодной войны» в дело сохранения мира. И наша работа способствовала, как бы парадоксально это ни звучало, развитию отношений между ГДР и ФРГ».

Спасибо товарищу Гроссманну за то, что он, находясь под прессом судебных властей ФРГ, смог донести до части мировой общественности эту историческую правду: спецслужбы соцлагеря, служа общенациональным интересам своих стран, действительно, смогли обеспечить условия мирного сосуществования двух противоположных систем. И сегодня весь мир ещё пользуется этим плодами их усилий.

У меня нет намерения идеализировать разведку ГДР или возносить образ Маркуса Вольфа на хоругви: в разведке не может быть святых, хотя бы потому, что разведчикам приходится ради достижения успеха вводить в заблуждение противников и даже друзей. Да и делать это бесполезно, если принять во внимание то,

что деятельность разведки в результате крушения ГДР была раскрыта: имели место аресты и осуждение агентуры, предательство некоторых сотрудников, захват спецслужбами США и ФРГ оперативно– справочных материалов и так далее. Осталась, однако, память о доблестной и результативной работе немецких разведчиков в тот период «холодной войны».

Тем не менее я считаю, что противник невольно и опосредствованно, например, уголовными процессами против официальных сотрудников разведки МГБ ГДР, их помощников, – процессов, которые в большинстве своём были прекращены, не только подтвердил высокий профессиональный класс и эффективность разведки ГДР, но и продемонстрировал общественности многих стран её очевидные заслуги в деле защиты мира и безопасности.

И она после её упразднения и этих обстоятельств стала заслуженно легендарной, заняв своё достойное место в истории разведок мира и, конечно, в истории Германии.

Новые успехи

Главное управление внешней разведки МГБ ГДР вскоре добилось новых успехов в агентурном проникновении в центры противника.

Маркус Вольф пишет: «Для секретных служб противоборство с противной стороной является пиком их деятельности. Внедрение в сферу службы противника – её венцом, а проникновение противника в твою службу – обескураживающим поражением».

Ещё в период моей работы при Главном управлении разведки МГБ ГДР у друзей появился перспективный кандидат для возможного внедрения в спецслужбы ФРГ – Габриела Гаст (псевдоним «Гизела»).

О ней Маркус Вольф написал следующее:

«Габриела Гаст принадлежит к тем, с кем особенно трудно было порвать нити, связывавшие нас на протяжении десятилетий работы в разведке. Эта женщина была белой вороной, исключительным явлением в мире, где доминируют мужчины. Единственная женщина в западногерманской разведке, достигшая руководящего поста в качестве главного аналитика по Советскому Союзу и Восточной Европе, благодаря чему она стала для нас таким источником, о котором каждая разведка может только мечтать. Длительное время в её обязанность входило составление для канцлера сводного доклада по всей полученной информации.

При поверхностном знакомстве можно было легко поддаться опасности причислить Габи Гаст с её сложным характером, высоким интеллектом и образованностью к типу эмансипированной женщины с ярко выраженным тщеславием. Такой психологический портрет был бы, однако, совершенно чужд её сути. Потому что в нём не остаётся места её чуткости, неповторимости и отзывчивости по отношению к другим. Сотрудники моей службы, которые вышли на первый контакт с ней и встречались с ней чаще, чем это было возможно без угрозы делу, могли бы сказать больше, чем я, живи они сейчас. Они были умными людьми, отличавшимися не только терпением – основной добродетелью разведчика, но и большим психологическим чутьём. К Габи они относились по-отечески и были носителями того мировоззрения, которое стало её собственным. Через них Габи чувствовала свою принадлежность к сообществу, которое выступает за правое дело, за благородный идеал… Я неоднократно убеждался, что эта прочная идейная связь, как и для других людей буржуазного происхождения,

связавших себя с нашей службой, была для неё определяющим мотивом.

Её чувство социальной ответственности не ограничивалось теорией: когда её брат с женой, взяв на воспитание ребёнка-инвалида, не нашли в себе сил выдержать такую эмоциональную нагрузку, Габи взяла на себя требовавшую столько времени и душевного напряжения заботу о мальчике, чтобы он не был отдан в приют».

Так, немецкие разведчики приобрели агента «Гизела», с которой лично встречался Маркус Вольф, в том числе и за рубежом.

«Гизела» 21 год добывала в аналитическом отделе БНД, которым она и руководила, ценные документальные материалы.

Этого суперагента выдал бежавший в 1990 году в ФРГ сотрудник разведки ГДР. Как написал Маркус Вольф в книге «Игра на чужом поле», предатель «дал решающую улику против Габи, поскольку слышал, как другие сотрудники говорили, что одна женщина с ребёнком-инвалидом в западногерманской разведке работает на нас»:

«Поздней осенью 1990 года она была арестована на австрийской границе.

После известия о её аресте, приведшего меня в состояние шока, я спрашивал себя, а не следовало ли мне отпустить её уже тогда, в середине 80-х годов, открыто поделиться с ней моими сомнениями и признаться, что «реальный социализм» уже и для меня стал миражом и я в него больше не могу верить? В письме из следственной тюрьме она обрисовала мне своё положение и особенно свой ужас, когда поняла, что её предал один из руководящих офицеров нашего центра, что случилось как раз то, что, согласно моим неоднократным заверениям, никогда и ни при каких обстоятельствах не должно было случиться.

Прошло два года между нашим обменом письмами и новой встречей на моём процессе. То, что её выступление в качестве свидетельницы, привезённой из тюрьмы, стало для неё большой нервной нагрузкой, было заметно. В перерыве мы смогли с ней побеседовать без помех и договорились встретиться как можно скорее, чтобы обсудить всё, что волновало. В начале февраля 1994 года дела сложились так, что Габи Гаст после сокращения наполовину срока заключения была выпущена на свободу. В конце марта она приехала ко мне. Мы часами гуляли и говорили до глубокой ночи.

Она постоянно возвращалась к тому, что мучило её на протяжении всех лет заключения: откуда допрашивавшие её следователи получили такие подробные сведения? Поведение

Кара-Хайнца Шмидта, её Карличка (сотрудник МГБ ГДР, работавший с ней. – *Н. В.*), который в суде именовался совсем иначе, и её последнего ведущего офицера стало для неё тяжёлым разочарованием (они дали признательные показания. – *Н. В.*). Возвратившись домой, она написала мне, что наши беседы облегчили ей осмысление прошлого, хотя и принесли новые глубокие огорчения.

Правда может не только помогать, но и причинять боль. Именно в этом письме я вновь почувствовал незаурядность её характера и душевную чуткость. Поэтому я хотел бы верить, что на «пути познания»… не пропадёт то, что пришло на место нашей работы – дружба».

Маркус Вольф относил к предателям не только тех разведчиков, которые выдают своих источников:

«В моих глазах действительно достойным презрения предателем является тот, кто использует человека до той поры, пока он остаётся полезным для его карьеры…».

Последнее для меня – это просто аксиома, которую надо помнить при оценке любых партнёров ради профессиональной бдительности.

Я лично очень благодарен Маркусу Вольфу за то, что он дал этот пример высокого мастерства агентуриста и личное кредо человечности и порядочности разведчика, без которых, как я убеждён, в разведке нельзя работать профессионально, а значит, результативно.

«Гизела» – один из венцов его деятельности и гордость как разведчика. Даже суд в ФРГ не смог изменить их симпатии и доверия друг к другу.

Нельзя не упомянуть ещё об одном крупном успехе разведки ГДР при Вольфе – агентурном проникновении в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе.

Операцию друзья начали ещё в период моей работы при Главном управлении «А» МГБ ГДР, однако в её реализации я никакого участия не принимал, поэтому упомяну только главное.

Внешняя разведка ГДР завербовала и успешно работала с источником «Топазом» – Райнером Руппом, ответственным сотрудником-аналитиком Управления планирования блока НАТО. Его разработку курировал лично Маркус Вольф, который после провала агента из-за предательства сотрудника разведки ГДР встречался с ним. От Маркуса Вольфа, находившегося в ФРГ под судом, западногерманские контрразведчики требовали раскрыть прежде всего «Топаза». Презиравший предателей Вольф, разумеется, ни «Топаза», ни других агентов разведки МГБ ГДР не

выдал.

От «Топаза», как было установлено в процессе следствия и суда в ФРГ над Райнером Руппом, поступала очень ценная документальная информация о планах сил НАТО против Советского Союза, имевшая стратегическое значение и носившая упреждающий характер.

Если делать вывод из практики работы разведки ГДР с «Ритой» и «Ханзеном», то нельзя упустить из виду такой определяющий фактор успеха агентурной разведки, как её культуру. По-видимому, она была выше при разработке «Гизелы» и «Топаза».

В сущности, культура разведки (или разведчика) имеет как бы два слоя: консервативный обиходный, формируемый из принятых аксиом служебной дисциплины, конспиративности, нравственных и идеологических аспектов, приказов, поведенческих моделей и так далее, и меняющийся событийный, требующий постоянного анализа и творческого подхода.

Мне представляется, что в процессе разработки «Риты» и «Ханзена» основные промахи во многом были предопределены тем, что Главное управление разведки МГБ ГДР стало заложником экстремального развития событий вокруг этих агентов и, возможно, прагматического подхода к ним: политики требовали прежде всего информации, причём в приоритетном и срочном порядке.

Культура разведки всегда подразумевалась, естественно, как обязательное условие, а подсчитывается, однако, количество получаемых сведений. Оказалось, что количество информации в качество не переходит, то есть культуру не обогащает, а рост информации не объективный показатель культуры разведки: ведь можно её и банально купить у лица, инициативно её предложившего. Для этого уже не требуются ни культура, ни профессионализм разведчика.

Полагаю, что один из законов разведывательной работы можно сформулировать так: высокая культура разведки – высокая информационная отдача. В реальности его применять не всегда удаётся, но надо: конкретный результат достигается любым возможным способом, культура же вторична. Пожалуй, это и есть главный закон любой профессиональной разведки.

Следовательно, развитие культуры происходит в основном за счёт обучения кадров и профессионального руководства их работой с учётом систематического анализа практики.

Маркус Вольф написал об успехах, признал отдельные «непростительные ошибки» и заключил, что в тайной войне различных политических блоков наши «жертвы не могли быть

напрасными».

Будущие жертвы будут также не напрасными, но главное – в том, что профессионалам нельзя допускать ошибки, когда картами в игре являются жизни и судьбы людей.

Было ли у ЦРУ «Розовое дерево»?

Мировыми СМИ долго эксплуатировалась тема проведения резидентурой ЦРУ в Бонне успешной операции «Розовое дерево» по захвату архивов внешней разведки ГДР при падении Берлинской стены. Позднее освещался настоящий межгосударственный скандал, вызванный тем, что американская сторона отказывалась передать ФРГ официально затребованные немцами материалы.

Если последнее подтверждалось и не вызывало сомнений, то, на мой взгляд, сама операция была и до сих пор является мифом.

Фактом, требующим профессиональной, а не общественной проверки, остаётся то, что копии секретных материалов внешней разведки ГДР (микрофильмы и/или дискеты оперативно-справочной и мобилизационной картотек Главного управления «А» МГБ ГДР) тем не менее у американцев. Именно благодаря использованию этих картотек в США и ФРГ было идентифицировано несколько ценных агентов бывшей разведки ГДР, отбывающие до сих пор тюремные сроки.

Кто и как передал ЦРУ копии этих картотек, если никакой операции «Розовое дерево» не было, остаётся пока не выясненным.

Загадка этой истории интригует ещё и тем, что имеется версия о том, что копии картотек якобы были переданы в 1989 году разведкой ГДР в Берлине двум офицерам Представительства КГБ СССР, а оригиналы заблаговременно уничтожены. Этих двух моих коллег я лично не знал.

Но я совершенно определённо знаю, что за весь период братского сотрудничества между нашей и немецкой разведками ни одного случая провала в работе друзей по вине советских представителей не было. И вряд ли могло быть: те, кто работал при Главном управлении «А» МГБ ГДР, были идейными, преданными народу и волевыми товарищами. Большинство их закалила Вторая мировая война, и они пришли в Германию победителями. Люди высокой пробы. То, что поколение таких патриотов России уходит от нас, является огромной потерей для страны.

В книге «В поле зрения – Бонн» генерал-лейтенант Вернер Гроссманн, руководивший Главным управлением «А» МГБ ГДР после ухода на пенсию Маркуса Вольфа, изложил своё представление о том, как могли «утечь» на Запад в 1989 году секретно-справочные материалы внешней разведки ГДР. Он пишет о том, что эти материалы оказались в распоряжении

американцев, возможно, в результате операции ЦРУ «Розовое дерево». Вместе с тем он не исключает, что сведения об агентуре и оперативных разработках Главного управления «А» МГБ ГДР, затем Ведомства национальной безопасности ГДР на примерно 2000 человек (микрофильмированные картотеки оперативного и мобилизационного учёта) попали на Запад в результате предательства, а не захвата, цитирую, «демонстрантами» (участниками гражданского движения в ГДР «Новый форум» и другими лицами) зданий МГБ ГДР в 1989 году. Сам он считал эти материалы уничтоженными.

Немецкий журнал «Шпигель» провёл своё расследование истории с утечкой секретных картотек разведки ГДР на Запад и 6 декабря 1999 года опубликовал свою версию. Согласно ей, якобы два офицера КГБ, названные журналом поимённо, получили эти материалы в Карлсхорсте от старшего лейтенанта Райнера Хеманна. Это журналистское расследование носит, вполне вероятно, дезинформационный характер и инициировалось американской разведкой.

Вернер Гроссманн это мнение двух журналистов из «Шпигеля» и «Фокуса» изложил в своих мемуарах, отрицая то, что Хеманну давалось указание передать материалы советским друзьям.

Однако в интервью радиостанции «Немецкая волна», которую я слушал, бывший начальник внешней разведки МГБ ГДР Маркус Вольф, находившийся на момент событий 1989 года уже три года в отставке, не был в курсе уничтожения архива Главного управления «А» МГБ ГДР и сказал, что о копировании картотек он узнал от Вернера Гроссманна и фактами не располагал.

Есть и третья, на мой взгляд, более вероятная версия, которую указал в своих мемуарах Вернер Гроссманн: он считает, что при микрофильмировании картотек разведки в Министерстве госбезопасности могла быть сделана ещё одна копия, которую и добыло ЦРУ. В таком случае передать её американцам мог только предатель, носивший офицерские погоны МГБ ГДР.

При захвате задний МГБ ГДР гражданскими лицами в 1989 году в здании разведки не было картотек: они должны были быть уже уничтоженными самой разведкой. В начале 1990 года был захвачен архив МГБ ГДР, в котором находилось 2 миллиона дел на западных немцев и 4 – на граждан ГДР (*Ворст А.* Конец Штази. История одной секретной службы. – М.: Возвращение, 1994).

ЦРУ длительное время не считало нужным передать партнёрам в Германии, даже по запросам немцев, имеющиеся данные картотечных учётов внешней разведки ГДР, а в них якобы содержатся данные примерно на 6000 граждан ФРГ и 20000

граждан ГДР, с которыми внешняя разведка МГБ ГДР поддерживала контакт.

Только часть сведений и фактически после дипломатического скандала американцы передали Германии.

Со временем, как всегда, выяснится, как картотеки внешней разведки оказались в распоряжении ЦРУ и это белое пятно в её истории, имеющее пока, к моему глубокому сожалению, клеймо предательства, исчезнет.

Я лично отказываюсь верить в то, что всё произошло действительно по плану операции «Розовое дерево» ЦРУ при крахе ГДР в конце 1989 года. Интуитивно я пришёл к выводу, что сведения об этой операции могли продвинуть в СМИ сами сотрудники ЦРУ с целью зашифровки своего источника, который добыл картотеки или просто банально продал их за большие деньги. Во всяком случае утечка секретных оперативных материалов разведки МГБ ГДР произошла из-за человеческого фактора с наступлением краха ГДР.

Четвёртая часть. «Всякое дело… человеком славится»

Сотрудничество разведок СССР и ГДР

Сотрудничество разведывательных служб Советского Союза и Германской Демократической Республики началось практически с момента создания внешнеполитической разведки ГДР под прикрытием Института экономических исследований 16 августа 1951 года. Однако советская разведка помогала немецким друзьям строить систему органов госбезопасности Восточной Германии начиная с 1949 года. (Подробнее об этом см. *Приложение 1.*)

Созданная внешняя разведка ГДР вела свою деятельность, используя как основу советскую разведывательную доктрину, сосредоточивая свои усилия на разведывательном проникновении в основные органы государственной власти и политических партий, промышленные объекты, научно-исследовательские центры и экономику ФРГ и Западного Берлина. Со временем круг стран, становившихся объектами её проникновения, и задач только расширялся.

Эта имевшая место идентичность доктрин, кстати, только содействовала развитию взаимовыгодного и успешного практического сотрудничества обеих братских и, повторю, ведущих разведок соцстран и обеспечило его очень высокую эффективность по многим направлениям разведывательной работы и обмена информацией. Особенно успешными были операции, проведённые ими для обеспечения условий и содействия реализации общего курса социалистических стран на достижение мира, безопасности и разрядки.

Я надеюсь, что ещё придёт время, когда о вкладе советской и немецкой разведслужб в дело мира и устранение ядерной опасности в прошлом веке вспомнят и увековечат в мемориальных досках и даже, не исключаю, в персональных памятниках личности тех, кто защитил человечество, что соответствует традициям нашей цивилизации и их заслугам.

Вот как писал о сотрудничестве разведок СССР и ГДР и самом Маркусе Вольфе его советский коллега генерал армии Крючков Владимир Александрович, являвшийся начальником ПГУ и Председателем КГБ СССР, в упомянутых выше мемуарах:

«ПГУ (Первое главное управление КГБ СССР – внешняя разведка. – *Н. В.*) осуществляло тесное взаимодействие с разведывательными службами социалистических стран. Многие годы оно было честным, глубоким, всесторонним и взаимовыгодным. Особенно был полезен обмен мнениями, оценками, информацией об устремлениях западных спецслужб…

Об одном единомышленнике и боевом товарище я хотел бы рассказать подробно.

В конце августа 1991 года бывший руководитель разведки бывшей Германской Демократической Республики Маркус Вольф выехал из Советского Союза в Австрию с намерением попросить там политического убежища, Австрийские власти отказали ему в этом. Думается, Вольф ожидал такого решения. Тогда он объявил о намерении поехать в ФРГ и там сдаться властям, которые уже давно объявили о возбуждении против известного разведчика уголовного дела и немедленном аресте, как только он объявится в Германии.

Вольф действительно был задержан при пересечении австро-германской границы, а спустя несколько часов арестован.

Через несколько дней Вольф был освобождён под залог в 650 тысяч германских марок… Ему было предъявлено обвинение в подрывной деятельности… От него требовали назвать имена конкретных лиц в Германии, которые когда-то работали на ГДР. Он отказался сделать это по моральным и нравственным мотивам… В ПГУ большинство сотрудников испытывало чувство солидарности с Маркусом Вольфом…».

Если говорить о сотрудничестве советской и немецкой внешнеполитических разведок, то надо исходить из доктрины нашей разведки, которой придерживались немецкие друзья.

«Советская разведывательная доктрина середины 1970-х годов основные усилия концентрировала на сборе информации и своевременном вскрытии факторов изменения соотношения основных сил на мировой арене, а также на возможных принципиальных изменениях в сложившемся равновесии, представлявших опасность для советского государства и социалистического содружества в целом, в частности, возникновение новой ситуации в США, аналогичной ситуации в ФРГ» (*Чертопруд С.* Юрий Андропов: тайны Председателя КГБ. – М.: Яуза, Эксмо, 2006)

В. А. Крючков, раземеется, писал в мемуарах и о советской разведке:

«…В 70-е годы структура разведки и основные направления её деятельности были достаточно устоявшимися и во многом традиционными для подобных служб во всём мире. Ключевой являлась политическая разведка, построенная по весьма простому принципу – географическому».

Можно привести мнение о Крючкове В. А. как руководителе советской разведки как бы со стороны: его в своей книге «Юрий Андропов. Последняя надежда режима» (М.: Центр-полиграф) Леонид Млечин охарактеризовал так:

«Как и весь КГБ при Андропове, внешняя разведка при Крючкове достигла в определённом смысле расцвета. Резидентуры по всему миру, большие штаты, большие агентурные сети, солидный бюджет, новая оперативная техника и, конечно же, особое положение разведки внутри КГБ: разведчики ощущали особое расположение Андропова.

Потом, правда, Крючкова упрекали за то, что он увлекался большими цифрами. Разведка старалась собрать максимум информации по всем странам. Реальной пользы от этого немного, но создавалось приятное ощущение полного контроля над миром».

Здесь мне придётся возразить уважаемому автору, который, полагаю, просто по журналистской привычке – для красного словца – покрыл разведдеятельность колером «приятного ощущения полного контроля над миром». Конечно, у разведки СССР не было такой неподъёмной задачи – установить контроль над миром: она обеспечивала информацией руководство компартии. «Приятные ощущения» всё же были, когда наша работа объективно оценивалась как нужная и полезная стране. В этом нет ничего удивительного: вряд ли можно встретить человека, лишённого честолюбия.

Другое дело, что при Крючкове В. А. ПГУ как любой другой советский государственный аппарат было в известной мере бюрократизировано, в том числе и КГБ.

Можно привести из книги Леонида Млечина в связи с этим такую характеристику В. А. Крючкова, которая отвечает на вопрос, почему разведка была при нём бюрократизирована:

«Бывший начальник разведки ГДР генерал Маркус Вольф считает, что назначение Крючкова начальником разведки было логичным, но не очень мудрым. С его точки зрения, Крючкову не хватало не столько профессионального опыта, сколько глубины понимания происходящего, да и по натуре он не был лидером. Без непосредственных указаний своего наставника Андропова он терялся».

Если сказать лаконично, дело в том, что у В. А. Крючкова был опыт аппаратной, бюрократической работы – он его и применял в ПГУ, а недостающий опыт разведывательной работы ему заменяла привычная работа с отчётностью. Когда он проводил совещания с руководящим составом, присутствовавшим было иногда непросто вычленить из его выступления указания, подлежавшие исполнению подчинёнными: они, к сожалению, бывали расплывчатыми, что требовало последующих уточнений.

Совсем другой стиль имели его документы и письменные замечания.

Например, вот как определённо и точно В. А. Крючков отметил заслуги и важную роль разведки ГДР во взаимодействии с другими братскими разведслужбами: «Главное управление «А» МГБ ГДР – форпост социалистических разведок… добывал ценную информацию и образцы техники… ведущая разведка по ФРГ…».

Далее Крючков высоко оценил то, что разведка ГДР передала нам в порядке обмена:

«Материалы по фундаментальным исследованиям, новейшие технологии, технологические образцы передавались нам безвозмездно в рамках сотрудничества. За десятки лет сотрудничества, если это можно перевести в денежное измерение, мы получили от друзей ценностей на десятки миллиардов долларов.

От друзей поступала политическая информация. Она учитывалась при разработке важных внешнеполитических мероприятии, в том числе упреждающего характера… Сотрудничество между спецслужбами наших стран носило братский характер… Сколько наших товарищей, попавших в тюремные застенки западных стран, выручали немецкие друзья и, в частности, служба Вольфа! Они были готовы всегда оказать помощь…

…Вольф имеет наши высокие правительственные награды. Он гордился ими».

Крючков В. А. был убеждён в том, что Вольф «остался верен… справедливому делу, которому посвятил всю свою жизнь» и которое было «связано с самым священным – с Родиной», и призвал: «Так проникнемся же благородством, благодарностью и просто человечностью к своим друзьям, таким, как Маркус Вольф, и хотя бы в этом останемся людьми».

Этот очень эмоциональный призыв Крючкова В. А. актуален и сегодня. Мы, как я убеждён, были и остаёмся для немецких друзей их фронтовыми товарищами времён «холодной войны».

Становление личности Маркуса Вольфа имело своё выражение в мотивационной сфере, в которой и стоит искать ключ к пониманию феномена под его именем. Сильнейшими мотивами его действий были в первую очередь внутренняя потребность достичь социальной справедливости и братства людей и ненависть к фашизму.

Сохранение традиции антифашизма

У истории всегда есть путь преемственности, следовательно, существует путь преемственности немецкого пролетарского сознания, которое формировалось ещё с кайзеровских времён.

Те традиции, которые Маркус Вольф продолжал в своей работе начальника внешней разведки ГДР, возникли в социал-демократическом движении трудящихся Германии после Первой мировой войны в период, характеризовавшийся крайней разрухой, безработицей и голодом. Монархия Гогенцоллернов перестала существовать, кайзер Вильгельм бежал в Голландию.

В 1917 году в Германии под влиянием Октябрьских событий в России происходили демонстрации против войны.

9 ноября 1918 года один из основателей «Союза Спартака» Карл Либкнехт провозгласил Советскую республику, которая просуществовала недолго.

18 декабря того же года Всегерманская конференция «Союза Спартака» приняла решение о создании Коммунистической партии Германии, которая поставила своей целью борьбу за власть Советов.

В 1919 году был подписан Версальский мирный договор, который принёс германской экономике непосильные репарации.

Затем пришёл мировой экономический кризис, в полосу которого Германия вступила в 1929 году. В это время к власти стали рваться нацисты, победившие в обстановке развёрнутого ими террора на выборах в рейхстаг в 1933 году. У руля государства стал новый канцлер – Адольф Гитлер, режим которого прогрессивным силам немецкого народа не удалось свергнуть. Компартия, во главе которой был Эрнст Тельман, ушла в подполье для борьбы с «коричневой чумой».

В борьбе с нацизмом погиб Эрнст Тельман и многие немецкие коммунисты, в их числе и Эрнст Шнеллер, один из авторитетных и стойких руководителей компартии Германии, которого казнили в 1944 году в концлагере Заксенхаузен.

С началом гитлеровской агрессии против СССР в 1941 году в Третьем рейхе развернулся антифашистский народный фронт, в который входили патриоты и антифашисты, руководимые КПГ и отдавшие свою жизнь за свободу народа Германии.

Так, по делу так называемой «Красной капеллы» (капелла – духовой оркестр, состоящий в основном из трубачей) в фашистской Германии 23 декабря 1942 году из 118 членов организации Шульце-Бойзена и Харнака было арестовано и казнено 49 человек.

В 1969 году 30 участников Сопротивления были отмечены высокими правительственными наградами Советского Союза за их вклад в разгром германского фашизма и милитаризма и за укрепление дружбы между немецким и советским народами.

Следует отметить, что после великой победы нашего народа в войне с фашисткой Германией братская дружба народов СССР и ГДР была, как сказал Генеральный секретарь компартии Советского Союза Брежнев Л. И., «душой нашего союза».

Могу сказать, что дружба являлась также основным вектором практического сотрудничества и внешних разведок обеих стран.

Маркус Вольф считал своим долгом сохранять традиции антифашисткой борьбы в Германии, которую вела КПГ. Он, по его признанию, брал пример с немецких коммунистов, которые погибли в борьбе с нацистским режимом.

В своих «Последних беседах» Маркус Вольф сказал так:

«…Традиция антифашизма была очень важна для меня, и мы в МГБ всегда старались передать эту традицию нашим сотрудникам как нечто глубоко жизненное и обязывающее… главным для нас было донести до них естественную гордость за эту традицию».

Следует сказать, что в Советском Союзе по разным причинам не сразу стали известными многие немецкие антифашисты, в том числе и те, которые помогали советским органам государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией: агентурная группа внешней разведки СССР Харро Шульце-Бойзена (псевдоним «Старшина») и Арвида Харнака (псевдоним «Корсиканец»), имевшая в Гестапо название «Красная капелла», а также резидент Разведывательного Управления Генштаба РККА в Китае и Японии Герой Советского Союза (посмертно) доктор Рихард Зорге (псевдоним «Рамзай») и другие.

Для объективности изложения заслуг немецких коммунистов, погибших в борьбе с фашизмом, приведу выдержку из доклада Имперского комиссариата (Гестапо) фюреру о «Красной капелле»:

«Она имела связи в имперском министерстве авиации, в Верховном главнокомандовании вооружённых сил, в Главном морском штабе, в министерствах экономики, пропаганды и иностранных дел, в Берлинском университете, в Расовом политическом ведомстве, в Берлинском городском управлении, в Имперском ведомстве распределения рабочей силы…

Арестованные были готовы всеми имеющимися средствами поддерживать Советский Союз в его борьбе против Германии» (*Максимов А. Б.* Разведка Великой Отечественной. Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской

госбезопасности. – М.: ВеГа, 2010).

Наши немецкие коллеги периодически затрагивали вопрос о раскрытии и увековечивании подвигов героев антифашистской борьбы, в ГДР проводилась соответствующая работа по передаче этой традиции новым поколениям. Вопрос ставился и по линии сотрудничества братских партий СЕПГ и КПСС и требовал своего, конечно, положительного решения.

В это время я находился в служебной командировке в ГДР и был одним из советских участников мероприятий по увековечению памяти о героях-антифашистах, в частности о докторе Рихарде Зорге. По инициативе советских представителей в немецких городах были переименованы улицы, присвоены имена школам в ГДР.

Поводом для этой кампании стал художественный фильм «Кто вы, доктор Зорге?», снятый, как я помню, при участии четырёх стран – Франции, Италии, ФРГ и Японии – и вышедший на мировой экран в 1961 году. Это была высокохудожественная картина о подвиге советских разведчиков в Токио, вызвавшая широкий общественно-политический резонанс во всём мире и, прежде всего, в ГДР и ФРГ (в СССР он не был закуплен и в прокате не находился). В самом названии фильма в вопросительной форме: «Кто вы?» (не по профессии, а как человек) – была заложена интрига, так как на самом деле он был гражданином СССР и советским разведчиком, действовавшим под псевдонимом «Рамзай».

С учётом мнения и просьбы министра госбезопасности ГДР Эриха Мильке и его заместителя Маркуса Вольфа, аппарат уполномоченного КГБ при СМ СССР при МГБ ГДР вышел в Первое главное управление комитета с инициативным предложением увековечить память доктора Рихарда Зорге и других разведчиков-антифашистов, работавших в составе нелегальной резидентуры военной разведки в Токио. Предложение готовили: Лысенко Николай Ефимович, Коротков Виталий Викторович (оба много лет работали по линии сотрудничества с МГБ ГДР при МГБ ГДР) и другие сотрудники Берлинского аппарата и Центра.

История этой резидентуры и её ликвидации японской императорской контрразведкой была длинной и сложной: неясными оставались причины её провала и поведения доктора Рихарда Зорге и радиста-шифровальщика Макса Кристьянзена-Клаузена после ареста (оба дали признательные показания). Кроме того, в предвоенный период, по характеристикам военной разведки, доктор Рихард Зорге якобы «политически совершенно не проверен. Имел связи с троцкистами. Политического доверия не внушает» (сентябрь 1937 года), и Центр воздерживался от его

поощрения, несмотря на его активную и результативную разведывательную деятельность, причём в жёсткой агентурно-оперативной обстановке в Японии. Более того, его отзывали из страны, но, зная о репрессиях в СССР, аресте руководства ГРУ во главе с Яном Карловичем Берзинем, доктор Рихард Зорге в Москву из Японии не поехал. Он интуитивно ещё раньше понял. что его ждёт расправа без вины.

В препроводительном письме к информационному сообщению «Рамзая» Разведуправление Генштаба в 1938 году перестраховывалось так:

«ЦК ВКП(б),
тов. Сталину
Представляю донесение нашего источника, близкого к немецким кругам в Токио. Источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания.
И. о. Начальника РУ Красной Армии *С.Г. Гендин».*

Следует сказать, что Гендин С. Г. был переведён в разведуправление из ИНО НКВД СССР (внешнеполитической разведки), где он отменил приказ о ликвидации всей резидентуры «Рамзая». В данном случае агентурная сеть военной разведки в Японии была сохранена Гендиным: занявший позднее пост её начальника Голиков В. М. уже строго учитывал недоверчиво-пренебрежительно отношение Сталина к токийской точке, хотя он и считал, что «Рамзай» тогда стоил армейского корпуса.

Нужно иметь действительно стойкие идеологические убеждения и преданность делу, обладать сильным характером и психофизическими данными, свойственными выдающейся личности, чтобы выполнять свой долг разведчика до трагического конца собственной жизни в течение 7 лет почти без перерыва, без отпуска. Это была работа на износ. Тем не менее в неотправленной в Центр из-за ареста и изъятой шифровке, датированной 17 октября 1941 года, он писал, в частности, следующее: «…Мы с глубоким сочувствием следим за героической борьбой вашей страны с Германией. Мы глубоко сожалеем, что остаёмся здесь, где не можем оказать вам серьёзной помощи. Мы знаем своё дело и верим в то, что могли бы пересечь границу и направиться к вам, либо в Германию, чтобы начать новую работу. Ждём указаний…». Столь высокой была степень преданности «Рамзая» и его агентуры Советскому Союзу.

Инициативы в спасении доктора Рихарда Зорге из японского

застенка советские представители не проявили, даже когда на приёме в посольстве СССР в Токио по случаю годовщины Октябрьской революции в 1944 году японский министр иностранных дел дал дипломатический повод для постановки вопроса об этом.

Открытием для мира советского разведчика доктора Рихарда Зорге мы обязаны верности и памяти о нём его гражданской японской жены, которая перезахоронила останки своего мужа в Токио, сделав памятник.

Умер доктор Рихард Зорге на виселице в японской тюрьме 7 ноября 1944 года, сказав последние слова: «Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Красная армия! Да здравствует Коминтерн!»

ПГУ КГБ при СМ СССР, рассмотрев и доработав предложение из Берлина, доложило его председателю КГБ Семичастному Владимиру Ефимовичу, на приём к которому были направлены легендарный советский разведчик Агаянц Иван Иванович и заместитель уполномоченного КГБ при СМ СССР в ГДР Лысенко Н. Е. Просмотрев после доклада предложения фильм «Кто вы, доктор Зорге?», который привезли из ГДР, Семичастный В. Е. выехал на доклад к Генеральному секретарю ЦК КПСС Хрущёву Никите Сергеевичу на госдачу, где показал ему сначала фильм. Хрущёв Н. С., даже не досмотрев картины, которая произвела на него сильное впечатление, спросил Семичастного В. Е.: а чем же мы наградили его? Оказалось, ничем. 5 ноября 1964 года был подписал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза доктору Рихарду Зорге (посмертно), были награждены и другие сотрудники резидентуры в Токио. В их числе радист-шифровальщик Макс Кристьянзен-Клаузен и его жена. А за казнённого японцами другого члена резидентуры Мияги награду получили в 2007 году его родственники в посольстве России в Токио из рук нашего посла.

В феврале 1966 года я как советский представитель участвовал в проведении немецкими друзьями (в рамках учёбы по теме сохранения традиции антифашистской борьбы) встречи с Максом Кристьянзеном– Клаузеном, а затем отвёз его в столицу ГДР.

Он после освобождения из японской тюрьмы жил вместе с женой и соратницей по разведработе Анной Жданковой в Восточном Берлине. Японская контрразведка её не арестовала в расчёте на использование в качестве «наживки» для наших разведчиков. И действительно, ловушка самураев чуть было не сработала: по указанию из Москвы сотрудник военной разведки, назовём его Петровым, работавший под дипломатическим

прикрытием в Токио, посетил квартиру радиста, за которой велось круглосуточное наблюдение. Но в это время сотрудники японской «наружки», на счастье Петрова, пошли пообедать и его не зафиксировали. Окончательно спасла его Анна Жданкова, которая сказала, чтобы он быстро уходил, так как здесь опасно. Уже в Москве Анна Жданкова пояснила, что она по плохому английскому языку, который использовал Петров, желавший якобы снять квартиру, и его неопрятному внешнему виду (помятые и неглаженые брюки, нечищеные ботинки, взлохмаченные волосы на голове) поняла, что он русский.

Так избежал ареста Петров, который затем стал генералом военной разведки. Судьба ему улыбалась, наверное, ещё и не один раз до выхода в отставку.

Считается, что раскрытие резидентуры «Рамзая» было вызвано арестом её сотрудника – японского коммуниста Мияги, который, конечно, имел в Токио контакт с резидентурой, которая сама не раз собиралась вместе.

Изучив довольно много опубликованных в СМИ материалов о деле «Рамзая», включая серьёзную монографию «Операция “Рамзай”», одним из авторов которой является авторитетный военный историк Гаврилов В. А., я думаю всё-таки иначе. Наиболее реальной причиной провала стали ошибки Центра и самой резидентуры в личной связи, причём не только в Японии, но и ранее в Шанхае.

Приведу в связи с этим отрывок из материала «Шанхайская дуэль Рихарда Зорге», опубликованного в газете «Труд» (№ 5 за 5 мая 2007 года):

«…Утром 10 января 1932 года на стол начальника контрразведки шанхайской муниципальной полиции англичанина Томаса Гивенса лёг отчёт о результатах слежки за гражданином Германии Освальдом Дёницем. Подозревали, что под этим именем скрывается прибывший из Москвы представитель Коминтерна Карл Лессе. В отчёте сообщалось, что агентам контрразведки удалось зафиксировать конспиративную встречу Дёница с неким доктором Рихардом Зорге и теперь появились основания подозревать последнего в том, что он советский агент.

Многолетний опыт борьбы с «агентами Коминтерна» в Шанхае подсказал Гивенсу, что английская контрразведка вышла на крупную фигуру. Он вызвал инспектора Эвереста, который отвечал за разработку советских разведчиков, и поручил ему установить за Зорге плотное наблюдение.

Интуиция не подвела Гивенса. Зорге действительно был руководителем «нелегальной» резидентуры советской военной разведки в Китае. Однако англичане подозревали его всего лишь

как одного из тринадцати «советских агентов» в Шанхае. Гивенс тогда не мог предположить, что завёл досье на человека, которого потом на Западе единодушно назовут одним из лучших разведчиков XX века…».

Доктор Рихард Зорге почувствовал, что ситуация вокруг него стала опасной, и по согласованию с Центром покинул 12 ноября 1932 года Шанхай, успев, впрочем, завербовать, в частности, и японского журналиста Ходзуми Одзаки, с которым продолжил работу в Токио.

В беседах со мной Макс Кристьянзен-Клаузен поделился некоторыми обстоятельствами провала резидентуры в Токио. Оказалось, что его арестовали при подготовке к сеансу связи, изъяв улики: аппаратуру, шифрматериалы и текст телеграммы для передачи в ГРУ. То, что он, с учётом этих улик, стал давать признательные показания, спасло ему и его жене жизнь. Как я понял, он чувствовал свою вину за это. Неожиданно для меня Макс Кристьянзен-Клаузен спросил: «Как вы могли расстрелять такого человека, как Ян Берзинь?» (Берзинь Я. К., один из руководителей РУ Генштаба РККА, непосредственно работал с ним перед выездом в Китай.) И заплакал. Ответить ему мне было трудно, поэтому я сказал, что мне ничего неизвестно, но репрессированных и реабилитированных много.

Макс Кристьянзен-Клаузен много выступал со своими воспоминаниями о работе вместе с Рихардом Зорге. В буклете, подготовленном немецкими друзьями к 50-летию образования Советского Союза, он написал (перевод мой):

«Дорогие товарищи и друзья!

Я с радостью веду обширную работу по сохранению традиций немецко-советского боевого содружества на невидимом фронте.

По зову сердца, а также от имени моей верной боевой подруги Анны я выражаю моим верным друзьям и товарищам – советским чекистам – самые братские боевые приветы и самые сердечные поздравления с 50-й годовщиной образования СССР.

Анна и Макс Кристьянзен-Клаузен».

Память о подвиге доктора Рихарда Зорге хранило и Главное управление «А» МГБ ГДР, в котором, когда я при его руководстве был офицером связи, мне нередко вручались на торжественных мероприятиях книги о «Рамзае» и его портреты. Однажды я получил особый подарок – фотографию бюста доктора Рихарда Зорге от его автора – сотрудника управления товарища Рудольфа Кузе (сам бюст был установлен в здании разведки). Рудольф Кузе написал на фотографии: «В знак прочной дружбы тов. Воропаеву от тов. Рудольфа Кузе. Берлин, 15.2.1974».

Я предполагаю, что в личном деле резидента «Рамзай», которое военные разведчики давно и основательно засекретили и хранят в своём архиве, есть материалы, которые содержат существенные детали провала их легендарной резидентуры. Тайной покрыты не только причины ареста и гибели сотрудников резидентуры «Рамзая», но и имена тех руководителей военной разведки, которые были ответственны за это.

Понять коллег из военной разведки несложно: упреждающие данные «Рамзая» о гитлеровских планах агрессии против СССР и политике императорской Японии во время Второй мировой войны подтверждены. Они, однако, противоречили анализу военной разведки, заключившей, что войны с немцами весной 1941 года не будет. В её докладе высшему руководству страны, подписанному Голиковым В. М. 20 марта, военно-стратегическая обстановка на новой после 1939 года границе не характеризовалась как угрожающая. Более того, в ней содержался такой вывод: «…Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

Это противоречило реальной ситуации и фактам, но соответствовало точке зрения Сталина. Я читал одну статью, опубликованную в России ветераном военной разведки, по-моему, в начале XXI века, в которой автор совершенно напрасно, как я полагаю, напрягал свой аналитический ум, чтобы доказать правоту данного вывода Голикова В. М. Ну, есть же русская поговорка «Что написано пером, не вырубишь топором»! Да и можно ли считать, что Великая Отечественная война с нацистской Германией, действительно, в 1941 году не начиналась, а имела место дезинформационно-провокационная акция противников Советского Союза? Судить об этом может любой читатель.

В Германии компартией было организовано подполье, оказывавшее упорное сопротивление нацистскому режиму. Маркус Вольф нередко упоминал, в частности, как героического патриота-антифашиста Кэте Нидеркирхнер, казнённую гестапо. Я о ней, к сожалению, очень мало знал, а она являлась для него примером мужества и преданности делу партии.

Кэте Нидеркирхнер, 1913 года рождения, член и функционер компартии Германии и ближайший соратник Эрнста Тельмана была заброшена нами в Третий рейх осенью 1943 года, арестована гестапо, подверглась пыткам в концлагере Равенсбрюк, пыталась покончить жизнь самоубийством из-за опасения, что может их не выдержать, и через год расстреляна.

В 1944 году в предсмертном письме своей подруге по лагерю Кэте Нидеркирхнер написала (перевод мой): «…Сегодня я хочу проститься с моими любимыми людьми. У меня предчувствие, что не так долго буду ещё здесь. Моему любимому и дорогому отцу скажите, что я его ничем не опозорила. Я никого не предала. Мои мысли постоянно о нём…». За несколько часов до казни она смогла передать из камеры ещё и записку со словами: «Я очень желала бы пережить новое время. Это так тяжело уходить совсем незадолго до этого».

Кэте Нидеркирхнер – героиня немецкого народа, которая вышла из его глубины.

Своим поведением в гитлеровских застенках и судьбой она напоминает Героя Советского Союза, зафронтовую разведчицу Зою Космодемьянскую, погибшую от рук фашистов в период битвы за Москву в 1941 году.

Обе были патриотками и, безусловно, имели одинаковую психологическую установку на преданное служение своему отечеству.

Я уверен, что в памяти немцев имя Кэте Нидеркирхнер сохранится навсегда. Как и в нашей.

Эрих Мильке как визави Маркуса Вольфа

Во многих мемуарных книгах, написанных Маркусом Вольфом, можно встретить его воспоминания об отношениях с министром госбезопасности ГДР Эрихом Мильке (1907–2000), в подчинении которого он находился как его заместитель по разведке вплоть до своей отставки.

На протяжении многих лет их отношения не характеризовались хорошим взаимопониманием, причём главным образом со стороны Эриха Мильке, который в деятельности системы госбезопасности отдавал приоритет контрразведке, что не могло не приводить к конфронтации между министром и его заместителем. Кроме того, у них был различный руководящий стиль. Если министр с его авторитарным характером и ортодоксальным мышлением был склонен командовать, то его заместитель считал, что разведке не нужна строгая воинская дисциплина, ей, как и партии в целом, требуется творческое инакомыслие. Можно вспомнить, что Эрих Мильке тоже заявлял о себе как стороннике, цитирую его, «более активного участия трудящихся в деятельности правозащитных органов как выражения более высокой степени развития социалистической демократии».

Социализм и мир были смыслом их борьбы, оба разделяли линию своей партии и боролись за её претворение в жизнь – это и объединяло их несмотря на обоюдную неприязнь, подпитываемую, очевидно, и стремлением быть первым в иерархии МГБ. Последняя оставалась, так сказать, в рамках их межличностных отношений, но, несомненно, не могла не сказываться на их взаимодействии. Это был случай, когда разница в образовании, воспитании и интеллигентности не способствовала возникновению симпатии друг к другу, то есть хорошим личным отношениям, однако согласие тем не менее достигалось.

Оба контрагента из МГБ ГДР были, несомненно, людьми, как говорили в России, «с умом, душою и честью», но понимали всё не всегда одинаково.

Эрих Мильке предпочитал рассуждать больше силлогизмами, ему ближе и понятнее были простые и догматически обусловленные способы решения проблем.

Французский философ Вольтер говорил: «Я никогда не соглашусь с вашими убеждениями, но отдам жизнь за то, чтобы вы могли их свободно высказать». Маркус Вольф примерно так рассматривал инакомыслие, но был всё-таки ближе к тому, чтобы

поменять ортодоксальность в партийной жизни. Конечно, он не думал рекомендовать, так сказать, лечить зубы методами доисторической стоматологии: он видел реальный путь к развитию СЕПГ в расширении демократии в её партийной жизни. В вопросах демократии, да и социалистической законности в органах госбезопасности он, скорее всего, оказался более современным и продвинутым, чем его начальник-визави.

Демократизм же, о котором говорил в своих мемуарах Маркус Вольф, воспринимался в партиях ленинского типа, на самом деле, как буржуазный либерализм и был опасен для её идеологии. И ещё Маркус Вольф, с его стратегическим мышлением во взаимозависимой реальности, проявлял больше терпения, а Эрих Мильке демонстрировал темперамент, субъективность и решительность действий.

Я всегда удивлялся мудрости древних людей. В античном мире они считали, что судьбу человека создают его нравы. Справедливость этой мудрости хорошо просматривается в судьбах этих двух руководителей МГБ ГДР.

Как немец, Эрих Мильке был педантично пунктуален и плохо переносил случаи опозданий, причём, как выяснилось, невзирая на личность опоздавшего.

В середине 1960-х годов, во время моей первой командировки в ГДР, я был приглашён на встречу нового председателя КГБ при СМ СССР Семичастного Владимира Ефимовича с партийным активом Аппарата уполномоченного КГБ при СМ СССР при МГБ ГДР в Карлсхорсте. Владимир Ефимович говорил увлекательно и без лимита времени, что заставляло тогдашнего опытного руководителя нашего представительства Фадейкина Ивана Анисимовича всё больше нервничать, так как после встречи с нами Семичастный встречался с Эрихом Мильке. Наконец, Фадейкин стал напоминать Семичастному об этом, на что мы услышали энергичное возражение бывшего комсомольского функционера (Семичастный В. Е. был направлен в КГБ из ЦК ВЛКСМ): «Иван Анисимович, я что не могу поговорить с моим коллективом? Передайте товарищу Мильке, что я встречаюсь с активом и попросите его немного подождать». Иван Анисимович, у которого были товарищеские отношения с Мильке, определённо был не согласен и напрягся вместе с залом, который оказался тоже в какой-то мере наслышан о характере министра. Наш председатель же продолжал с нами беседовать. (См. также *Приложение 2.*)

Эрих Мильке этой непунктуальности Семичастному В. Е. не спустил, восприняв её как неуважение к себе, и в следующий раз сам явился на встречу с ним преднамеренно опоздав.

Семичастному пришлось подождать тоже, но, главное, инцидент не навредил делу дружбы и сотрудничества советских и немецких друзей.

После краха ГДР Эрих Мильке и Маркус Вольф оказались жертвами юридического преследования в ФРГ, определённо из-за классовой враждебности к представителям власти в бывшей ГДР и мстительности.

Я считаю необходимым, рассказать об Эрихе Мильке как о немецком коммунисте, который внёс большой личный вклад в дело строительства и защиты, как сформулировали в ГДР, «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле».

Эрих Мильке был как раз тем человеком, который лично и во многом повлиял на создание Министерства госбезопасности ГДР по советскому образцу, а впоследствии эффективно руководил им свыше 30 лет.

В МГБ/ВНБ (вместо МГБ было создано Ведомство Национальной безопасности ГДР) после падения Берлинской стены официально в штатах по состоянию на 15 января 1990 года состояли 85 тысяч сотрудников, причём из них «борьбой со шпионажем, обеспечением безопасности в народном хозяйстве, госаппарате, военной контрразведке, борьбой с оппозиционными и экстремистскими проявлениями в ГДР занимались 9200 (в разведке и внешней контрразведке – 4129). В осведомительской сети МГБ ГДР состояло 109000 человек (все данные взяты из упомянутой выше книги Анны Вурст «Конец Штази. История одной спецслужбы»).

Эрих Мильке родился 28 декабря 1907 года в Берлине, окончил только начальную школу, поступил в гимназию, но учёбу прервал, получил профессию экспедитора.

В 1925 году пришёл молодым человеком в ряды компартии Германии, это был период частых уличных стычек коммунистов и нацистов. После убийства полицейскими рабочих-тельманцев участвовал 9 августа 1931 года в Берлине в ответной акции возмездия компартии, в которой были застрелены полицейские Пауль Анлауф и Франц Ленк, а старший вахмистр Август Виллиг был ранен. После этого Эрих Мильке вынужден был скрываться и эмигрировать из Германии.

Учился, а затем и преподавал в «Ленинской школе» Коминтерна» в Москве, в 1936–1939 годах принял участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, затем жил в Советском Союзе.

После разгрома немецкого фашизма в 1945 году он вернулся в Германию, где принял активное участие в организации первых органов безопасности в Восточной Германии. Затем занимал пост

статс-секретаря в органах безопасности ГДР с 1950 по 1953 годы (после антиправительственных волнений в ГДР МГБ ГДР реформировали) и с 1955 по 1957 годы. В 1957 году стал министром госбезопасности ГДР, с 1976 года – членом Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, в 1980 году получил звание генерала армии. В ноябре 1989 года он был снят с поста министра госбезопасности, исключён из членов СЕПГ и уволен.

В ГДР после событий 1989 года его арестовали по обвинению в якобы «правительственных» преступлениях, заключавшихся, по версии следствия, в «широких масштабах прослушивания» и «записи частных телефонных разговоров». В германских органах СМИ были опубликованы материалы о «красном чемодане» Эриха Мильке, в котором он держал якобы личные досье на руководителей ГДР, о содействии МГБ ГДР террористическим группам из ФРГ и Ближнего Востока и другие, рассчитанные на его компрометацию как министра госбезопасности. Затем его стали обвинять за издание приказа пограничной службе стрелять на поражение в нарушителей границы с Западным Берлином (в беглецов из ГДР, из которых, как я помню, 12 погибли).

А начиная с февраля 1992 года, в объединённой уже Германии началась, как писала западногерманская пресса, «гротескная клоунада» с обвинением 84-летнего и больного уже Эриха Мильке в участии в убийстве 61 год тому назад берлинских полицейских Анлауфа и Ленка. По делу допрашивались свидетели, которым в момент событий было лет по 10–11, и применялись «несовременные» статьи уголовного кодекса ФРГ, гражданином которой он не был, а также протоколы допросов свидетелей за 1931 год. Во время процесса над Эрихом Мильке группы граждан ФРГ выражали ему свою поддержку. По решению суда Мильке в 1993 году был приговорен к 6 годам заключения, но освобождён досрочно в 1995 году.

Судебной инквизиции ФРГ и на этот раз не совсем повезло: Эрих Мильке умер, так и не сдавшись, как настоящий генерал армии.

Как и Маркус Вольф, Эрих Мильке был сторонником укрепления нерушимой, как тогда говорили, дружбы между народами ГДР и Советского Союза и, естественно, взаимодействия их служб государственной безопасности, которое осуществлялось на самом высоком уровне.

Следует отметить, что Эрих Мильке тесно и очень оперативно взаимодействовал с руководителями нашего Представительства в Карлсхорсте. Так, в октябре 1966 года он ночью лично поставил в известность Фадейкина Ивана Анисимовича, что на КПП в

Потсдамском округе находится подданный Великобритании Джордж Блейк, который обратился к пограничникам ГДР с просьбой немедленно связать его с представителями советской разведки. От министра Фадейкин узнал и то, что некий офицер связи нашего Представительства в этом округе уже проинформирован, но намерен разобраться с англичанином утром. По стечению обстоятельств в Берлине находился в это время заместитель начальника ПГУ генерал-майор Кондрашёв Сергей Александрович, который понял, что англичанин есть не кто иной, как ценный агент нашей разведки, с которым он работал ещё в Лондоне. Этот источник был выдан бежавшим на Запад офицером польской разведки Голеневским, в 1961 году агент был приговорен к 42 годам заключения и отбывал срок в Англии. Как сам Джордж Блейк, так и помогавший ему в побеге из тюрьмы шотландец Шон Альфонс, также сидевшей в ней, позднее рассказали о вызволении из английской тюрьмы в своих мемуарах.

Через несколько часов ранним утром в помещении КПП немецких друзей радостно, по-дружески обнялись Джордж Блейк и Кондрашёв С. А., которому агент доложил об удавшемся побеге: он бежал с помощью бывшего заключённого той же тюрьмы шотландца Шона Альфонса Берка и добрался до границы с ГДР в специально оборудованной автомашине.

Джордж Блейк был доставлен в Берлин, где его ждали торжественный приём и встречи, в которых участвовал и Маркус Вольф.

Что касается нашего офицера связи, то через двое суток он был отправлен из ГДР домой «досыпать», а проработав года два в Москве и совершив ещё один проступок, оказался уволенным на пенсию. В нашей службе есть и практика наказаний.

Уже много лет благополучно живёт, преподаёт и пишет мемуары «Георгий Иванович», как мы стали его называть, – Джордж Блейк, оказавший огромную помощь своей информацией делу безопасности Советского Союза – нашей России, а в целом всему миру в период «холодной войны».

При Эрихе Мильке МГБ ГДР не один раз выручало КГБ СССР, когда его сотрудники за рубежом попадали в застенки противника. Так, друзья передали западногерманской стороне 21 осуждённого гражданина ФРГ для обмена только на одного агента советской разведки «Курта» – Хайнца Фельфе, занимавшего руководящую должность в БНД. Он был привлечён к сотрудничеству опытным офицером разведки Иваном Суминым, который сумел увидеть перспективу для внедрения тогда ещё студента-юриста, дрезденца Хайнца Фельфе в один из важных

органов государственной власти в ФРГ. Этим органом стала западногерманская разведка.

Встречался с ним наш легендарный разведчик-нелегал и руководитель аппарата КГБ при СМ СССР в ГДР генерал-майор Коротков Александр Михайлович, а практическую работу с агентом обеспечивал мой коллега по разведдеятельности в ГДР полковник тоже Коротков, но Виталий Викторович, фронтовик, сейчас член правления Региональной общественной организации «Ветераны внешней разведки». Кстати, он встречался по работе с Маркусом Вольфом в 1950–1960 годах и уже в наши дни дал интервью прессе, в котором охарактеризовал его так:

«У него было поразительное умение располагать к себе людей. Причём это был не просто профессионализм. Ему люди были по-настоящему интересны. Уже будучи в высоких чинах, Вольф продолжал заниматься оперативной работой, встречался, как это называется на нашем языке, с «источниками». У него была внутренняя потребность общаться с людьми.

Он постоянно искал новые формы работы, непрерывно изучал деятельность других спецслужб, исследовал их слабые и сильные места, стремился накладывать их положительный и отрицательный опыт на немецкую специфику. Это была творческая личность».

Подобная помощь нам, как в случае вызволения из заключения Хайнца Фельфе, организовывалась министром госбезопасности ГДР Эрихом Мильке не один раз и, как правило, оперативно и эффективно.

Ретроспективно оценивая фигуры известных мне уполномоченных нашего аппарата в Карлсхорсте, если учесть при этом мнения о них немецких друзей, придётся первое место отдать Короткову А. М., имевшему очень высокий авторитет в ГДР. О его разведывательной работе перед войной 1941–1945 годов немецкие друзья знали, но, понятно, далеко не всё. Он был сторонником предоставления органам госбезопасности ГДР полной самостоятельности, в отличие от своего предшественника на посту представителя органов госбезопасности Советского Союза в ГДР и также легендарной личности генерал-майора Питовранова Евгения Петровича, не считавшего это целесообразным. Время подтвердило правоту Короткова А. М.: аппарат МГБ ГДР профессионально и оперативно решал свои задачи вплоть до краха ГДР, эффективно взаимодействуя с органами госбезопасности СССР и других стран социализма.

Постоянное внимание Эрих Мильке уделял и укреплению политической составляющей в работе коллектива МГБ ГДР, для чего, в частности, помогал работе отделения общества германо-

советской дружбы при министерстве. Особенно активно это общество проводило работу под руководством полковника Карла Науманна, бывшего командира охранного полка им. Дзержинского МГБ ГДР. Уполномоченный КГБ Фадейкин И. А. считал это направление в сотрудничестве с друзьями важным и ответственным. Он поручил мне поддерживать контакт с немецко-советским обществом при МГБ ГДР и оказывать содействие его деятельности.

В связи с решением отдельных вопросов по линии этого общества дружбы я видел постоянную готовность самого министра и его заместителя по контрразведке Бруно Беатара помочь в поведении ответственных мероприятий с участием советских друзей, приуроченных к государственным и юбилейным датам ГДР и СССР (в частности, 50-летия Советского Союза в 1972 году).

МГБ ГДР оказывало нам, медицинскую помощь: в проведении врачебных консультаций, обеспечении необходимыми дефицитными препаратами и при необходимости медицинскими приборами. Так, с согласия Фадейкина И. А. мы через медицинскую службу МГБ ГДР направили на консультацию в университетскую клинику «Шарите» в Берлине сотрудника нашей нелегальной разведки, которому в ней оказали серьёзную помощь.

Мой старший коллега по связи с разведкой друзей Будахин Владимир Николаевич, участник Великой Отечественной войны с фашистской Германией и ветеран советской разведки перенёс в ГДР инфаркт миокарда. Его немецкие медики буквально поставили на ноги: по немецкой методике такой тяжело больной не остаётся приговорённым к постельному режиму, а двигается, как я помню, под контролем приборов ЭКГ. Более того, министр Эрих Мильке под свою ответственность ходатайствовал о его новой служебной командировке в ГДР, подчёркивая высокий уровень медицинской помощи в ГДР. Будахин В. Н. успешно справился и с этой задачей.

Таких конкретных примеров оказания советским друзьям в экстренных случаях медицинской помощи со стороны МГБ ГДР было много. Мне это известно, поскольку я имел поручение поддерживать по таким вопросам контакт с медицинской службой друзей. Моим партнёром был доктор Матойс, которому я и сегодня признателен за содействие.

Эрих Мильке в истории братского сотрудничества органов госбезопасности Советского Союза и Германской Демократической Республики фигура, безусловно, не только легендарная, но и, пожалуй, самая крупная. Он находился в

системе госбезопасности ГДР на самых высоких и ответственных постах длительный период, за который сменились два первых министра Цайссер и Вольвеber, взгляды которых не очень соответствовали курсу СЕПГ.

Эрих Мильке имел прямую связь и личный контакт с председателем КГБ СССР Андроповым Ю. В., ему были заслуженно вручены самые высокие правительственные награды Советского Союза.

Безусловно, в его жизни и деятельности было немало просчётов и ошибок, но он был и остался предан делу социализма и своего народа.

Он пытался предотвратить крах ГДР. С этой целью он как министр госбезопасности до падения Берлинской стены осенью 1989 года обращался к представителю руководства советской разведки генерал-лейтенанту Кондрашёву Сергею Александровичу со срочной просьбой:

«Сергей, – спросил он, – что, собственно, думает себе Горбачёв? Ясно ему, что, если ваша политика по отношению к Польше и к Венгрии (речь шла о том, что через эти страны на Запад бежали граждане ГДР. – *Н. В.*) так и продолжится, то ГДР не сможет больше сдерживать общественные силы, которые благодаря чему получили свободу действий (для антигосударственных выступлений. – *Н. В.*)?

Горбачёв и ваши руководители должны понять, что Германская Демократическая Республика будет разорвана в клочья!»

Данный перевод текста на немецком языке из книги «Невидимый фронт» (изд. «Ульштайн», «Пропилен», 1997) сделан мною. Дело в том, что я читал на русском языке ту же книгу, выпущенную московским издательством «Эксмо» в 2002 году. А он был не точным, и в нём не упоминалась советская политика по отношению к Польше и Венгрии в связи с бегством граждан ГДР через эти соцстраны, о которой говорил Мильке:

«Сергей, – спросил он, – что Горбачёв думает? Неужели он не понимает, что если Венгрия и Польша продолжат в том же духе, то ГДР недолго сможет сдерживать социальный взрыв? Горбачёв и ваши лидеры должны осознать, что Германская Демократическая Республика перестанет существовать!»

Кондрашёв С. А. передал информацию в установленном порядке для сведения руководства СССР, реакции на неё не последовало, то есть руководство КПСС не помогло ГДР.

Вот что написал об этом периоде шеф Главного управления «А» МГБ ГДР Вернер Гроссманн в своей книге «В поле зрения – Бонн»:

«…В это время я ищу поддержки со стороны Советского Союза. С осени 1989 года генерал Анатолий Новиков, руководитель Представительства КГБ, постоянно проживает в Карлсхорсте. Александр («Саша») Принципалов исполняет уже давно обязанности нашего офицера связи. Обоих я хорошо знаю.

Я часто посещаю Анатолия в его служебном здании и прошу его, особенно, в декабре 1989 и январе 1990 годов, сказать в Москве, что нам срочно необходима помощь. Разговор компетентного представителя Москвы с министр-президентом Модровым, я считаю и надеюсь на это, мог бы повлиять на некоторые моменты. Анатолий считает точно так же. Но несмотря на многочисленные обещания, Москва не вмешивается. Плюс ко всему она приводит неубедительные доводы. Поэтому Анатолий сам говорит с Модровым. Безрезультатно.

Советское руководство уже сдало ГДР. Однако мы ещё твёрдо верим в нерушимую дружбу с Советским Союзом и боевое содружество с нашими советскими друзьями. Но жребий уже брошен.

На совещании в ЦК КПСС с Михаилом Горбачёвым 26 января 1990 года Председатель КГБ Крючков констатировал, что ГДР больше не сохранить и политика должна взять курс на объединение Германии. Данная оценка существующего положения меня не обрадовала. Но тот факт, что с нами не захотели переговорить честно и открыто, меня очень расстроил. Это состояние сохраняется у меня долго».

Я не буду приводить мнение Маркуса Вольфа о действиях руководства КПСС в отношении ГДР, поскольку оно совпадает с приведённой точкой зрения Вернера Гроссманна и, конечно, сотрудников разведки ГДР, с которыми я встретился в 1993 году. Они откровенно и с горечью говорили о том, что ГДР и их предали, понимая, конечно, что это сделали не сотрудники советской разведки. И этот момент нашёл отражение в книге Вернера Гроссманна:

«Моя жена и я в 1990 году летим в Москву в гости к нашей дочери и русскому зятю, которые работают там в НИИ. Руководство 1-го Главного управления приглашает нас на двухнедельный отдых в санаторий в Семёновское. И в московской гостинице, и в санатории я разговариваю с руководящими сотрудниками советских служб. Как всегда, всё происходит строго по протоколу с достаточным количеством хорошей еды, многочисленными тостами. Они непрерывно клянутся в дружбе, щедро предлагают помощь и поддержку. Геннадий Геннадьевич Титов на протяжении долгих лет представитель КГБ в Берлине – Карлсхорсте, который провожает нас в аэропорту, заверяет меня,

что сотрудники органов госбезопасности (ГДР. – *Н. В.*) не будут привлечены к уголовно-правовой ответственности и что пенсии им гарантированы.

Он, к сожалению, не знает позицию Горбачёва, которую тот занял в разговоре с Федеральным канцлером Колем по этому вопросу. Горбачёв уклонился от ответов на конкретные вопросы канцлера по данной проблематике и передал их на усмотрение Коля.

Достойно ведут себя также сотрудничающие с Главным управлением разведки офицеры связи Олег Герасимов и Володя Будахин, с их семьями я и моя жена находимся в дружеских отношениях. Александр Принципалов и Анатолий Новиков, Вадим Кирпиченко и Леонид Шебаршин. Конечно же, они тоже не всегда открыты с нами, но они никогда не лгали. А это уже много в непростом деле тайных служб. К сожалению, с «закатом» ГДР многие дружеские узы разрываются.

Многие из наших сотрудников были разочарованы тем, что советские друзья в Москве бросили нас в беде».

Безусловно, Вернер Гроссманн не имел в виду, что сотрудники советской внешней разведки не оказали им помощь: у нас не было возможности изменить изложенное выше политическое решения руководства ЦК КПСС, но мы остались их боевыми и верными товарищами.

Как гласит русская пословица, «Всякое дело человеком ставится, человеком и славится».

Она очень точно определяет и судьбу Эриха Мильке – судьбу смелого, решительного и дисциплинированного солдата своей партии и слуги немецких трудящихся. И, разумеется, не применима к судьбе реформатора Горбачёва М. С., который «прославился» иначе.

Лично у меня не вызывает никаких сомнений то, что Эрих Мильке был борцом. Он заслужил нашу благодарность и нашу память о нём как о большом друге Советского Союза и нашем стойком по общей борьбе соратнике.

О смысле и будущем разведки

В личных беседах с советскими коллегами Маркус Вольф неоднократно затрагивал профессиональные темы, которые тогда интересовали нас всех, о профессионализме в разведке, роли в ней агентурной работы и развитии технической разведки.

С появлением новых средств ведения технической разведки, добывающей информацию, а также её обработки, использования и учёта при принятии политических и других решений, появился скепсис по отношению к приоритетности агентурной разведки.

Эта тематика бесед высвечивала интерес Маркуса Вольфа к будущему разведки. Наше время – время бурного научно-технического прогресса и освоения космоса, усиления глобализма с небывалой концентрацией капитала, разрастания угрозы терроризма, а также образования региональных анклавов социальной напряжённости, которые превращаются в очаги военных конфликтов. Какова же роль этих двух видов разведки?

Дискутируя на тему о целесообразности существования разведывательной службы в будущем и ведения агентурной разведки, когда есть уже технические средства добычи информации и высокий уровень аналитической работы по её обработке, Маркус Вольф заключил:

«Однако, я думаю, что работа с человеком-источником никогда не может быть изменена, заменена чем-либо, пока существуют спецслужбы. С помощью технических средств можно только приблизительно представить стабильное состояние наблюдаемого объекта в данный момент. Секретные планы, выбор и принятие решений остаются скрытыми даже для самого совершенного спутника».

Далее Вольф писал:

«Даже если роль технической разведки усилится и заменит то, что раньше делал человек с риском и большими затратами, она никогда не будет полноценной заменой. Только человеческий фактор, а не высокотехнологические устройства делают разведывательную деятельность успешной».

Из его опыта руководителя внешней разведки ГДР следует, что «найти и разрабатывать ценный источник в объектах принятия решений, куда необходимо внедриться, – это зависит не от числа сотрудников в Центре, а от квалификации руководства» и что борьба «за расширение полномочий и штатов» бессмысленна.

Могу только подтвердить то, что он не понимал и не принимал склонности братских разведслужб к поиску виновных в

провалах в работе и стремления «разбираться» с ними, а пришёл к другому решению:

«Совсем наоборот, период после разоблачения и ареста агента – это как раз время, требующее стабильности высшего руководства и преемственности в работе. Я всегда считал, что массовые увольнения никогда не были адекватными мерами», то есть «целесообразнее оставаться всем на местах и сделать выводы, чтобы это не повторилось вновь».

В книге «Игра на чужом поле» Маркус Вольф указывает на специфику работы разведки:

«С точки зрения морали мир разведки, западной или восточной, – это всегда царство теней. Её практика зачастую безнравственна, а её методы – грязны… Ни одна секретная служба не может быть демократичной, и, как бы политики ни желали этого, быть открытой для постоянных проверок и профессионально решать свои задачи нельзя».

Последнее замечание Маркуса Вольфа об избыточности требования гласности и публичности работы спецслужб, на мой взгляд, естественно вытекает из требования секретности их деятельности и означает табу на это.

Он считал, что «беда (для государства. – *Н. В.*) начинается там, где информация служб наталкивается на невежество и высокомерие, где их предупреждения пылятся в архивах, если не сразу рвутся в клочья». В качестве убийственного и бесспорного аргумента Вольф ссылается на предвоенную ситуацию в СССР: трагедией для советского народа обернулось «отношение к их информации (информации агентов советской разведки в Токио, Берлине, Франции, Швейцарии и Москве о нападении Третьего рейха на СССР. – *Н. В.*) одного лишь человека, который в беспредельном самовозвеличении сметал со своего стола всё, что не соответствовало его предвзятому мнению».

Он имел в виду, разумеется, Сталина, который в условиях военного времени принизил из-за своих ошибочных политических представлений важную роль разведки как одного из основных институтов государственной власти. Это привело сталинское руководство к крупным политическим просчётам и, в первую очередь, к массовой гибели советских людей в войне с нацистской Германией.

Вряд ли кому-то удастся обоснованно оспорить изложенную Маркусом Вольфом данную аргументированную точку зрения.

Маркус Вольф так написал в книге «Игра на чужом поле» о смысле деятельности спецслужб:

«Моя собственная запись 1974 года после празднования 25-летия ГДР напомнила мне, когда я перелистывал свой дневник

(его Маркус Вольф вёл в течение всей службы в разведке. – *Н. В.*), что вопрос о смысле разведывательной деятельности приходил мне в голову не только после крушения «реального социализма».

В дискуссиях о секретных службах наряду с вопросом «кому выгодно?» возникает и вопрос: а нужны ли они вообще? При этом речь идёт не только об аппарате, армии поглощают во много раз больше миллиардов. Однако все производимые в НАТО бумаги с грифами «особой важности», которые мы добывали ценой огромных усилий и средств, при ближайшем рассмотрении годятся лишь для употребления в укромном местечке. А кто у нас может изнутри измерить пользу гигантского аппарата партии, государства и экономики, которые преимущественно взаимно контролируют друг друга, руководят и занимаются сами собой? Как много полезных дел можно было бы сделать, как много людей занялись бы действительно полезной деятельностью, если бы были обрезаны эти косы. Но монстры растут неудержимо».

Маркус Вольф продолжил так:

«Решение о том, приносит ли пользу работа разведки или она обречена на бессмыслицу, зависит от политики. Когда я возглавил свою службу, то всегда задавался вопросом о смысле тех жертв, которые мы требовали от своих сотрудников… меня занимает и тревожит судьба моих предшественников, тех, кого мы почитаем за образец. В чём могли видеть Рихард Зорге или Харро Шульце-Бойзен и их соратники истинную ценность своих свершений, смысл своей жизни, когда они шли на эшафот?

Перед тем как принять смерть, они стали свидетелями сокрушительных поражений Красной армии в первой фазе Второй мировой войны. Несмотря на их очень убедительные предостережения, руководство Красной армии, как оказалось, было застигнуто врасплох. Тем не менее, несмотря на смертельную опасность, они до конца продолжали свою работу… Только смерть уберегла их от горькой правды: все их предупреждения Сталин пустил по ветру.

Зорге в Токио, «Красная капелла» в Берлине, Леопольд Треппер во Франции, Шандор Радо в Швейцарии и Герхард Кегель в немецком посольстве в Москве – их имена вписаны на страницы славы разведки».

Как профессиональный и карьерный, так называют человека, сделавшего карьеру своим трудом, разведчик, я разделяю критическую оценку Маркусом Вольфом отношения бюрократического аппарата тоталитарного государства к сообщениям разведки, в частности, Сталина к достоверным, упреждающим и ценным агентурным разведматериалам о гитлеровской агрессии против СССР, но политика – грязное и, я

бы сказал, тёмное дело. Тёмное до такой степени, что мы до последнего времени не знаем правды о действительных намерениях сталинского режима перед агрессией Германии против СССР – оборонять страну или ударить первыми ради продолжения мировой социалистической революции, о которой говорил Ленин.

К 70-летию Великой Победы я написал аналитическую статью «На чужой земле защитить свою землю» о причинах разгрома фашистами Красной армии в начале войны: эту трагедию я пережил девятилетним ребёнком в эвакуации из Белгорода, под бомбёжками, жили с матерью, по сути дела, впроголодь на родине родителей в тогда ещё Орловской области. Писал статью не только для журнала, а для того, чтобы выяснить причины войны с фашистской Германией и, конечно, тяжёлых поражений в ней, массовой гибели советских людей, их страданий и наших огромных материальных потерь. Их причины заключались не только в общей цивилизационной отсталости России от Запада, а и в фатальных просчётах и ошибках Сталина и его окружения. Тяжёлой правдой, которую нам надо знать, может быть то, что из-за стратегических замыслов вождей Ленина, Сталина и других относительно мировой революции защитники Отечества жертвенно погибали в великом множестве и к тому же нередко неоправданно из-за нехватки военного мастерства.

Война стала трагедией для страны и её народа, который всё сумел перенести, выдержать и стал победителем.

Маркус Вольф, видимо, не учёл, что о планах Гитлера напасть на СССР в действительности Сталин и всё военно-политическое руководство Советского Союза знали, и информация разведки о сроках агрессии оказалась, в принципе, мало полезной, если не нужной. Даже готовили упреждающий контрудар вместо создания стратегической обороны на западных рубежах.

ВКП(б) как единственная и правящая партия считала, что дело мировой революции надо продолжить, но сил для этого ещё было мало. Их не хватило даже для отражения гитлеровского нападения 22 июня 1941 года.

Говоря о жертвенном поведении и верности своему интернациональному долгу борцов с нацизмом на невидимом фронте, Маркус Вольф писал:

«Я ещё находился в плену исторического оптимизма, который исповедовал и Харро Шульце-Бойзен, написавший:"…Мы были на верном пути!" Это было и моё кредо: жертвы могли быть не напрасными, а ещё вернее – они не могли быть напрасными.

Но жертвы и лишения, риск и мужество ещё ничего не говорят о ценности разведывательной деятельности, поскольку её

эффективность в итоге зависит только от готовности «хозяина» считаться с информацией…

Со стороны мир секретных служб порой кажется абсурдным и сюрреалистичным, а его действия – аморальными или, по меньшей мере, бессмысленной игрой. Тем более настойчиво с концом «холодной войны» возникает вопрос о дальнейшей целесообразности существования этих служб не только у нас, но и у общественности США. После скандала с Олдричем Эймсом ЦРУ должно было смириться с тем, что его деятельность подверглась острой критике и оценена весьма невысоко…

…Если всё же и в будущем от секретных служб нельзя будет отказаться, их масштабы должны быть существенно ограничены. В настоящее время существует скорее тенденция к их раздуванию. Если обоснованием этого должна стать даже борьба против организованной преступности, тогда возникает подозрение, что здесь преследуются совсем иные цели.

Может быть, именно мне и не следует указывать на то, что недемократичность разведывательных служб кроется в известной степени в природе вещей, что ей не свойственна защита гражданских прав. Но это действительно так. Работа с тайными агентами исключает безоговорочную открытость».

В заключение Маркус Вольф сделал вывод о том, что «сегодня шпионская работа во всём мире ведётся активнее, чем во времена “холодной войны”».

Особенно, по его наблюдениям, этот процесс затронул Германию, в которой…. «резвиться больше разведок, чем когда-либо», только теперь центр тяжести переместился с выведывания военных секретов на экономический шпионаж. Он объективно и аргументированно выделил как важные для будущего линии научно-технической и экономической разведки и службы активных мероприятий.

Выразил Маркус Вольф и надежду:

«Возможно, конец конфронтации между Востоком и Западом будет способствовать существенному ограничению бесконтрольной мощи спецслужб».

К сожалению, эта конфронтация усилилась – теперь между Россией и Западом, и до «ограничения бесконтрольной мощи спецслужб», тем более «существенного», далеко. Достаточно вспомнить контроль АНБ США и в глобальном масштабе, причём даже мобильной связи первых лиц стран-партнёров.

Разведка – ремесло или искусство? К этому вопросу Маркус Вольф возвращался неоднократно. Единое мнение у нас было одно: профессионализм в разведке ценнее карьеры в ней. Маркус Вольф был более склонен считать, что разведка в пределах,

разумеется, допустимого близка к искусству, она всё же не ремесло, а профессия творческая.

Рассматривать этот вопрос можно только с одной точки зрения: что такое разведка? В историческом аспекте она, являясь одним из основных институтов государственной власти, служит народу.

Её методы, формы и средства решения задач с целью защиты национальных интересов государства и обеспечения его безопасности секретны. Её организация построена по военному образцу, дисциплина является обязательной и приказной, сотрудники связаны клятвой и требованиями Конституции. Я полагаю, с учётом этого, что, когда мы говорим, например, о военном искусстве, мы всё-таки имеем в виду военное мастерство, которое, мне кажется, не идентично искусству в классическом смысле.

Логически рассуждая, справедливо заключить, что искусство может возникнуть в любой сфере человеческой деятельности, которая требует мастерства, воображения и изобретательности, а значит, в принципе, и в разведке. Но искусство не мыслимо без творчества. А творчество предполагает право на ошибку.

Вот как раз права на ошибку, как такового, в разведке нет, им никого не наделяют. Конечно, в любой разведке возможны и есть ошибки, но они не должны иметь места.

Риск провала стремятся исключить уже на стадии разработки плана мероприятий операции. Так что если творчество, а следовательно, искусство предполагают право на ошибку, то ошибка в разведке априори исключается или должна быть исключена: нужен результат, а не шедевр деятельности разведчика.

Верность убеждениям под судом ФРГ

Судьба не обошла Маркуса Вольфа тяжёлыми испытаниями, к которым следует отнести в первую очередь крах социалистического строительства в ГДР с последующей ликвидацией внешнеполитической разведки ГДР – его детища – и судебное преследование в ФРГ его самого, сотрудников разведки и её агентуры, имевшее широкий резонанс.

Причём, как написал в своих мемуарах «В поле зрения – Бонн» последний руководитель разведки ГДР генерал-лейтенант Вернер Гроссманн, против бывших официальных и неофициальных сотрудников всего МГБ ГДР было организовано масштабное уголовное преследование:

«…С 1 января 1992 года Федеральным прокурором было начато расследование в отношении 1622 официальных сотрудников Министерства госбезопасности, 25 официальных и 1499 неофициальных сотрудников Главного управления (внешней разведки ГДР. – *Н. В.*). Он выдвинул обвинение против 44 офицеров разведки ГДР и 99 неофициальных сотрудников, 11 штатных и два неофициальных сотрудника были осуждены в соответствии с законом (ФРГ. – *Н. В.*).

С 1 января 1992 года он начал вести предварительное расследование в отношении 2412 неофициальных сотрудников по подозрению в измене родине и особенно в осуществлении секретной агентурной деятельности, 72 неофициальных сотрудника были осуждены, 481 уголовное дело находится ещё на рассмотрении, 17 осуждённых находятся в заключении.

В 1998 году федеральный прокурор Лампе на открытом заседании прокуратуры озвучил следующие цифры: из 2700 дел, возбуждённых против неофициальных сотрудников (Запад), 1400 было закрыто в силу малозначительности совершённых деяний, 700 – из-за малой вины с условием выплаты денежного штрафа размером до 100000 марок. Оставалось 400 обвинений и 300 приговоров, вынесенных в соответствии с законом. По моим данным, было вынесено, по меньшей мере, 320, может быть, даже 340 обвинительных приговоров.

18 июня 1999 года в своём докладе, прочитанном в Академии политического образования в Тютцинге, Лампе по сравнению с 1 июля 1997 года увеличил эти цифры. Таким образом, Федеральная прокуратура начала расследование в отношении 4171 штатного и неофициального сотрудника, а также 2928 неофициальных сотрудников, как правило, источников Главного управления разведки. Из 82 обвиняемых, граждан бывшей ГДР,

обвинительный приговор вынесен был 82, из 388 граждан Федеративной республики – 252».

Однако большинство обвинительных приговоров юстиция ФРГ вынуждена была признать незаконными и отменить: многие осуждённые не были гражданами ФРГ и ей не изменяли. Отменили приговоры в том числе Маркусу Вольфу и Вернеру Гроссманну.

Маркус Вольф остался жить в объединённой Германии, однако он не скрыл от нас той горечи, которую в 1990 году причинила ему наша беспомощность в решении вопроса о предоставлении убежища в СССР «друзей из КГБ». Он не без иронии написал о тех коллегах, которые «прежде читали по глазам и исполняли любое… желание, теперь в ответ на вполне определённые пожелания не говорят «нет», а просто молчат».

Вернёмся в то время, чтобы понять его реакцию.

Маркус Вольф позднее из Австрии обратился с письмом к Горбачёву М. С. и, возвратившись в Москву, имел встречу с начальником ПГУ КГБ СССР Шебаршиным Л. В.

«Вскоре я был принят в Ясеневе Леонидом Шебаршиным. Конечно, мы выпили по рюмке за мою свободу, однако встреча была напряжённой. Моему хозяину было крайне неприятно, что его служба не могла добиться у президента действенной поддержки друга. Странным мне показалось то, что Владимир Крючков, тогдашний председатель КГБ, передал мне через Валентина Фалина привет и рекомендацию ни в коем случае не возвращаться в Германию. Я очень быстро понял, что в Кремле были различные мнения относительно моего пребывания в Москве».

В августе 1991 года, как написал Маркус Вольф в своих мемуарах, Шебаршин Л. В., ставший на очень короткое время председателем КГБ СССР, откровенно сказал ему:

«Миша, ты сам видишь, что тут происходит (путч ГКЧП. – *Н. В.*), ты всегда был для нас верным другом, но в настоящий момент мы ничего не можем для тебя сделать. Кто мог бы подумать, что всё так получится! Езжай с Богом».

Руководящий состав подразделений советской разведки, имевших рабочий контакт с Главным управлением разведки немецких друзей считал совсем иначе: Маркусу Вольфу необходимо предоставить возможность жить и работать в СССР – это долг нашей службы и закон братской солидарности. Проявлялась эта коллективная позиция по-разному, в частности, я просил разрешения о своей товарищеской встрече с ним, но мне доходчиво разъяснили, что это нецелесообразно, так как проблему курирует высокое руководство.

24 сентября 1991 г. при пересечении границы между Австрией и ФРГ Маркус Вольф, как известно, был арестован, через 11 дней под залог отпущен из тюрьмы, осуждён в 1993 г. в Дюссельдорфе на 6 лет тюрьмы, но под залог в 650 тысяч марок ФРГ его отпустили. Впоследствии по вердикту Конституционного суда и постановлению Судебной палаты ФРГ все приговоры по уголовным делам на бывших сотрудников внешней разведки МГБ ГДР были отменены, поскольку к ним – гражданам ГДР, то есть другого государства, незаконно были применены нормы статей УК ФРГ об измене родине и т. д., то есть как к гражданам ФРГ, которыми они не являлись.

И в период преследования Маркуса Вольфа юстицией ФРГ наши разведчики находили пути выражения солидарности с Маркусом Вольфом.

Правление организации ветеранов внешней разведки, членом которой я являюсь, по своему уставу, к сожалению, не смогла оказать ему помощи, поскольку судебный процесс над ним в Германии носил явно политический характер. Проявление же советскими ветеранами дружеской солидарности могло быть в ФРГ истолковано против Маркуса Вольфа.

Я понимая, что сложившаяся в Москве вокруг Маркуса Вольфа, мягко говоря, некрасивая ситуация будет однозначно воспринята немецкими коллегами отрицательно, счёл своим долгом изыскать возможность выразить Маркусу Вольфу свою поддержку индивидуально.

Мне удалось при подключении связей в Комитете по обороне Госдумы РФ выехать в Вюнсдорф (там дислоцировался штаб ГСВГ) как юрисконсульту для проработки условий частного коммерческого проекта строительства жилого городка в СССР для военнослужащих нашей группы войск, выводившейся из Германии после её объединения.

На почти конспиративной встрече с бывшими коллегами из ГДР в Берлине (организовали её под предлогом сбора взносов в потребительское общество бывших сотрудников МГБ ГДР) я с их участием написал Маркусу Вольфу личную открытку на русском языке. Объём и смысловая нагрузка текста определялись коллективно, чтобы исключить вероятность использования открытки властями ФРГ в нежелательном для Маркуса Вольфа плане. Текст был кратким:

«Дорогой Миша!
Прими самый сердечный привет.
Желаю Тебе крепости духа и здоровья.
Остаюсь с искренним расположением и дружелюбием.

Николай В.
Берлин, 7 августа 1993 г.»

Маркус Вольф получил открытку перед самым судом в Дюссельдорфе через навестившую его дочь (в Москве спустя несколько лет я передал ему копию открытки и рассказал, как она писалась совместно с его подчинёнными).

Надеюсь, что свою совесть я тем самым очистил, но какая-то беспокоящая душу горечь сохранилась до сих пор. Маркус Вольф не получил от нас своевременной и действенной поддержки, в чём нашей вины не было: вопрос решался на уровне Горбачёва М. С.

На встрече в Берлине я получил от немецких друзей просьбу передать известным им и мне советским товарищам в Москве, что квартиры и телефоны бывших сотрудников МГБ ГДР прослушиваются, и их уже опрашивали в связи со звонками из Москвы, в частности, от бывшего начальника одного из отделов ПГУ Кузьмина Е. И. Он приезжал для оказания помощи разведке ГДР в Берлин. Оказалось, что Кузьмин Е. И. звонит своим бывшим немецким коллегам и друзьям и даже как-то спел им «Интернационал» на французском языке. Конечно, по возвращении в Москву из Германии я Кузьмину Е.И., которого всегда уважал, просьбу друзей передал.

В своём интервью НТВ в передаче «Герой дня» 28 августа 1998 года Маркус Вольф, говоря об экономическом и политическом крахе социализма в Советском Союзе и Германской Демократической Республике, отметил, что в действительности ситуация была управляемой, но руководство обеих стран не оценили этого и допустили серьёзные политические ошибки. Он заявил также:

«Для меня крушение ГДР означало крушение наших надежд… Все мы прожили в сложное время, когда надеялись… Осталось чувство утраты того положительного, что было достигнуто при социализме…».

Он ответил также на вопрос о судебном преследовании западногерманской юстицией:

«На допросах от меня хотели получить данные о помощниках разведки, указывая, в частности, на то, что я лично встречался с 13–14 агентами… Последний раз меня арестовывали в начале 1998 года из-за отказа дать показания об агенте «Юлиусе». Я, конечно, сознательно страдаю, отказываясь от таких показаний, и показаний о «Юлиусе» не дал. Не положено давать сведений о своих помощниках…

…Последние 7 лет живу под постоянным прессом – аресты,

суд.

…Жена Андреа постоянно со мной. За исключением 2–3 недель, за последнее время мы не отдыхали».

Вольф в процессе следствия и суда-фарса над ним в ФРГ никого не скомпрометировал, чем сохранил свои честь и достоинство офицера – руководителя.

Об этом я узнал ещё в 1993 году, когда, как я уже написал, смог встретиться в Берлине с рядом своих коллег из МГБ ГДР, находившихся после объединения двух Германий в тяжелейшем материальном положении и под «колпаком» западногерманской контрразведки.

Однако многие из них держались достойно и прилагали большие усилия для оказания поддержки Маркусу Вольфу в его борьбе с западногерманской юстицией. И, как это сформулировал мне в Берлине один их них, в принципе, идеалы коммунизма, по их убеждению, сохранились и ещё будут нужны людям, а провал социализма произошёл по вине партийного руководства, допустившего грубейшие ошибки, мы же все были на правильном пути.

Такой оказалась идеологическая стойкость немецких товарищей, пусть и не всех из них.

Вместо эпилога. Взгляды Маркуса Вольфа

Моё знакомство с бывшим заместителем министра государственной безопасности бывшей ГДР и бывшим начальником Главного управления «А» бывшего МГБ ГДР (внешняя разведка) генерал-полковником в отставке Маркусом Вольфом произошло в 1967 году, когда в Москву на 50-летие органов ВЧК – КГБ приехали делегации органов безопасности социалистических и развивающихся стран в том числе и Германской Демократической Республики.

С 1969 год по 1975 год я, как уже написал, находился в качестве одного из двух офицеров связи КГБ СССР при руководстве разведки ГДР в Берлине. Мы работали в кабинетах рядом с приёмной Маркуса Вольфа в 12-этажном здании внешнеполитической разведки МГБ ГДР в Берлине.

За весь период общения с Маркусом Вольфом я убедился, что он не только выдающийся организатор и практик разведывательной деятельности, но и человек с нестандартным мироощущением, собственным взглядом на события в мире и ход истории.

Если делать, так сказать, эскиз к его сложному психологическому портрету, то у меня получится вот что: харизматическая личность, экстраверт с генетической памятью, аналитическими и организационными способностями, сильно развитым интеллектом, волей и самообладанием, устойчивыми коммунистическими убеждениями и положительной социальной установкой к Советскому Союзу как оплоту мира и социальной справедливости и России, патриот Германии, жизнелюб.

Конечно, это очень неполный психологический портрет человека, ставшего выдающейся личностью.

Мне хотелось бы остановиться на убеждениях и взглядах Маркуса Вольфа, которыми он руководствовался в своей жизни, тем более что они для широкого круга читателей должны представлять интерес. Прежде всего потому, что они раскрывают его подход к возможному в недалёком прошлом решению задач по реформированию партийных режимов в бывших социалистических государствах Восточной Европы, с которым полезно ознакомиться и сегодня.

Другими словами, нужно разобраться с наследием прошлого, не оставляющим мыслящих людей в покое и сегодня. К тому же был опыт перестройки в Китае, который дал положительные

результаты и говорит о том, что компартии могут достигать преобразований в своих странах, оставаясь у власти и сохраняя свои традиции.

В своих литературных работах Маркус Вольф изложил личные мировоззренческие позиции по широкому кругу вопросов: идеологии, политики, истории, культуры, нравственности и морали и, естественно, разведки – службы, которой он посвятил свою жизнь.

Особого внимания, безусловно, заслуживают его объективные, по мнению автора, оценки многих событий, произошедших в мире после Второй мировой войны и до распада социалистического лагеря.

Он не только был участником многих судьбоносных событий современности, начиная с Нюрнбергского процесса над фашизмом, но и как руководитель внешнеполитической разведки ГДР в течение 32 лет обладал достоверной информацией по главным проблемам своего времени.

Более того, критики Вольфа в МГБ ГДР считали его «абстрактным мыслителем» и «патентованным интеллигентом», что, впрочем, подчёркивало особую значимость его суждений и поступков. Он не стал своего рода романтиком социальной революции и (или) фанатиком справедливости, хотя таким его могут воспринимать. Просто это несовместимо с его явно недемократической профессией разведчика, требующей строгого учёта реальности, прагматизма мысли и строгой дисциплины действий. Именно в разведке Маркус Вольф блестяще самореализовался как выдающаяся личность, ставшая теперь, как я считаю, исторической и легендарной. Он умер 9 ноября 2006 года и похоронен в Берлине.

Следует отметить то, что, считая себя «человеком, стоящим у руин социализма, никогда не бывшего реальным», Маркус Вольф не ограничивался анализом только ряда аспектов противостояния социализма и капитализма. Он выходил за рамки событий 1989–1990 годов в ГДР и давал свой прогноз возможных экономических, социальных, политических и военных вызовов времени. Кроме того, он не только не избегал упоминаний о своей партийности, как это делали некоторые авторы мемуаров, но и, наоборот, открыто излагал свои идейные взгляды, критику партийной жизни и линии СЕПГ, возглавляемой Вальтером Ульбрихтом и Эрихом Хонеккером, а также аспектов внутренней и внешней политики коммунистов России, приведшей к так называемому «застою» в жизни Советского Союза, а затем и развалу его.

Позиция Маркуса Вольфа в вопросе построения социализма –

это позиция не только коммуниста, выступающего за перестройку, но и государственника, который в реформировании своей партии – СЕПГ – и изменении её внутренней политики видел возможность сохранения ГДР как социалистического государства, чего он желал.

Он также питал надежду на способность общества в СССР и ГДР на движение вперёд, на позитивные преобразования жизни в странах Варшавского Договора на демократических началах путём устранения всевластия партийной бюрократии и командно-административной системы.

Однако он согласился с пророческими, как теперь ясно, мыслями немецкой социал-демократки Розы Люксембург, высказанными ею всего через несколько недель после установления советской власти в России в споре с Лениным и Троцким об опасности «диктатуры горстки политиков»: «несколько десятков партийных руководителей дирижируют и управляют с неиссякаемой энергией и безграничным идеализмом… время от времени собирается элита из рабочих на собрание, чтобы выслушать речи вождей и аплодировать им, принять единогласно предложенные резолюции, т. е. хозяйство клики, диктатура, но чья – не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков». На практике в России и Германии было так.

Более того, он в своей книге «Друзья не умирают» написал, что «реальный социализм» потерпел поражение в соревновании с капитализмом, потому что поставил интересы общества выше интересов личности тогда, когда требовался гуманизм для индивидуума. Вообще то, как известно, казарменный коммунизм исключает, по Карлу Марксу, инакомыслие личности, «братство в экономической жизни», «равенство в правовой жизни», «свободу в культурной, духовной, религиозной, художественной, творческой области». Так что требование гуманизма для марксизма мало подходит.

Как я считаю, мысли Маркуса Вольфа заслуживают нашего внимания, хотя он не отметил тех реальных тяжелейших условий, в которых началось строительство социализма после октября 1917 года. В этой связи стоит всё же вспомнить верную оценку Плехановым социальных условий в России того периода, высказанную нашим великим социал-демократом как предупреждение Ленину и его сторонником: Россия не была готова к социальной революции.

Вместе с тем вспомним, что с точки зрения диалектики личность – это преодоление общества для того, чтобы творить общество. Если данный постулат принять во внимание, то

придётся признать, что без личности, без её самосозидания и самоутверждения, то есть без «субъектности», построить новое коммунистическое общество нельзя. Как раз эту мысль многократно отразил Маркус Вольф в своих мемуарах, подвергая критике ленинский принцип демократического централизма коммунистической партии.

Распад СССР и вместе с ним социалистического лагеря, включая ГДР, работа ради укрепления и безопасности которых составляла смысл жизни Маркуса Вольфа, он воспринял как личную трагедию. Его откровенные умозаключения касаются многих исторических событий и относятся к категории достоверных свидетельств, полное право на которые он как их участник, интеллектуал и аналитик, конечно, имел.

В сентябре 1990 года в своей книге «По собственному заданию» он признался, что пришёл «к новому видению и пониманию» исторических событий, к которым отнёс «крушение социализма в Центральной и Восточной Европе», квалифицируемое им «как крупнейшая катастрофа от времени русской Октябрьской революции 1917 г.», якобы «принёсшая историческое небытие социалистических идей». Однако, «цели, родившиеся из лучших достижений человечества – гуманизма, Французской революции, равенства и социальной справедливости – будут и дальше существовать и набирать силу. Они должны остаться, если человечество хочет избежать катастрофы и выжить».

Маркус Вольф хотел, чтобы было именно так, и никогда не «ставил под вопрос ни свою жизнь, ни свои представления о ценностях».

Я уже изложил выше осуждение Маркусом Вольфом недопустимо волюнтаристского отношения Сталина к сведениям разведки о подготовке Гитлера к нападению на Советский Союз. Полагаю, что целесообразно подробнее остановиться на оценке Маркусом Вольфом личности Сталина, поскольку в российских СМИ всё чаще появляются материалы о «вожде всех народов», практика которого была бы якобы полезна и сейчас, скажем, для искоренения коррупции.

Отношение Маркуса Вольфа к культу Сталина, скорее всего, наиболее точно выражено в его книге «По собственному заданию» (М.: Международные отношения, 1992):

«Разоблачения XX съезда партии, как я считал, покончили со Сталиным как личностью, система же, воплощением которой он был, ещё долго будет предметом наших забот, покуда мы не осознаем, что этой системой до неузнаваемости была искажена социалистическая идея в целом».

И в дальнейших публикациях он возвращался к культу личности Сталина. «Что же остаётся от наших идеалов, от наших усилий превратить социализм в действительность?» – задается он вопросом в своей книге «Друзья не умирают» (М.: Международные отношения, 2003).

«Мы верили, что честно следуем идеям, которые Маркс и Энгельс сформулировали в «Коммунистическом манифесте». Мы верили, что способствуем построению общества, в котором великие идеалы Французской революции будут обладать большей жизненной силой, чем в капиталистической системе. Мы потерпели крах, но не потому, что внедрили в практику много социализма, а потому, что слишком мало. Это моё твёрдое убеждение, так же как я убеждён в том, что преступления, имевшие место при Сталине, – это не преступления коммунизма, а преступления против коммунизма. Мой путь к социалистическому движению начался в то время, когда при Сталине понятие свободы отдельной личности уже было принесено в жертву безусловному подчинению партийной доктрине, безусловному послушанию, которое в конечном счёте ничем не отличалось от рабского повиновения властям всесильного государства, в то время когда циничные властители обратили идеалы во зло, дабы манипулировать дисциплинированным обществом».

Маркус Вольф обосновывал эту точку зрения так:

«Сегодня имеются в наличии бесчисленные документальные доказательства личной ответственности Сталина (речь идёт о массовых репрессиях в СССР. – *Н. В.*). Ответственности и за то, что относится к периоду и до, и после нападения Гитлера на Советский Союз 22 июня 1941 г.».

В книге «Друзья не умирают» Маркус Вольф вновь написал: «Практика Сталина была извращением, преступлением против коммунизма. Не случайно число коммунистов среди жертв Сталина больше, чем в Германии». То есть в Третьем рейхе фашистами было ликвидировано меньше коммунистов, чем в СССР при Сталине. Речь идёт не о сопоставлении количества жертв, а о масштабности репрессий против членов партии, которых, конечно, в СССР было больше, следовательно, и число жертв среди них больше, чем в Третьем рейхе.

В принципе, Маркус Вольф пришёл к выводу о том, что развал Советского Союза и в целом дела социализма были предопределены практикой сталинизма.

Тем не менее Маркус Вольф в 1993 г. во время процесса над ним в ФРГ заявил, что всегда «был верен ценностям», ради

которых вместе с соратниками хотел изменить мир: «Это был высокий, возможно, слишком высокий замысел».

Считая практику сталинизма преступлением против коммунизма, он был верен при этом идеалами социального равенства и солидарности, а также свободы личности, о чём, как мы убеждаемся, писал с достигнутого им высокого уровня знаний о практике социалистического строительства с предельной откровенностью.

Критикуя возврат к капитализму в социалистических странах, Маркус Вольф заявил:

«…Не могу принять общественную систему, при которой богатые, несомненно, становятся богаче, а бедные – беднее. Могут ли люди в перспективе быть удовлетворены такой моделью цивилизации, основной чертой которой является подчинение всего диктату собственности? Власть денег прибегает к насилию не меньше, чем власть государства. Она действует не так явно, но не менее жестоко. Если злоупотребление при «реальном социализме» начинается с манипуляции идеалом, то капитализм злоупотребляет идеалом индивидуальной свободы в интересах власти денег и в ущерб большинству общества».

Он выразил свою убеждённость в том, что

«Общество, в котором мы теперь живём, где власть денег и стремление к прибыли в конечном счёте определяют политику и законы, не может быть последним этапом истории. Такое предположение невозможно уже хотя бы из-за извечного стремления человека к лучшему».

Путь к лучшему, по его мнению, человечеству могут указать «идеи, которые мы связывали с гуманным, демократическим социализмом».

Находясь в отставке, Маркус Вольф как гражданин принял участие в попытке возможного преодоления старого общества в ГДР, оказавшегося несостоятельным, ради создания нового, чтобы воплотить в жизнь идеалы социализма, однако в конце 1980 годов это уже было невозможно, и не только в ГДР.

Всё же Маркус Вольф самореализовался и стал крупной фигурой в разведке, а не в политике, и остался разведчиком-профессионалом.

Он ретроспективно изложил свои взгляды и на задачи, методы, принципы деятельности внешней разведки ГДР с момента её образования, когда, как он отметил в книге «По собственному заданию» в 1992 году, «объединение Германии было объявленной целью нашей политики, как и целью политики Советского Союза», а западные страны выступали против этого.

Толкование Маркусом Вольфом разведывательной

деятельности предельно логично и верно:

«В её основе лежат огромный объём незаметной работы, успех которой проявляется не сразу и не везде; оправданное сосредоточение своих усилий на нескольких решающих, правильно определённых направлениях деятельности и использование вышеупомянутых подходов (поиск общих интересов и взаимопонимания с кандидатами на вербовку путём диалога с ними. – *Н. В.*). При этом, конечно, предполагается и способность своевременно и гибко реагировать на изменение ситуации и соответственно заново определить свои цели и методы. Я думаю, что в ближайшем будущем это будет приобретать всё большее значение для разведывательных служб. Содержание их работы со временем, наверняка, претерпит большие изменения».

Он считал, что руководящая роль разведчика в работе с помощниками должна реализовываться им через убеждение и обсуждение, а не командование.

Вообще Вольф не был сторонником военной дисциплины в разведке, даже полагал, что при создании внешней разведки ГДР следовало бы строить её на более демократической основе с учётом того, что разведка живёт и действует в цивильном обществе, которое не устроено по армейскому образцу.

Если Маркус Вольф имел в виду гражданское общество, то с ним можно было бы и согласиться, что военная дисциплина разведке не требуется. Однако поставим вопрос, а где такое общество было и есть?

Он в Главном управлении «А» МГБ ГДР действительно воздерживался от применения методов жёсткого администрирования в отличие от своего шефа Эриха Мильке, а добился сплочения коллектива и единомыслия прежде всего благодаря своему высокому личному авторитету, подкреплённому набором ключевых компетенций лидера и общей идеологией. И ещё он в отношениях с другими всегда проявлял чувство человечности. К нему была не применима турецкая пословица: «Став визирем, хорошим человеком не станешь». Мне весьма импонировал принцип Маркуса Вольфа в кризисных случаях сосредоточивать усилия не на поиске виновных и не на самой проблеме, а прежде всего на поисках её решения. Более эффективного способа устранения ошибки и её последствий я не знаю.

Практически им был реализован принцип синергии: целое больше суммы его частей, между которыми есть связь, образующая их единое целое. Но это, как оказалось, совсем не стало для разведки панацеей от всех бед: из неё опять же, к

сожалению, сотрудники бежали на Запад и становились предателями, имели место срывы её операций, в основном опять же из-за пресловутого человеческого фактора.

В должности заместителя министра государственной безопасности и руководителя разведслужбы ГДР Маркус Вольф оставался практикующим агентуристом: лично участвовал в вербовке источников информации, во встречах с ними, в том числе за рубежом. Он считал своим долгом разведчика не только учитывать в работе потребности помощников, но и обязательно оказывать им помощь в случае провала. По данным следствия по его делу в ФРГ, он работал с 12–13 ценными источниками.

Памяти ряда ценных агентов разведки ГДР он посвятил отдельную книгу «Друзья не умирают», которая свидетельствует, что и после службы он остался человеком чести и долга.

Высоко оценивал Маркус Вольф весомый вклад советской разведки в становление Главного управления «А» МГБ ГДР и её постоянную помощь в ходе их оперативного взаимодействия в интересах безопасности стран – участниц Варшавского договора и мира на земле.

В своих мемуарах он выделил из руководителей КГБ СССР в первую очередь Андропова Юрия Владимировича, в котором видел личность руководителя государственного масштаба, заложившего идеи перестройки в Стране Советов.

Предпосылками успехов Главного управления «А» МГБ ГДР наряду с национальной общностью немцев явились, как считал Маркус Вольф, достигнутые в коллективе разведки единомыслие и сплочённость в решении главных оперативных задач, а также общие идеологические взгляды и высокая профессиональная подготовка сотрудников. Руководя Главным управлением «А» МГБ ГДР, он не терпел безответственности в коллективе.

В книге «Игра на чужом поле» Маркус Вольф из личностных качеств, которые должен иметь профессионал разведки, выделил «терпение – дар разведчика», его «большое психологическое чутьё» и его идеологическую стойкость. Вряд ли стоит оспаривать правоту этого суждения, которая подтверждалась практикой работы самого Вольфа. Помню, что он обсуждал со мной изменения политических сил в ФРГ в связи с появлением в начале 1970-х годов новой партии «зелёных». С его точки зрения, эта партия как раз должна была повлиять на политическую конфронтацию в ФРГ и надо было начать работу по «зелёным». Моя точка зрения была тогда иной: партия малочисленная, её перспектива получить много депутатских мандатов и войти в коалиции с другими партиями пока не просматривается. Я оказался неправ: «зелёные» приобрели популярность среди

избирателей – борцов за экологию. Вот такой конкретный пример и чутья, и стратегического мышления в разведке.

В этой же книге содержится и такой, на мой взгляд, важный в контексте изложенного выше пассаж, взятый из его прощальной речи при уходе со службы, который раскрывает в определённой мере революционное мышление и жизненную философию Вольфа:

«Нередко требуется мужество, чтобы занять определённую позицию в своей собственной стране и в своём собственном лагере… Поначалу мы были очень верующими, теперь мы верим не так слепо. Но мы всегда стремились думать самостоятельно. Быть разведчиком не значит пережёвывать то, что уже известно, пока небо не ниспошлёт новое озарение: он должен объективно оценивать и анализировать факты. Способность постоянно ставить под сомнение всё, что до сих пор было добыто разумом и практикой, – это предпосылка для выработки продуктивной стратегии. Стратегическое мышление и самостоятельные действия лежали в основе «секретов» многих наших успехов даже тогда, когда на это кое-кто в собственном доме смотрел свысока».

После раскрытия этих главных секретов самим Маркусом Вольфом, обычно говорившим, что всей правды от него, как разведчика, ждать не стоит, тайн внешней разведки ГДР, вероятно, больше нет.

Как коллеге и товарищу я остался ему за многое признательным, а также благодарным за тот ценный опыт работы современной и эффективной разведки, которым он делился.

Маркусу Вольфу, харизматической и одарённой личности, были присущи почти энциклопедические знания и широкий круг интересов, большой динамизм и талант аналитика. Он обладал стойкими идеологическими убеждениями, сильным характером, умением устанавливать и развивать в нужном направлении личные контакты и необходимыми для лидера психофизическими данными. Это сделало его выдающейся личностью.

Благодаря этим неординарным личным качествам и высоким результатам деятельности внешней разведки ГДР, Маркус Вольф не только достиг полного самоутверждения как легендарный разведчик, но и остался фактически культовой фигурой в истории разведок.

В мемуарной книге «Колька, Николай, Николай Сергеевич» (Москва, 2001 год) содержится интересное высказывание бывшего председателя КГБ при СМ СССР (1961–1967 годы):

«Есть авторитет должности, хлипковатый, если не подкреплён компетентностью, это авторитет временщика, о котором напрочь забывают, когда он расстанется с местом. И есть должность

авторитета, когда притягивает не пост, а он сам по себе.

Идеальное сочетание, когда авторитет должности и должность авторитета соединяются в одном лице… ну, лишился человек своего поста, но авторитет-то при нём, как и опыт, знании эрудиция…».

Эта мысль Семичастного В. Е. вносит ясность в вопрос, в чём же был секрет успеха Маркуса Вольфа как руководителя разведки. Действительно, имело место полное сочетание авторитета должности и должности авторитета.

В моей памяти внешняя разведка ГДР сохранилась как наиболее сильная и эффективная разведка из разведслужб братских стран социализма. Она обладала очень высоким профессиональным и интеллектуальным уровнем разведывательной деятельности, прежде всего агентурной работы, а также конкурентной способностью и высоким КПД минимум в Центральной Европе.

Основание для такой оценки у меня есть: я много лет проработал в КГБ СССР по линии его сотрудничества с органами безопасности братских соцстран. Я попытался в данной книге показать деятельность Маркуса Вольфа и аппарата внешней разведки ГДР и вывести алгоритм успеха её агентурной разведки, обеспечивавшего её высокую результативность.

По документам находящегося у противника архива разведки МГБ ГДР известно, что каждый второй её информационный материал имел отметку о передаче его советским друзьям. Но могу по личному опыту работы в качестве офицера связи при разведке МГБ ГДР заключить, что вся существенная информация, добывавшаяся разведчиками ГДР, передавалась ими нам с пометкой или без. Я уже привёл в своей книге более компетентную и, я бы сказал даже, официальную оценку этому факту, данную начальником ПГУ КГБ СССР Крючковым В. А.

Такая интенсивность и оперативность нашего взаимодействия сохранялась вплоть до позорного развала и самоликвидации социалистического блока во главе с Советским Союзом.

Для многих сотрудников отечественных органов госбезопасности, знавших Маркуса Вольфа, он был и остаётся преданным другом СССР, верным товарищем по прошлой совместной борьбе за безопасность и мир, человеком стойких убеждений и большим жизнелюбом.

Без всякого сомнения, личность Маркуса Вольфа, с его талантливостью и эрудицией, пользовалась в среде руководителей органов госбезопасности социалистических стран авторитетом и выделялась своей уникальностью.

Взгляды же его уже преданы гласности, и они полностью раскрывают его как борца за социальную справедливость и мир.

Я считаю, что все поражения разведки ГДР, несомненно, не равны её победам. К тому же разведка МГБ ГДР постоянно находилась в эволюционном развитии и, если мы поверим Карду Марксу, то она, как и общество ГДР, производила себя не только в одном отношении, а во многих, что предопределяло в конечном счёте её живучесть и востребованность.

Её отдача для государства (заметим, что в данном случае не только для ГДР, но и для остальных стран социалистического лагеря) постоянно была высокой. Это предопределялось тем, что созданный Маркусом Вольфом коллектив разведчиков сохранял единство взглядов, верность долгу и тесно взаимодействовал с братскими разведками других стран – участниц Варшавского договора.

Мы с немецкими друзьями-разведчикам были единомышленниками, а в борьбе за сохранение мира и безопасность – товарищами, сражавшимися по одну сторону невидимого фронта «холодной войны». К тому же мы все верили в правоту коммунистических взглядов.

Кстати, большинство войн в истории человеческой цивилизации, носили в той или иной степени идеологическую окраску. В современной России в постсоциалистический период возникла идеологическая пустота, которую нам необходимо устранить как можно быстрее, иначе нам внедрят чуждую народу православной культуры идеологию. Действующая Конституция Российской Федерации 1993 года своей статьёй 13 пунктом 2 прописала идеологический запрет: никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Никакая.

Политически это было объяснимо и понятно. Мы пытаемся изо всех сил найти национальную идею, она будет частью идеологии российского общества, имеющего государственное устройство. Определиться в этом вопросе нам придётся всё же самим, к тому же это необходимо сделать с учётом новых, как теперь удобно формулируют, вызовов времени, скажем конкретнее, прямых угроз для России извне.

Говоря о Маркусе Вольфе, я ловлю себя на мысли, что он, скорее всего, разделял точку зрения Иоганна Вольфганга Гёте на то, что «вера не начало, а конец всякой мудрости». Во всяком случае, своё миропонимание он строил не на вере, а на приоритетном поиске истины.

Маркус Вольф сумел соединить в себе и использовать в служебной и общественной деятельности обширные познания в

областях политики, науки, культуры, литературы, журналистики и философии. Он считал, что культура должна быть не только элементом быта, но и службы в государственном аппарате, и добивался этого.

Становление его личности имело своё психологическое выражение прежде всего в его мотивационной сфере, в которой и стоит искать ключ к пониманию феномена под его именем. Самыми же сильными мотивами его действий были социальная справедливость, интернационализм, антифашизм, а также мир и безопасность.

Всё это сделало его выдающейся личностью в истории разведок как минимум социалистических стран Европы.

У меня нет сомнения в том, что придёт время, когда имя его будет заслуженно и справедливо увековечено и на его Родине в Германии.

Томас Манн сказал: «Талант есть способность обрести собственную судьбу».

Маркус Вольф в 2007 году сказал о себе так:

«Я был скорее тем, кто в силу обстоятельств оказывался в тех или иных группах (современников. – *Н. В.*) и после этого осматривался, что же в этих обстоятельствах можно сделать… Я не жил… с таким осознанием принадлежности к поколению старшего возраста (имеется в виду поколение основателей ГДР. – *Н. В.*)».

Он видел идеальную цель жизни в «умении давать» и обязанности «отдавать», полагая это истиной: «…Со времени войны моя жизнь более не принадлежала лишь мне самому. Время брало своё. Мне это чувство помогало в том, что я не могу существовать абсолютно свободным».

И ещё он пришёл к мнению, что «классовая борьба… была наиболее острой между представителями одного и того же класса»: «Вряд ли есть смысл оставлять могилы открытыми (то есть замалчивать преступления времён сталинского террора. – *Н. В.*)». Он, вероятно, ощутил, как и другие коммунисты, «силу партийной дисциплины, которая могла потребовать пожертвовать собой, не задавая вопроса о цене этого самопожертвования».

Хотя «локомотивы истории» Карла Маркса привезли человечество не туда, где оно мечтало жить, Маркус Вольф обрёл счастливую судьбу.

На траурной церемонии похорон Маркуса Фридриха Вольфа 25 ноября 2006 года в Берлине посол Российской Федерации в Федеративной Республике Германия Владимир Котенев сказал:

«…Германия потеряла одну из самых выдающихся личностей, а Россия – одного из лучших друзей в Германии…

Друзья не умирают.

Маркус всегда будет с нами.

Он будет по-прежнему жить в наших сердцах.

И всё же всем нам будет его очень не хватать!»

Можно лишь ради объективности дополнить сказанное послом: и не хватать не только нам в России.

И для меня Маркус Вольф остаётся большим и преданным другом нашего народа.

Мы будем хранить о нём нашу благодарную память.

Рассуждая о своей жизни и её смысле, Маркус Вольф не как разведчик, а как человек задал себе вопрос и откровенно ответил:

«…Не прожил ли я свою жизнь зря?

Если я оглянусь назад с высоты достигнутого возраста, то хотел бы сказать о большом счастье, что так долго прожил и прежде всего – столько пережил».

Приложение 1. КГБ и MfS: партнёры или соперники?

Отрывок из книги Дж. Бейли, С. Кондрашева, Д. Мерфи «Поле битвы Берлин: ЦРУ против КГБ в “холодной войне”»[11]

После разрушения Берлинской стены (1989) и раскрытия документов Министерства госбезопасности ГДР появилась лавина публикаций о самом министерстве и проводившихся им операциях. Однако никто пока не занимался советскими связями МГБ ГДР. Получив кое-какие документы КГБ и взяв интервью у его сотрудников, работавших непосредственно с MfS, мы решили впервые коснуться этой темы.

В самом начале восточногерманская служба безопасности и ее советские учителя были «сбиты с ног» бериевскими «реформами» и событиями 17 июня. Пока БОБ усиленно копала туннель, радуясь его беспрецедентным результатам и используя их для поддержки разнообразных операций против советских служб в Карлсхорсте, Евгений Питовранов пытался реформировать MfS и ввести его в систему безопасности Варшавского блока. Для этого ему пришлось выдержать борьбу с новым председателем КГБ Серовым в Москве и Вальтером Ульбрихтом, старавшимся использовать службу госбезопасности против личных политических противников.

После падения Берия тогдашний замминистра внутренних дел Николай Шаталин вызвал Питовранова и сказал, что он назначается в Берлин принимать дела. Мотивировка была проста: «После переворота следует навести порядок»[12]. Питовранов, кто, как никто другой, мог справиться с этим, благодаря своему огромному опыту работы в службе внутренней безопасности и в контрразведке, весьма критически относился к германской службе и ее действиям во время беспорядков. В письме от 7 августа 1953 года министру внутренних дел Сергею Круглову он сообщает: «События 17 июня показали, что против ГДР велась активная враждебная работа, которая осталась совершенно неизвестной нашим силам безопасности и силам безопасности ГДР». Питовранов указывал, например, на то, что «силы безопасности ГДР имели всего четырех информаторов в восьмитысячном отделении Социал-демократической партии в Берлине, а в профсоюзах и церковных общинах агентов не было вообще». В связи с этим, как писал Питовранов, то есть «из-за слабости системы безопасности ГДР и оживления враждебных

элементов в стране» его аппарат в Карлсхорсте должен взять на себя противостояние силам, «организующим враждебное подрывное движение в ГДР»[13].

Питовранов разъяснил свою позицию Москве, сообщив, что аппарат в Карлсхорсте может взять на себя эти задачи «лишь временно, пока не будет восстановлено нормальное положение в ГДР». Он предложил использовать пятый отдел аппарата, занимавшийся выявлением враждебных элементов, проникающих в государственный аппарат ГДР и создать «секретно-политический отдел, состоящий из трех секторов» для работы против «ведущих органов буржуазно-политических партий» в ГДР, а также «западногерманских и западноберлинских подрывных центров, и их подпольных организаций на территории ГДР»[14]. Питовранов намеревался предоставить районным советникам в ГДР дополнительный штат сотрудников, дабы они могли противостоять «подполью в зависимости от условий в каждом отдельном районе»[15]. Еще Питовранов предложил создать группу инспекторов «для проверки, своевременной помощи и контроля за деятельностью районных советников». В заключение Питовранов отмечает, что верховный, комиссар Семенов и его первый заместитель Юдин одобрили его предложения, и просил министра принять соответствующее решение[16].

Суммируя вышесказанное, очевидно, что Питовранов, столкнувшись с положением в ГДР в 1953 году, сделал вывод, что, во-первых, восточногерманская служба безопасности не в состоянии справиться с проблемой, во-вторых, что надо увеличить советский аппарат. Его мнение было противоположно другому, превалировавшему до июньских событий 1953 года, благодаря чему, собственно, и создавалась MfS как формально независимая служба, способная взять на себя заботу о государственной безопасности в Восточной Германии. И хотя нет никаких сомнений в том, что июньские события всерьез ударили по Советам, такой подход «мы-все-сделаем-сами» отражал также раскол внутри КГБ в отношении будущих органов безопасности ГДР. Станет MfS по-настоящему независимым партнером или его удел быть вспомогательным придатком КГБ?

Несмотря на то, что Питовранов немедленно принял меры по расширению возможностей своего аппарата для нормализации обстановки после событий 17 июня, он не мог не осознавать необходимость изменения отношений с восточногерманской службой безопасности. Однако главная трудность заключалась в организации аппарата в Карлсхорсте, каждый отдел которого подчинялся соответствующему Главному управлению или управлению в московской штаб-квартире внешней разведки,

таким, как – политическая разведка, контрразведка, научно-техническая разведка, связь, эмиграция, нелегалы. В Карлсхорсте эти отделы не только проводили собственные операции, – восточногерманские службы о них не знали, – но и осуществляли консультативные функции в соответствующих управлениях MfS, следуя указаниям соответствующих московских служб.

И в Москве, и в Карлсхорсте отделы обладали большой степенью самостоятельности. Германский отдел Первого Главного управления осуществлял общее руководство и руководство всей повседневной работой аппарата в Карлсхорсте, а также разведывательными операциями против германских объектов. Отдел не ставился в известность о работе других отделов. Некоторые указания в Карлсхорст, например, направлялись из контрразведки, и та не сообщала о них в германский отдел.

В Карлсхорсте именно Питовранов как старший офицер теоретически отвечал за деятельность КГБ в его регионе и мог отменить или изменить приказы из Москвы. Но сделать ему это было нелегко. Секретариат начальника аппарата не был оперативным подразделением, он занимался административными функциями, аналитической поддержкой, проверками по оперативным учетам для всех отделов и вел документацию. Положение осложнялось еще больше, когда оперативное указание из Москвы в один из отделов аппарата в Карлсхорсте было подписано председателем КГБ или его заместителем. В этом случае начальник аппарата мог информировать председателя КГБ о возможных негативных последствиях полученного указания и тем самым перекладывал ответственность на Москву. Знакомая ситуация для начальника любой большой базы ЦРУ.

Хаос в делах серьезно мешал работе с восточными немцами. Когда Питовранов прибыл в Берлин, каждый отдел в Карлсхорсте отвечал за подготовку сотрудников подразделения MfS, соответствующего профилю его работы. Результаты были неровные, и это сказывалось на работе всего MfS. Часто возникали споры между офицерами, отвечавшими за советническую работу, и теми, кто вел дела, находившиеся в ведении МГБ. Те, кто хотел взять на себя руководство операциями МГБ ГДР против американской агентурной сети в Восточной Германии, частенько обвиняли советников в «работе на Гелена, а не на МГБ»[17]. В таких обстоятельствах Питовранов решил создать отдельную группу советников. Возглавлять это новое подразделение он назначил Василия Ильича Булду, высокого, крепкого украинца, который занимался оперативным руководством берлинского аппарата в Москве, а ранее был офицером в управлении контрразведки[18]. Для укрепления

группы аппарата, ответственного за реорганизацию восточногерманской службы, Питовранов пригласил к себе и других ветеранов, например, Хачика Геворковича Оганесяна и Василия Федоровича Самойленко[19].

Чтобы справляться с критикой аппарата в Карлсхорсте, не вызывая гнев московских бюрократов, Питовранов попросил все отделы управления внешней разведки – например, контрразведку – прислать своего представителя в новый советнический отдел[20]. Таким образом, в советнический отдел входили сотрудники всех специализаций. У советников были свои кабинеты в MfS, и жалование они получали тоже от MfS. Однако они считали, что подчиняются соответствующему отделу аппарата. Новая структура облегчила достижение единого подхода к взаимодействию аппарата в Карлсхорсте с MfS. Тем не менее аппарат продолжал проводить независимые операции[21].

Представляя Василия Булду Вальтеру Ульбрихту, Питовранов обещал, что КГБ не будет больше вербовать агентов внутри MfS, на что весьма жаловался секретарь ЦК СЕПГ[22]. Питовранов также выразил надежду, что сотрудники MfS, повышая свою квалификацию, смогут в будущем обходиться без жесткого контроля со стороны КГБ, и таким образом удастся сократить число советников КГБ и в Восточном Берлине, и в районах ГДР. Советники КГБ, например, рассматривали заявления претендентов на работу в MfS и проверяли их прошлое[23].

В то же время Питовранов предупредил Ульбрихта, что с уменьшением присутствия КГБ ответственность за руководство и контроль за деятельностью восточногерманских спецслужб придется взять на себя Политбюро и Центральному комитету СЕПГ. Ключевым вопросом была необходимость для восточных немцев завербовать побольше агентов на Западе. Когда им не хватало своего опыта, советские советники были готовы использовать наводки на западников, представляющих интерес для КГБ. Это стало началом нового наступления разведки на Запад, после понесенного ущерба в связи с роспуском резидентур КИ в 1951–1952 годах и их передачи в аппарат в Карлсхорсте[24].

Серов защищает немцев

Новый подход к проблеме не всем понравился в Москве: 5 апреля 1954 года Иван Серов, председатель недавно созданного Комитета государственной безопасности (КГБ) послал Питовранову письмо, в котором утверждал, что «состояние оперативной работы в ГДР зависит в первую очередь от уровня руководства, который немцы получают от советни-ческого отдела, а он, как вам известно, функционирует неудовлетворительно и не предоставляет необходимую помощь органам германского МВД», и добавил к этому следующее: «Мы не можем согласиться… с вашим утверждением, что «подавляющее большинство сотрудников МГБ ГДР пока не в состоянии работать самостоятельно». Если это настроение овладеет советскими советниками и руководством государственной безопасности ГДР, то это помешает их работе»[25].

Чтобы подтвердить свое мнение о том, что органы государственной безопасности ГДР уже. имеют достаточно опытных сотрудников, Серов подчеркнул значение мер, принятых ими для «уничтожения антидемократических формирований и шпионских гнезд на территории ГДР, а также для внедрения нескольких агентов в шпионские центры в Западном Берлине»[26]. Однако другие офицеры контрразведки КГБ не одобряли массовые облавы на западных агентов, ведь многие из них попросту числились запасными источниками на случай закрытия границ. Аресты должны были произвести впечатление на общественность, поднимая тем самым моральный дух членов СЕПГ, но они никоим образом не отражали разумную контрразведывательную политику. Один из офицеров заявил, что ему было известно в ГДР 130 агентов организации Гелена, которые выходили на радиосвязь всего лишь один раз в два-три месяца единственно ради подтверждения своего существования. Возражая против их ареста, поскольку на их место будут посланы новые, неизвестные нам агенты, он предлагал: «Почему бы не оставить их на месте… учитывая, что мы знаем, кто они и где находятся?»[27]

Серов также критиковал советников за то, что они не знают ценных агентов, находящихся на связи у немецких друзей, что они не дают немецким офицерам-оперативникам конкретных соображений по их делам, что они незнакомы с обстановкой в работе немецких подразделений. С точки зрения Серова, офицеры аппарата в Карлсхорсте редко посещают советников в регионах, чтобы практически помочь им в работе с немецкими коллегами.

Серов завершал письмо выражением своей главной заботы, слабой работы органов государственной безопасности ГДР против враждебных разведывательных центров в Западном Берлине. Он настаивал на том, что «почти ничего не было сделано, чтобы завербовать людей, непосредственно работающих на разведывательные службы противника, и не было завербовано ни одного агента из числа сотрудников этих служб»[28].

Для решения этой проблемы Серов предложил советским офицерам вербовать в западных специальных службах агентов, чья информация будет не только ценна для КГБ, но также может быть использована для проверки информации, полученной органами государственной безопасности ГДР. Высшее руководство КГБ пыталось разрешить противоречия, типичные для взаимоотношений КГБ и восточноевропейских служб, находившихся под его контролем. Москва желала, чтобы ее офицеры брали себе лучшие наводки немцев, и в то же время вдохновляла MfS на расширение своего фронта работы[29].

Питовранов, следуя указаниям Серова, приказал разработать «активные наступательные операции против разведок противника и других подрывных органов и служб в Западном Берлине». КГБ хотел передать эту задачу «специальному отделу по Западному Берлину, созданному по рекомендации КГБ в Берлинском окружном управлении Министерства госбезопасности ГДР». Этот отдел должен был завербовать «широкую сеть агентов, способных систематически информировать [КГБ] о положении в Западном Берлине, своевременно докладывать о планируемых враждебных акциях, обеспечивая своевременное принятие мер по дезорганизации этих акций подрывных центров и организаций противника в Западном Берлине». Этот же специальный отдел должен был создать «агентурные сети из числа жителей Западного Берлина, работавших в ГДР, и из жителей ГДР, работавших в Западном Берлине»[30].

После определения, какие подразделения восточногерманских служб должны быть привлечены к этой программе, КГБ назвал враждебные разведки, интересовавшие его в первую очередь. Были перечислены семь американских организаций, включая радио РИАС[31]. В американском списке было много ошибок, хотя французские объекты тоже были представлены, английские даже не упоминались. Забавное упущение, возможно, связанное с заботой о безопасности Джорджа Блейка. План включал много организаций, имевших отношение к организации Гелена, хотя КГБ уже добился глубокого проникновения в эту организацию (что подтверждает дело Гейнца Фельфе)[32].

Со временем службы безопасности и разведки ГДР увеличили свои штаты и стали работать эффективнее. Пока это происходило, название аппарата КГБ в Карлсхорсте в 50-х годах претерпело несколько изменений. 10 мая 1954 года берлинский аппарат КГБ стал называться Инспекцией по вопросам безопасности, и такие же инспекции были созданы во всех районах. В 1955 году он был переименован в Аппарат старшего советника КГБ СССР при МГБ ГДР. Немного погодя – в аппарат представителя КГБ в Германии. Это название сохранялось до 1992 года. Советнический отдел, с чьей помощью КГБ контролировал и направлял операции MfS, уступил место функциям координации и связи и получил сокращенное название «KiS» от русского «Координация и связь» и стало отделом координации и связи. Подобные изменения произошли в районных отделах КГБ[33].

Районные отделы, созданные в каждом районном центре, были важной составной частью присутствия КГБ в ГДР. Обычно они располагались в зданиях, находящихся в распоряжении советской военной комендатуры, и их силы зависели от величины и важности района, однако их штат редко превышал двадцать человек. Перед ними стояли три задачи: служить связующим звеном между КГБ и районным управлением MfS, разрабатывать и проводить операции против объектов, определенных КГБ, независимо от MfS, оказывать помощь в независимых операциях аппарату в Карлсхорсте. Кроме того, от каждого районного отдела требовались регулярные доклады о политической обстановке в регионе. Доклады должны были быть четкими и конкретными, критический комментарий требовал проверки и анализа. Чтобы выполнить эту задачу, сотрудники районных отделов сохраняли агентов в местных правительственных учреждениях, полицейских участках, коммерческих фирмах, учебных заведениях. Обмен визитами между Карлсхорстом и районными отделами происходили довольно часто. Аппарат осуществлял жесткий контроль. Начальники районных отделов каждую неделю присутствовали на совещаниях в Карлсхорсте[34]. Однако переход от роли советника к роли связного не всегда был легким. КГБ хотя и старался назначать и удерживать тех районных офицеров, кто умел ладить с немецкими коллегами, все же трения в отношениях возникали часто. Бывали случаи, когда офицеры КГБ проявляли нетерпимость, сталкиваясь с растущим нежеланием немецких официальных лиц, особенно из MfS, выполнять указания, «не задавая вопросы». Такой сдвиг в отношениях был очевиден на всех уровнях советско-германского взаимодействия[35].

Фактор Ульбрихта

В эти годы во всех коммунистических странах службы безопасности и разведки подчинялись руководителям партии. Хрущев, например, осуществлял твердый контроль за КГБ, а Ульбрихт удерживал власть над MfS Восточной Германии. Эта политическая динамика определяла отношения между аппаратом КГБ в Карлсхорсте и MfS. Трудности в переговорах с СЕПГ, усугубленные разногласиями внутри КГБ, стали особенно очевидны в период перед возведением берлинской стены в 1961 году и сказывались на работе аппарата в Карлсхорсте в это критическое время.

Ульбрихта одолевало стремление сокрушить оппозицию в руководстве СЕПГ, хотя никто из них никогда не выступал открыто против его руководящей роли. Вслед за восстанием 17 июня и арестом Берия Ульбрихт устранил сильного соперника, каким был министр госбезопасности Вильгельм Цайссер. Однако он был разочарован, поскольку ему не удалось посадить своего человека Эриха Мильке на его место, и пришлось довольствоваться назначением Эрнста Вольвебера. И хотя Мильке как глава контрразведки MfS нес определенную ответственность за события 17 июня, не это было главным препятствием на пути к посту министра. Характер его отношений с некоторыми советскими лидерами был, вероятно, основной причиной того, что ему не удалось тогда занять этот пост. В конце 1954 года Ульбрихт начал свой крестовый поход против Волльвебера и за его изгнание. Он был полон решимости заменить министра государственной безопасности и укрепить свой личный авторитет в этом важном компоненте государственной власти. Чтобы добиться этого, ему требовалась помощь КГБ, и он не стал даром терять время.

Начальник аппарата КГБ в Карлсхорсте Питовранов вспоминает, как советский посол Георгий Пушкин пригласил его на обед в посольство в Восточном Берлине. Ульбрихт, тоже присутствовавший в качестве гостя выразил мнение, что Волльвебер слабый министр госбезопасности. «Мы должны подумать, как укрепить этот важный сектор», – сказал Ульбрихт. Питовранов согласился с тем, что Волльвебер «не соответствует своему назначению», однако настаивал на том, что «советская сторона не участвовала в его выборе»[36].

Заверения Питовранова насчет невмешательства советской стороны в назначение Волльвебера в 1953 году не убедили Ульбрихта, возможно, потому что он знал о тесных и

многолетних связях Волльвебера с Советским Союзом. Ульбрихт стоял на своем. Он спросил Питовранова, что за разведку и контрразведку создали Советы, если они не могут быть информированы о деятельности «оппозиции» в СЕПГ. Ульбрихт рассказал о происшедшей несколько дней назад встрече в ресторане «Волга», что в Восточном Берлине, своих соперников по партии – Волльвебера, Отто Гротеволя и Карла Ширдевана, о которой он не был информирован. Еще он пожаловался на то, что ему остались неизвестным содержание «выпадов» против него Ширдевана, когда тот летел из Пекина вместе с главным идеологом Советского Политбюро Михаилом Сусловым.

Тогда Питовранов сказал Ульбрихту, что советским чекистам запрещено расследовать информацию о лидерах своей компартии и своего правительства, и, вероятно, офицеры MfS связаны таким же правилом. А затем, стараясь сгладить остроту критики против Ульбрихта, высказался так: «Послушайте, Ширдеван еще ребенок. Он нуждается в хорошей порке, только и всего»[37].

Ульбрихт на этом не успокоился и спросил Питовранова, что он думает о кандидатуре Мильке в качестве преемника Волльвебера. На это Питовранов заметил, что Ульбрихт уже задавал этот вопрос и получил на него ответ – это дело Центрального комитета СЕПГ. Но Ульбрихт продолжал настаивать, чтобы Пивоваров высказал свое мнение, и тогда Питовранов сказал: «Мильке – твердый и энергичный работник, который неплохо зарекомендовал себя в прошлом.

Но есть некоторые моменты в его отдаленном прошлом, которые довольно трудно понять. Его брат умер в Западном Берлине, но Мильке ни словом не обмолвился об этом в ЦК СЕПГ. И мы не знаем, почему он молчал». Понимая, что Ульбрихту нужно одобрение КГБ на назначение Мильке, Питовранов высказал свое недоверие к последнему: «Он хитрит и ловчит со всеми, включая нас, даже когда играет роль доброго друга. Лучше вам выбрать кого-нибудь достойного из ваших районных первых секретарей на пост министра, а заместителем поставить профессионала – того же Мильке или Маркуса Вольфа». Чувствовалось, 4fo Питовранов в восторге от Вольфа. Он называл его отличным, дисциплинированным сотрудником с хорошей головой. Однако все знали, что Мильке и Вольф недолюбливали друг друга, поэтому предложение Питовранова серьезно не рассматривалось[38].

Дело о назначении Мильке не закончилось этим обедом. Прежде чем Питовранов покинул Карлсхорст и улетел в Москву, где он должен был приступить к новой работе, председатель КГБ Серов позвонил ему и сказал, что он и ветеран КГБ Александр

Коротков, давний друг Ульбрихта, собираются в Восточный Берлин по другому делу и проводят Питовранова. Вскоре Питовранов узнал, что «другим делом» была встреча с Ульбрихтом и договоренность о назначении Мильке министром государственной безопасности ГДР. Насколько известно от Питовранова, Серов и Коротков вскоре тоже прилетели в Москву, нагруженные подарками от благодарного Мильке[39].

Тем временем лидер СЕПГ снова озадачил Москву. 7 февраля 1955 года Серов проинформировал Центральный комитет о возникших проблемах с Ульбрихтом, о чем доложил аппарат КГБ в Карлсхорсте. Очевидно, Ульбрихт приказал органам госбезопасности ГДР усилить репрессивные меры против «лиц, заподозренных в подрывной деятельности и саботаже». Что касается министерства сельского хозяйства, то Ульбрихт настаивал на том, что «по крайней мере 10–12 процентов работающих там – враги», и приказал «обыскивать и арестовывать подозреваемых, даже если нет доказательств их криминальной деятельности». Ульбрихт собирался применить такие же меры в отношении других министерств, особенно министерства строительной промышленности и статс-секретариата по углю. Когда государственный секретарь Вольвебер подчеркнул необходимость соблюдения закона, Ульбрихт возразил: «Было бы целесообразно объяснить прокурорам, чтобы в качестве временной меры давать санкции на арест и задержание не на двадцать четыре часа, как положено по закону, а на две недели». Серов пояснил: «Наши немецкие друзья были предупреждены инспекцией, что такие меры, как обыски и аресты или задержание подозреваемых на две недели, требуемые товарищем Ульбрихтом, должны применяться осмотрительно, иначе пострадают невинные и в руководстве министерств воцарится атмосфера неуверенности, а это только создает дополнительные поводы для побегов на Запад»[40]. В письме Серова в Центральный комитет, возможно, отчасти отразилось его стремление продемонстрировать свою поддержку «социалистической законности» и реформам органов безопасности, до сих пор сохранявшим сталинский стиль, которые стали проводится после изгнания Берия. Вероятно, это письмо основывалось и на негативном, в целом, отношении к Ульбрихту в определенных кругах в Москве[41].

Несмотря на то что Ульбрихт предпочитал Мильке, Волльвебер продолжал оставаться на своем посту, и в ноябре 1955 года Секретариат государственной безопасности был вновь превращен в самостоятельное министерство, с Воль-вебером в качестве министра. Пока он пребывал в этой должности,

восточногерманская служба (с помощью Советов) добилась заметных контрразведывательных успехов. В добавление к тому, о чем упоминал Серов в письме от 5 апреля 1954 года, материалы архивов КГБ свидетельствуют об операции «Стрела» (июль – август 1954 года), завершившейся арестом 305 человек, в том числе 203 членов организации Гелена и других западногерманских разведслужб. Были захвачены семь радиопередатчиков. В апреле 1955 года была проведена массированная операция «Весна» против американских, английских и западногерманских разведывательных органов, а также других подрывных организаций. В результате 640 агентов были арестованы; четыре американских, пять британских, три западногерманских агентурных сетей было ликвидировано. Были конфискованы тринадцать портативных радиопередатчиков, средства тайнописи, оружие и другое оборудование[42]. Наряду с этими успехами контрразведки, начала заметно проявлять себя группа Маркуса Вольфа. Она стала Главным Управлением разведки (*Hauptverwaltung-Aufklaerung, HVA)*. Похоже было, что «Штази», наравне с другими службами национальной безопасности ГДР, превратилась в зрелый государственный орган.

MfS присоединяется к Варшавскому блоку

18 января 1956 года ГДР объявила о создании Министерства национальной обороны, а формирования военизированной народной полиции *(Kasemierte Volkspolizei)* стали Национальной народной армией*(National Volksarmee, NVA)*. В январе Национальная народная армия (ННА) стала частью войск стран-участниц Варшавского блока под командованием советского маршала Конева. В свою очередь, отношения органов госбезопасности и разведки Восточной Германии, MfS, с подобными службами в странах Варшавского блока тоже приобрели легальную основу, и их представителей официально пригласили на совещание служб безопасности в Москве под председательством Серова (7—11 марта 1956 года). MfS была предоставлена возможность высказаться о том, как восточноевропейские службы могли бы действовать на территории ГДР. У Серова к тому же был еще один повод участвовать в совещании: его все более беспокоили свидетельства о росте националистических настроений в Венгрии и Польше[43].

Повестка дня совещания была следующей:

1. Необходимость объединения усилий разведок стран-участниц настоящего совещания против «главного агрессора – правительств США и Англии».
2. Определение главного направления разведывательной работы каждой страны-участницы.
3. Проведение согласованных мероприятий против главных «стран-агрессоров».
4. Обмен информацией и докладами о враждебной деятельности разведок противника против стран «демократического лагеря» (то есть СССР и его союзников).
5. Координация и взаимопомощь в области применения технической разведки и применения оперативно-технических средств[44].

Все пункты повестки, кроме второго, обсуждались на пленарных заседаниях. Главное направление работы разведки отдельных стран было выработано на двусторонних встречах представителей КГБ и специальной службы соответствующей страны. По первому пункту повестки выступил председатель КГБ Серов. Среди прочего он уделил особое внимание огромным суммам денег, которые американская и английская разведки тратили на «тотальный шпионаж». Серов назвал «разведывательную информацию об атомной технологии, авиационной промышленности, флоте, доках, морских путях,

нефтяной промышленности и различных соединениях вооруженных сил главными направлениями концентрации усилий спецслужб, работающих против СССР». В этой связи он подчеркнул, как «важно бороться против халатного обращения с секретной документацией» и что «необходимо улучшение контрразведывательной работы в вооруженных силах». Он подчеркнул «значение контрразведывательной работы в военизированной полиции, которая еще год назад пребывала в плачевном состоянии»[45].

Серов также «предупредил об использовании противником националистических групп для раскола политико-морального единства народных демократий». Он сказал, что «основным источником вербовки вражеских агентов являются реакционные эмигрантские организации. Опираясь на эти организации, осуществляются провокации и антидемократические вылазки против стран демократического лагеря. По этой причине важен обмен информацией и координация действий».

С целью нейтрализовать усилия американской и английской разведок, советская делегация настойчиво призывала «приобретать источники в руководящих кругах и политических партиях капиталистических стран, которые могут добывать документальную информацию по широкому спектру основных разведывательных вопросов. Очень важно получать информацию о состоянии мобилизационных планов, потому что в современных условиях, когда войны не объявляются, каждый час имеет решающее значение». Не менее важно, как считала советская делегация, «выявлять и использовать противоречия между империалистическими государствами в политической, экономической и военной областях». Советская делегация выразила интерес к таким вопросам, как активные мероприятия, контрразведка, получение научно-технической информации и создание нелегальных резидентур[46].

Руководитель одной из делегаций посетовал на то, что отсутствие прямых связей с MfS ГДР тормозит работу против враждебных центров в Западном Берлине и Западной Германии. Делегация ГДР рассказала об особых проблемах Западного Берлина и ФРГ и сделала несколько предложений для улучшения взаимодействия, включая «обмен политическими и оперативными материалами (общего характера), нанесение концентрированных ударов по враждебным центрам в Западной Германии и координацию деятельности на границах ГДР с Польшей и Чехословакией». В заключительном выступлении Серов согласился с тем, что специальные службы народных демократий должны установить контакты с MfS ГДР, а в Берлине следует

создать особую группу для обеспечения таких контактов[47].

Двусторонние переговоры делегаций КГБ и ГДР проводил генерал-майор Панюшкин, руководивший внешней разведкой, тогда Первым Главным управлением КГБ. С точки зрения советской делегации, MfS должно было сконцентрировать свои усилия в основном на Западной Германии и Западном Берлине, но то же самое касалось СССР, Польши, Чехословакии и Венгрии. Уровень и направление работы каждой разведки должны быть определены отдельно для каждой страны. ГДР должна была создавать нелегальные резидентуры в наиболее уязвимых объектах, а контрразведки стран народной демократии – сконцентрироваться на внедрении в эмигрантские организации в Западной Германии[48].

Во время дискуссии делегация ГДР заявила о необходимости проводить операции во Франции для освещения обстановки в Сааре. Это особенно заинтересовало БОБ, которая оказалась в состоянии в течение нескольких лет следить за работой Главного Управления разведки ГДР в Сааре с помощью нелегала, ставшего агентом-двойником в самом начале операции[49]. Двусторонние переговоры завершились требованием ГДР четко определить, как будет строиться сотрудничество с органами государственной безопасности стран народной демократии. Тогда было согласовано, что оперативные группы других стран не будут действовать на территории ГДР без согласия MfS ГДР[50]. Такая демонстрация блоковой солидарности была скорее видимой, чем реальной. Несмотря на то, что в докладах КГБ даже намека нельзя найти на какое-то несогласие, последовавшие вскоре события явились суровой проверкой этой солидарности и верности некоторых восточноевропейских партий Советскому Союзу.

«Тайная речь» Хрущева дает повод к полемике

Неприятности начались во время XX съезда КПСС в феврале 1956 года. В речи из двадцати тысяч слов Хрущев дал негативную оценку личности и правлению Сталина в таких выражениях, которые слушатели и представить себе никогда не могли. Эхо прокатилось по всему социалистическому лагерю. Вскоре партийная организация КГБ получила письмо из Центрального комитета с речью и реакцией на нее в разных странах. Если до тех пор сотрудники КГБ предпочитали воздерживаться от высказывания своего мнения по щекотливым внутриполитическим вопросам в присутствии других офицеров, чтобы избежать доноса, то после «тайной речи» почти все стали открыто интересоваться происходящим в стране. В это же время «руководство восточногерманских органов государственной безопасности ощущало еще большее смятение, чем офицеры КГБ». Необходимо отметить, что аппарат в Карлсхорсте получил от руководства ГДР негативную оценку антисталинской линии в речи: особенное возмущение вызывал у них тот факт, что Хрущев не счел необходимым поставить руководство ГДР в известность заранее, и Питовранов принял решение не отправлять доклада об этом в Москву[51].

Служивший в Берлине подполковник Петр Попов, источник БОБ из управления разведки в группе Советских войск в Германии, доносил об официальных разъяснениях и молчаливой реакции коллег. «Берлинский туннель», в марте 1956 года работавший полным ходом, тоже приносил интересную информацию: Генерал Гречко будучи делегатом съезда разговаривал на эту тему из Москвы с членами своей семьи по линиям, которые прослушивались БОБ.

Через несколько месяцев после XX съезда Хрущев отказался от плана осуществить военное давление на Польшу и принял новое руководство этой страны. Другое дело – Венгрия. 1 ноября Имре Надь – он стал Председателем Совета министров после открытого восстания, начавшегося в Будапеште в октябре, – все еще вел переговоры с советским послом в Венгрии Юрием Андроповым о полном выводе советских войск. Не добившись этого, Имре Надь объявил, что его страна выходит из Варшавского пакта и становится нейтральной. Утром в воскресенье, 4 ноября, советские танки вошли в Венгрию, подавив ее надежды на независимость.

Возможно, самая бурная реакция на подавление венгерского восстания наблюдалась 5 ноября в Западном Берлине. Западные берлинцы всегда с беспокойством относились к действиям Советов, боясь за собственную свободу, но на сей раз были потрясены, узнав, что Советы, согласившись вывести свои войска из Венгрии, снова ввели их в страну. Около ста тысяч возмущенных жителей прошли маршем протеста по проспекту 17 июня (бывшему Шарлоттенбургер-шоссе), и какое-то время казалось, что они проследуют дальше, к Бранденбургским воротам, и войдут в Восточный Берлин. В этот критический момент Вилли Брандту, недавно избранному бургомистру Западного Берлина, удалось отговорить толпы людей от дальнейшего следования. Его руководящая роль в этом событии принесла ему международную известность и признание.

Возмущение политически чувствительных западных берлинцев не нашло отклика в выступлениях их восточных собратьев. Жители Восточного Берлина, и всей ГДР, помнили урок 17 июня 1953 года и сохраняли спокойствие. КГБ в Карлсхорсте имел все основания быть довольным работой своего протеже – MfS – в этот период. Однако две службы безопасности во все время «холодной войны» ни на день не прекращали проверять границы своих взаимоотношений.

Коротков заменяет Питовранова в Карлсхорсте

Никто не удивился, когда Александр Коротков заменил Питовранова на посту начальника аппарата в Карлсхорсте. Они были слишком разными. Питовранов большую часть времени служил во внутренней контрразведке, тогда как Коротков служил в Германии до войны и сразу после нее. Как первому резиденту внешней разведки в Берлине после войны Короткову пришлось работать в тесном контакте с Вальтером Ульбрихтом. Не только послужные списки отличали Питовранова и Короткова, но и совершенно разные характеры. Питовранов отличался осторожностью, точностью, хладнокровием, тщательно взвешивал каждое сказанное им слово. Коротков, напротив, был вспыльчив, часто выходил из себя и выливал свое раздражение на любого, кто оказывался под рукой. Однако это не мешало ему объективно оценивать других офицеров, завоевывать уважение и доверие своих подчиненных, чего нельзя было сказать о его отношениях с руководством КГБ и КПСС[52].

Противостоящие позиции Питовранова и Короткова по кандидатуре Мильке проливают свет на существование в КГБ разных взглядов на будущее отношений КГБ и MfS. Будет ли КГБ и дальше эксплуатировать восточногерманскую службу или MfS будет бороться за независимость? Насколько серьезен конфликт КГБ и MfS? Многие из ведущих офицеров берлинского аппарата КГБ понимали, что Советам будет очень трудно приобрести в Западной Германии надежных источников, сравнимых с источниками MfS. Поэтому КГБ поощрял развитие внешней разведки MfS, пока мог пользоваться ее успехами и информацией[53]. Используя канал беженцев, чтобы переправлять восточных берлинцев в Западный Берлин, Главное управление разведки (HVA) смогло глубоко проникнуть в боннское правительство. Агенты HVA, многие из которых поставляли огромное количество секретных документов, проникли в самые важные учреждения ФРГ, такие, как контрразведка (BFV), Министерства иностранных дел и обороны, а также Христианско-демократический союз (ХДС) и Социал-демократическая партия (СДП), основные политические партии. И хотя многие сотрудники КГБ в Карлсхорсте и в Москве приписывали этот успех исключительно Маркусу Вольфу, другие офицеры MfS, например, Хорст Енике, заместитель Вольфа, также были причастны к успехам своей службы[54].

Аппарат КГБ умел ценить важную информацию, поставляемую новыми источниками Главного управления разведки (HVA), даже если не знал их личные данные. С другой стороны, когда информация считалась особенно важной, КГБ во многих случаях мог убедиться, получил ли он всю информацию от источника, обратившись к доверенному лицу внутри MfS[55]. Убедительный пример этому – Гюнтер Гийом, помощник Вилли Брандта. Гийом был агентом HVA/MfS, чьи донесения были настолько важными, что КГБ использовал свои источники в HVA, дабы убедиться в достоверности и компетентности информации. Его доклады доставлялись от Андропова лично Громыко специальным офицером, ибо содержали интересные для него подробности. Это была информация самого высшего качества о положении в Германии и об обмене мнениями с Западом. После ознакомления Громыко возвращал их опять специальным курьером в КГБ. После шума, вызванного арестом Гийома и вынужденной отставки Брандта, лично Брежнев в своем письме заверил Брандта в том, что «советская сторона не знала… об этой бомбе замедленного действия». В то время многие интересовались, не критиковал ли КГБ за этот прокол HVA, ибо именно это управление оказало негативное влияние на отношения СССР и Западной Германии. На самом деле реакция профессионалов в КГБ ограничивалась сожалением по поводу потери такого источника[56].

Прибыв в Карлсхорст в конце 1957 года, Коротков стал свидетелем того, как Ульбрихт ликвидировал оппозицию в СЕПГ, и увидел в этом еще один фактор самоутверждения ГДР. На тридцать пятом пленуме ЦК СЕПГ в феврале 1958 года оппозиционеры Карл Ширдеван и Эрнст Вольвебер были смещены со своих партийных и государственных постов[57]. Ульбрихт, как мы уже знаем, питал особую нелюбовь к Вольвеберу. В том же 1958 году БОБ доносила, что Ульбрихт стал угрожать тому судебным преследованием, пытался выселить его из его дома в Карлсхорсте и отказал ему в лечении в советском госпитале[58].

На том же пленуме обсуждался вопрос о «вмешательстве советских советников во внутренние дела ГДР, грубо нарушающем суверенитет ГДР». Советский посол Пушкин был обвинен в том, что разрешил это вмешательство. То, что подобное могло происходить на пленуме ЦК, говорило о растущей независимости ГДР от СССР в вопросе внутренней безопасности. Попов отмечал, что после пленума его группе было сообщено, что СЕПГ запретила разведке и контрразведке ГДР использовать восточногерманские спортивные организации в оперативных целях. То же самое предупреждение, также основанное на

материалах пленума, было сделано в отношении Лейпцигской ярмарки[59].

Натянутые отношения между КГБ и MfS провоцируют бюрократическое перетягивание каната

Ульбрихт избавился от оппонентов в партии, зато его друг Коротков столкнулся с угрозой своему положению в Карлсхорсте. Поводом для этого послужил уже знакомый вопрос: до какой степени КГБ может полагаться на восточногерманские специальные службы? Особенно сильно это проявилось в противостоянии Короткова и Александра Шелепина, руководителя Комсомола, которого Хрущев в декабре 1958 года назначил вместо Серова председателем КГБ[60]. История смерти Короткова и яростной борьбы между его аппаратом в Карлсхорсте и Шелепиным якобы из-за отношений с MfS так и не была рассказана. Речь идет о 1959–1961 годах, когда положение в Берлине достигло кризиса, результатом чего стало возведение Берлинской стены. Как в 1953 году во время бериевского междуцарствия склоки в руководстве ослабили аппарат КГБ в Карлсхорсте в самый критический момент.

В конце 1958 года председатель КГБ Серов был назначен руководителем Главного разведывательного управления, военной разведки, то есть понижен. Причиной этого, как позднее заявило руководство КГБ, была необходимость усиления ГРУ после разоблачения агента ЦРУ Попова, который служил в Стратегической оперативной группе ГРУ в Карлсхорсте. Но не это являлось настоящей причиной. Назначение Шелепина, инициированное Политбюро, не преследовало также цель убрать образ сталиниста, прилипший к Серову, или направить КГБ на более решительную «стратегическую, политическую, экономическую и идеологическую борьбу с силами капитала», хотя, конечно же, не без этого. В глазах многих главной причиной смещения Серова была уверенность Хрущева в том, что Серов знает слишком много секретов.

Многие сотрудники КГБ были недовольны стремлением Шелепина убрать из КГБ людей, заподозренных в связях с Серовым, и они не могли согласиться с его явным стремлением использовать службу в качестве трамплина для удовлетворения собственных честолюбивых планов. Они опасались, что его план вовлечения КГБ непосредственно в «политическую борьбу» будет означать возвращение к сталинскому прошлому, когда служба была втянута в борьбу сил в руководстве за власть в стране. Шелепина не любили еще и за то, что он сократил количество

домов отдыха и санаториев, принадлежавших КГБ, уменьшил заработную плату и другие льготы сотрудникам. Хотя многие признавали, что Шелепин улучшил организацию внутренней контрразведки, почти все сокрушались о том, что интересы службы подчинены интересам партийного руководства, когда обнаружилось, как много ключевых постов было отдано партийным и комсомольским работникам, лично подобранным Шелепиным[61].

У Шелепина был неоспоримый талант интригана. Первым делом он предпринял все возможное, чтобы избавить КГБ от влияния Короткова, чрезмерная прямолинейность которого оказалась Шелепину не по вкусу. Однако будучи шефом в Карлсхорсте он занимал ключевой пост в КГБ. Шелепину помог Александр Михайлович Сахаровский, заместитель председателя КГБ и начальник Первого Главного управления, тоже не испытывавший большой любви к Короткову – оба они сдерживали свою неприязнь на публике, но на самом деле недолюбливали друг друга. Едва Шелепин занял свой пост, как поползли слухи о привилегиях, которыми Коротков наслаждается в Карлсхорсте благодаря своим отношениям с Серовым.

Шелепин потребовал от Короткова докладной записки о положении дел в аппарате в Карлсхорсте. Бюрократическое перетягивание каната, ставшее результатом усилий Сахаровского получить злополучный доклад, приоткрыло кое-что не только в отношении Короткова, но и во взаимодействии аппарата в Карлсхорсте с восточногерманским MfS[62].

Давя на Короткова, Шелепин не забыл дать указание контрразведке КГБ – наблюдать за деятельностью германского отдела в Москве, за работой аппарата в Карлсхорсте и за самим Коротковым, включая'все его контакты с друзьями и коллегами[63]. Однако несмотря на все предпринятые меры, доклад так и не был представлен. Поскольку срок приближался, Сахаровский вызвал Леонида Сиомончука – в то время начальника германского отдела – и приказал ему написать доклад. Тот отказался, напомнив Сахаровскому, что аппарат в Карлсхорсте состоит из отделов, подчиненных соответствующим управлениям и структурам в Москве.

Ответ Сиомончука дает возможность взглянуть на бюрократическую реальность отношений между Карлсхорстом и Москвой: «Как я могу писать доклад о деятельности всего аппарата, который подчинен непосредственно председателю, когда я знаю только то, что происходит в германском направлении? Мне ничего неизвестно об операциях в отношении главного противника – Соединенных Штатов, о контрразведке, о

советской колонии, о нелегалах и т. д. Почему бы вашему заместителю не созвать всех начальников управлений и отделов и не сказать им, что надо написать?» Последнее было сделано, но остальные начальники протестовали аналогичным образом: они не могут писать подобный доклад, сидя в Москве. Один только Коротков знает все детали операций в его регионе. Алексей Крохин, шеф управления нелегалов, заявил, что Коротков получил указания по нелегальной линии из центра, «но почему он должен что-то нам объяснять?»[64] Это была нормальная реакция, так как Коротков имел большой опыт работы с нелегалами. Иван Фадейкин, возглавлявший Тринадцатый отдел, но до того долго работавший в Карлсхорсте, предложил вызвать Короткова по спецсвязи и спросить у него обо всем, что нужно[65]. Сиомончук позвонил, описал ситуацию, и Коротков ответил, что пришлет в Москву доклад в понедельник[66].

В понедельник тоже ничего не изменилось, правда, Коротков заявил, что сам приедет в Москву и доложит обо всем лично. Требовался доклад, который бы устроил Шелепина, и Сиомончук составил проект, дополненный Сахаровским. По существу, в нем утверждалось, что за последний год улучшилась работа с немецкими «друзьями» и повысился уровень получаемой информации. Проект был передан Шелепину лично Коротковым на встрече, где присутствовали также высшие офицеры Первого Главного управления. Шелепин резко критиковал Короткова, указывая на то, что тот должен не только работать с немцами, но и заниматься делами своего аппарата. «Если так, то я собираю чемодан и уезжаю», – ответил Коротков. Шелепин отреагировал назначением новой комиссии для проверки положения дел в Карлсхорсте[67].

Когда комиссия представила наконец дополненный доклад, Шелепин, обсуждая его с Коротковым, высказал свои прежние претензии, что, собственно, и привело к созданию комиссии: «Обратите больше внимания на руководство аппаратом, на работу со своими сотрудниками и координируйте эту работу с военной контрразведкой. В конце концов, у нас там армия, и мы должны заботиться о ее безопасности. Вы должны использовать свою территорию для нашей разведывательной работы, а не полагаться на немецких «друзей». Мы должны иметь собственные источники»[68].

Понимая, что инициатива исходит от Сахаровского, Коротков ответил, что в таком случае ему требуется опытный заместитель. Он попросил, чтобы к нему назначили Сиомончука, начальника германского отдела, однако тот отказался от назначения в

Карлсхорст, мотивируя свое решение тем, что уже достаточно работал за рубежом. Кроме того, он не согласился с мнением комиссии, поскольку на самом деле все нужно делать через немцев. Он подчеркнул, что в КГБ осталось не так уж много сотрудников, в совершенстве владеющих немецким языком и знающих территорию для решения оперативных задач в одностороннем плане: «Глупо думать, что можно вербовать граждан дружественной, союзной страны без согласия местной службы безопасности». Если КГБ попытается идти этим путем, то, как предсказывал Сиомончук, возникнут конфликты между партиями и правительствами. Проигнорировав возражения Сиомончука, Шелепин приказал: «Передайте Короткову, что с немцами будете работать вы. Ему этим заниматься незачем»[69].

Коротков вернулся в Берлин, но 27 июня 1961 года вновь был вызван Шелепиным в Москву для консультаций в ЦК КПСС. После переговоров Коротков отправился в германский отдел Первого Главного управления КГБ, рассказал о своем визите в Центральный комитет и позвонил Серову. В тот же день два старых друга пошли в спортивный комплекс КГБ на малом стадионе «Динамо», что на Петровке, где они играли в теннис. Там у Короткова случился сердечный приступ, и он умер. Можно сказать, что он стал жертвой этой не прекращавшейся борьбы с председателем КГБ Шелепиным, а в результате на фоне углублявшегося берлинского кризиса был ослаблен аппарат КГБ в Карлсхорсте. Мильке с несколькими своими заместителями, включая Бруно Беатера и Маркуса Вольфа, прилетел в Москву на похороны. Вольф, владевший русским языком, произнес прощальную речь от имени сотрудников MAS[70].

Приложение 2. Эрих Мильке и Иван Фадейкин

Из книги воспоминаний Кузьмина Ивана Николаевича

Во время этой моей командировки в Берлин я довольно редко встречался с Э. Мильке, но, лично обрабатывая поступавшую от него информацию, был свидетелем той тайной борьбы за устранение В.Ульбрихта с поста руководителя ГДР, активным участником которой он являлся.

В конце шестидесятых годов обострение ситуации в руководстве ГДР достигло кризисной точки. Главная причина наступившего кризиса заключалась в резком ухудшении здоровья В. Ульбрихта, которому в 1965 году исполнилось 72 года. У него стремительно прогрессировало сложное заболевание желудочно-кишечного тракта.

Знаменитая телеграмма посла П. А. Абрасимова: «У тов. Ульбрихта тяжелое эаболевание кишечника»». Далее следовало латинское наименование заболевания и пояснение: «в стуле нет кала».

По рекомендации врачей рабочий режим Ульбрихта был резко ограничен. Ему разрешалось проводить за рабочим столом всего 2–3 часа в сутки. Однако властолюбивый характер Ульбрихта не позволял, чтобы любые сколько-нибудь существенные решения принимались без согласования с ним. Через некоторое время работа государственного аппарата ГДР на высшем уровне была полностью заблокирована.

Ситуация усугублялась тем, что при принятии решений Ульбрихт стал опираться преимущественно на рекомендации созданного им аппарата советников, игнорируя мнение членов политбюро ЦК СЕПГ. Наметились также разногласия с руководством Советского Союза в связи с подготовкой четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Эти разногласия приобрели явный характер в связи с опубликованием в газете «Берлинер цайтунг» ряда статей за подписью «Г. Р.Х ардтке» (псевдоним внешнеполитического советника Ульбрихта посланника Кегеля), в частности его статьи «Берлин – столица суверенной ГДР». В информации, поступавшей от Мильке, в деталях характеризовалось развитие кризиса в восточногерманском руководстве. Эта информация по своей сути полностью соответствовала информации, направлявшейся в Москву послом П. А. Абрасимовым.

На состоявшемся в декабре 1969 года пленуме ЦК СЕПГ В. Ульбрихт попытался сблизить свою позицию с позицией Советского Союза. Он предложил с учетом создания в ФРГ правительства социал-либеральной коалиции во главе с В. Брандтом проявить инициативу для начала германо-германских переговоров в целях обеспечения мира в Европе. Однако против этого предложения выступили Э. Хонеккер и Г. Гофман, ссылаясь на реваншистские требования нового руководства ФРГ в области внутригерманских отношений. С возражениями выступил также Э. Мильке, который впервые открыто продемонстрировал свою принадлежность к группе оппонентов В. Ульбрихта.

В 1970 году ситуация в руководстве ГДР обрела поистине драматическое развитие и потребовала незамедлительной развязки. Учитывая это, в мае наша группа информации подготовила аргументированную аналитическую записку преимущественно на основании информации от Мильке, дополненной сведениями из других источников. Однако И. А. Фадейкин отказался подписать записку, сказав, что «львиная лапа» Ульбрихта остается очень тяжелой и он не хочет под нее попасть.

Тем не менее уже в июне Фадейкин дал указание доработать эту записку и направил ее в центр. Наша информация, однако, не произвела надлежащего впечатления в Москве, и в августе в Берлин прибыли представители ЦК КПСС для проверки наших сведений. Посол Абрасимов и уполномоченный КГБ Фадейкин находились в это время в отпуске, и высокие московские гости провели разбор информации с их заместителями. Последние, как мне рассказал заместитель Фадейкина В. Р. Ситников, не владели в достаточной мере обсуждаемой материей и «имели бледный вид».

В октябре 1970 года И. А. Фадейкин был вызван в Москву на доклад к председателю КГБ Ю. В. Андропову. Перед убытием в Москву Фадейкин вызвал меня и Пустогарова обсудить его доклад о кризисе в руководстве ГДР, составленный им вместе с заместителем П. И. Васильевым. Пустогаров предложил, учитывая возраст людей, которые будут читать доклад, убрать слова о «старческой мнительности и подозрительности» Ульбрихта, поскольку эти качества не являются обязательными признаками старости. Я, в свою очередь, дал совет опустить рекомендации о последующем назначении Ульбрихта и высказать их, если будет задан соответствующий вопрос.

Окончательное решение московского руководства было спровоцировано самим Ульбрихтом, который в отсутствие в Берлине посла Абрасимова предложил на заседании политбюро

ЦК СЕПГ отстранить Э. Хонеккера от исполнения текущих обязанностей и направить на учебу в Дрезден. Хонеккер немедленно связался с Абрасимовым, которого вызвали для беседы к аппарату «ВЧ» с заседания Пленума ЦК КПСС. Л. И. Брежнев дал послу указание немедленно вылететь в Берлин и урегулировать ситуацию. Посол сумел уговорить лидера ГДР отменить свое решение. 3 мая 1971 года пленум ЦК СЕПГ освободил В. Ульбрихта от обязанностей первого секретаря в связи с болезнью и назначил на этот пост Э. Хонеккера.

Э. Мильке вплоть до освобождения В. Ульбрихта с руководящих постов передавал уполномоченному КГБ СССР информацию о неадекватном поведении лидера ГДР. В июне 1971 г. VIII съезд СЕПГ избрал Э.Мильке кандидатом в члены политбюро Центрального Комитета.

Помимо информации о развитии кризиса внутри высшего руководства ГДР, по указанию Э. Мильке и под его контролем нам в этот период регулярно передавались принципиально важные сведения, раскрывавшие процесс формирования новой восточной политики правительства В. Брандта, которая привела к нормализации отношений ФРГ с Советским Союзом. В частности, это были материалы обмена информацией между руководством ГДР и ФРГ на очень высоком уровне – между Э. Хонеккером и председателем фракции СДПГ в бундестаге Г. Венером. По этому каналу осуществлялись регулярная переписка и общение с Э. Хонеккером через посредников, а иногда и напрямую. Передаваемая западной стороной информация содержала разъяснение и обоснование тех или иных шагов федерального правительства, сообщения о намерениях, рекомендации в адрес ГДР и СССР относительно проведения или отказа от проведения соответствующих политических акций. В некоторых материалах давались ответы на вопросы, поставленные восточной стороной. Данный канал использовался и для подготовки к обмену арестованными агентами. При этом не может быть сомнений в том, что линия между Хонеккером и Венером функционировала в соответствии с установками руководства СДПГ и лично В. Брандта.

Однако этим дело не исчерпывалось. Для конфиденциального общения с Хонеккером руководство СДПГ использовало еще одного социал-демократического функционера высокого ранга – исполнительного секретаря центрального правления партии Х. Ю. Вишневского. Г. Венер видел в нем своего конкурента и отзывался о нем крайне неодобрительно в свойственной ему резкой манере.

И. А. Фадейкин, имевший благодаря информации из центра и беседам с Фалиным и Кеворковым достаточное представление о

развитии советско-западногерманских переговоров, оценивая сведения, поступавшие от Венера и Вишневского, говорил мне, что западные немцы весьма умело используют эти каналы для нюансирования своих пожеланий и уточнения своих позиций: «Они разыгрывают партию для нескольких фортепьяно».

Один из визитов Вишневского в Берлин состоялся в канун принятия важного решения на советско-западногерманских переговорах, и мы были чрезвычайно заинтересованы в оценках сложившейся ситуации, – как их даст Вишневский на встрече со своим собеседником в ГДР. Указанная встреча состоялась в воскресенье. Утром, сопровождая И. А. Фадейкина, я явился к Э. Мильке. Министр сказал, что получит интересующую нас информацию только к вечеру. Он добавил, что не хочет портить воскресный день Фадейкину, и тот может быть свободен, а он вызовет меня. Вечером последовал вызов к министру, и я явился к нему.

Мильке, опираясь на свои черновые заметки, продиктовал мне подготовленный им текст сообщения. Затем, несмотря на поздний час, министр стал неторопливо расспрашивать меня о моих родителях. Я рассказал ему также о дедушке и бабушке, живущих в небольшом провинциальном городке. Он проявил интерес к их быту, и обнаружилось, что он хорошо владеет технологией обслуживания русской «машины для чая» – «den Samowar». Это был единственный случай, когда министр, при общении со мной, позволил себе разговор на отвлеченную тему.

Среди событий этого периода остался в памяти торжественный прием в феврале 1970 года, который состоялся в конференц-зале закрытого правительственного городка в Берлине-Панкове. Следует отметить, что отличительной чертой этого торжественного мероприятия была тщательная продуманность, в том числе с учетом социальных и нравственных аспектов. На приеме было объявлено об учреждении в ГДР звания «Почетный сотрудник государственной безопасности».

Предусматривалось, что ежегодно это почетное звание будет присваиваться не более чем десяти сотрудникам, и оно будет сопровождаться весьма солидным материальным поощрением. В числе первых награжденных были названы министр Э. Мильке, начальник ПГУ КГБ СССР А. М. Сахаровский и несколько авторитетных ветеранов МГБ. С большим воодушевлением было воспринято присвоение почетного звания младшему офицеру МГБ, проявившему стойкость и мужество после ареста в одной из африканских стран. Однако особенно большое впечатление произвело присвоение звания почетного сотрудника лейтенанту МГБ в отставке, старухе-пенсионерке, работавшей еще в системе

Коминтерна.

Как я отмечал выше, во время работы под руководством И. А. Фадейкина мне доводилось встречаться с министром Э. Мильке довольно редко, в основном во время общественных мероприятий в МГБ ГДР.

Тем не менее в конце командировки мне пришлось сопровождать Фадейкина к Э. Мильке в качестве переводчика. Ему предстояла беседа с министром на острую и деликатную тему, а тот выразил недоверие его постоянному переводчику Когда мы вошли в кабинет Мильке, Фадейкин спросил его, указав на меня: «А этому Вы доверяете?». Министр ответил: «Этому доверяю. Этого я знал, когда он еще ходил в коротких штанишках». Реплика министра меня несколько уязвила, поскольку я считал, что в конце 50-х годов был вполне взрослым человеком и уже имел звание капитана.

В заключение я считаю необходимым опровергнуть приводимое В. Кеворковым в его книге «Тайный канал» утверждение о зависимости уполномоченного КГБ И. А. Фадейкина от министра Э. Мильке. Я имел достаточную возможность убедиться в обратном, почти ежедневно бывая в течение пяти лет на докладе у Ивана Анисимовича. Первый заместитель министра госбезопасности ГДР Бруно Беатер позднее говорил мне о нем: «Это был трудный партнер для Берлина и непростой подчиненный для Москвы».

Приложение 3. Отрывок из книги Геннадия Смолина «Русский цугцванг»[71]

Ich will Helm! [72]

Магда Геббельс: «Своего мужа я, конечно, люблю, но мое чувство к Гитлеру сильнее, за него готова отдать жизнь…»

Лени Рифеншталь, «Мемуары»

Несколько позже Маркус Вольф показал мне дом под Берлином, который, оказывается, купили Джонни и Инге вместе с участком – в тесном соседстве с летней резиденцией моих немецких коллег и друзей. Дом вскоре был перестроен по вкусу рационального янки. Джонни привез из США целый вагон американского хозяйственного оборудования и постепенно заполнил подсобные помещения своими бесчисленными приобретениями – самыми разными военными аксессуарами (радиотехникой, оружием, амуницией и другими предметами, которыми пользуются в армии и на флоте).

Из Америки Джонни регулярно писывал Маркусу письма, одно из которых Маркус Вольф показал мне.

«Я хочу выразить тебе благодарность за время, энергию и усилия, которые вы оба, ты и Анастасия, употребили для того, чтобы сделать наше пребывание в Берлине таким приятным. Это было действительно нечто особенное, для нас стало большим счастьем иметь таких сердечных друзей, которые, не считаясь со временем, познакомили нас с частью достойного уважения немецкого образа жизни. Без твоего личного и особого внимания нам никогда не удалось бы увидеть и одной десятой того, что перед нами открылось.

Я надеюсь, что смогу принять вас как своих гостей и дорогих друзей в моем доме в Квинсе.

Мне доставило бы большое удовольствие не только показать вам наш чудесный город Нью-Йорк, но и прекрасно провести вместе время в дружеской обстановке. Будем надеяться, что ваши проблемы вскоре останутся позади, а в твоей жизни вскоре настанут лучшие времена. Рядом с нами есть два сокровища, ведущих нас через бури и трудности, которые мы порой сами создаем себе. Наши жены – это самое лучшее, что у нас есть. Без них мы бы просто пропали.

Если я чем-то могу помочь тебе, звони мне как другу. Я воспринимаю дружбу, наряду со свободой, как важнейший фактор

жизни. Я нашел цитату, о которой говорил тебе. Это из Роберта Бёрнса, и звучат слова поэта так: «Я думаю, ведь это чудесно, что мы будем братьями. Братья не должны любить друг друга. Братья должны знать друг друга и заботиться друг о друге. В этом все дело».

Еще раз большое спасибо за все, а больше всего – за сердечную дружбу.

Твой Джонни, Квинс, США».

Эта странная, скорее психологическая поддержка Джонни в непростых обстоятельствах, выпавших на долю Маркуса Вольфа и его жены, казалась мистически-загадочной. Мое сердце и сердце американца бились в унисон: мы переживали за судьбу нашего коллеги и друга Маркуса Вольфа, желали, чтобы у него все сложилось хорошо.

Это смутное время, которое корректнее всего назвать переворотом, изменило всю нашу жизнь. Во всяком случае, я знал, что пройдут годы, и я буду с благодарностью вспоминать бурные обстоятельства тех месяцев, потому что мне пришлось играть своеобразную роль коренника в этой тройке русского, немца и американца (правда, для янки я был и слыл контрразведчиком из БФФ). Хотя последующее наше общение было мимолетным и мы более уже не встречались втроем, я продолжал ощущать себя членом своеобразного экипажа, который мчался вперед, как русская птица-тройка…

В то время мы узнали много такого о судьбах и внутренней жизни каждого из нас, что в естественных условиях прошло бы незамеченным.

…Как-то, рассказывая о тяге Джонни ко всему тому, что было связано с Третьим Рейхом, Маркус Вольф поведал мне удивительную историю о своем отце Фридрихе Вольфе, происшедшую накануне Первой мировой войны…

Алекс признался, что поражался умению Вольфа-старшего создавать необыкновенные эссе о животных. Он мог часами слушать такие сказки и рассказы о животных, как «Рождественский гусь Августа» или его очаровательные истории о дельфинах, которые Фридрих Вольф рассказывал юному Маркусу и его брату. Поэтому отец Маркуса с удовольствием посмотрел в синематографе (а было это в 1912 году в Берлине) немой ролик Дуровых «Животные могут творить чудеса!» Вольф-старший был полностью покорен русскими дрессировщиками. Главный сюжет кинокартины раскручивался на вокзале, роли пассажиров играли разные зверушки. Впервые кинематограф показал знаменитую дуровскую железную дорогу, где кассир-обезьяна продает билеты, начальник станции – гусь – перед отправлением поезда звонит в

колокол, носильщики-хорьки помогают везти багаж пассажиров. На платформе разворачивалось настоящее мелодраматическое действо: «рубаха-парень» фокстерьер Пик не успевает на поезд, в котором напыщенный сен-бернар Лорд увозит на «собачью ривьеру» свою племянницу, аристократку-болонку Мими…

Прошло какое-то время, и Фридрих Вольф оказался зрителем антрепризы русского циркача Анатолия Дурова. Представление состоялось в берлинском цирке «Зимний сад».

В одном дуровском эпизоде, на первый взгляд безобидном и простецком, получилось нечто знаковое, символическое, предопределяющее грядущий триумф и трагедию нацистской Германии…

Поначалу арену заполнили наездники под руководством знаменитого русского итальянца Вильямса Трущи, этакого «рыцаря цирка». Артисты демонстрировали сложные аллюры на лошадях. Сердца берлинцев, конечно же, ликовали от такого великолепного зрелища. Ну а когда артист с завязанными глазами, мчась галопом, не останавливаясь, доставал с арены карту из различных колод по желанию зрителей, публика просто ревела от восторга.

…И вот на манеже Анатолий Дуров, один из патриархов русской сатирической клоунады. Коверный вынес бутафорский шлем, чрезвычайно напоминающий тот, что венчал голову кайзера Германии Вильгельма. Следом на арену выбежала свинья, эдакая сытая розовобокая хавронья. За ней – Дуров с шамбаньером в руке.

– Дорогая свинья, подойди ко мне, – в манере балагура по-немецки произнес Дуров.

В ответ – молчание.

– Случилось что-нибудь? – обескураженно поинтересовался Анатолий Дуров. – Ты больна?

Хавронья все в той же каменной позе.

– Ты хочешь кушать? – терялся в догадках Дуров.

Вновь томительная пауза.

Клоун театрально пожал плечами и, прогулявшись по арене, как будто размышляя о дальнейших действиях, наконец, приблизился к свинье.

– Ладно, тогда я спрошу мадам с глазу на глаз, – проговорил Дуров и наклонился к уху хавроньи для доверительной беседы.

Он сделал вид, словно перешептывается с животным, затем выпрямился. И торжествующе обвел взглядом ряды кресел.

Между тем чушка поддала рылом шлем, как будто захотела напялить его себе на морду, и громко хрюкнула.

– Эта свинья заявила мне: «Я хочу шлем!» – громыхнул

Анатолий Леонидович в отличной манере декламатора на немецком, да так, что под сводами цирка Wintergarten отозвалось трансформировавшимся эхом:

«Я – Вильгельм!!!»

Алекс Вульф пояснил этот эпизод:

– Надо заметить, что для уха германского бюргера тут прозвучал зловещий каламбур. Во-первых, хавронья действием дала понять, что желает водрузить на свою голову кайзеровкий щлем; ну а во-вторых, прозвучавшим по-немецки «Ich will Helm!», хотя и не вполне корректно, зато на слух довольно скандально, был продемонстрирован полный абсурд для немецкого уха, будто «русская свинья» заявила: дескать, я, чушка, и есть ваш кайзер Вильгельм!

…После такой репризы либерально-демократический запал Фридриха Вольфа сработал, конечно же, на полные обороты, и он взорвался искренним и безудержным хохотом. Его активно поддержали молодые люди, настроенные либерально-демократически: кто топал ногами, кто бешено рукоплескал.

Но вскоре эмоциональный всплеск социал-демократов утонул в гнетущем молчании берлинцев. У добропорядочных бюргеров, любящих всякую власть, а кайзеровскую в особенности, восторги антимонархистов и левых социалистов вызвали не то чтобы неодобрение, а даже клокочущий протест.

Только теперь Вольф-старший заметил полный укоризны взгляд пожилого бюргера, который не замедлил высказать крайнее недовольство «провокационным» номером русского клоуна:

– Может быть, молодой человек, среди вас, нигилистов, считалось хорошим тоном высмеивать кайзеровский двор, но для нас, патриотов Германии, – это просто нонсенс, невоспитанность и даже цинизм. – Двор Гогенцоллернов был и остается превыше всего!..

По словам Маркуса Вольфа, у русского дрессировщика после скандальной репризы были серьезные неприятности с немецкой Фемидой. Власти Берлина решили преподать «пересмешнику» жесткий урок. На следующий день Анатолия Дурова арестовали и препроводили в тюрьму; он провел в заключении полмесяца. Только благодаря блестящей защите известного адвоката-коммуниста Карла Либкнехта Анатолия Дурова освободили из-под стражи, а после выплаты большого денежного штрафа он покинул пределы Германии.

Фридрих Вольф не придал тогда особого значения этой реплике зрителя-соседа, в которой сквозила болезненная реакция

и даже нетерпимость. Зловещий смысл нотации в цирке Wintergarten проявился значительно позднее. Довольно скоро многие, можно сказать, на своей шкуре познали, что глава немецкого государства – кайзер Вильгельм, а господствующие классы in Deutschland – юнкерство и буржуазия. А прочувствовали все эти подробности сначала в Первой мировой войне 1914 года, а затем и после «пивного путча» в 1923-м и далее вплоть до 1945 года.

Прологом к нацистской катастрофе была война 1914 года. Тогда в панике бежали из немецких пределов те же русские, кто так или иначе не вписывался в стандарты кайзеровской Германии.

Ну, а утвердившийся на германских землях Третий Рейх поставил все точки над i. Преследовали, точно бешеных собак: высылали за границу, сажали в тюрьмы или просто убивали, – не только за инакомыслие, но и по расовой принадлежности, за то, что не немцы. Глумились над всеми без разбора: женщинами, детьми, стариками. И все это на той же германской земле, в том же культурном Берлине, где еще недавно педантичные бюргеры мыли брусчатку улиц водой с мылом…

Маркус Вольф довольно сурово прокомментировал историю, рассказанную его отцом:

– Так что, мой друг, Адольф Гитлер появился уже на подготовленной и удобренной почве, где до него успели вырасти деревья с ядовитыми плодами. Фюреру оставалось лишь слегка потрясти их, чтобы этот страшный урожай просыпался бомбами и снарядами на страны Европы, Азии, Африки…

А о творчестве отца он высказался несколько парадоксально:

– Кто-то из великих сказал: сочинитель тогда состоится как писатель с именем, когда создаст роман от лица женщины и напишет рассказ про собаку или лошадь. Примеры: «Мадам Бовари» и «Холстомер». У отца есть и то и другое. Значит, мой отец состоялся как писатель.

– Недаром нацисты жгли его книги, – добавил некстати я…

Маркус считал меня дисциплинированным и результативным офицером, который не уходил от конфликтов с вышестоящими начальниками. Он даже сравнивал меня с Джонни – но тот по своей природе был игроком и неустанно искал приключения на свою голову; многие из его прошлых авантюр, если бы о них стало известно руководству страны, могли стоить ему карьеры.

Правда, в чем-то, характеризуя меня, Маркус был, несомненно, прав, хотя и преувеличивал мои образцовые качества. Например, в том, что я из-за моей независимости и свободолюбия отказывался от предлагаемых повышений по

службе. Откровенно говоря, меня не влекли ни карьера, ни чиновничьи кресла в конторе. Но в одном он был прав: менталитет у меня был все-таки русского человека. Честно признаться, в своих политических оценках я не скрывал от Маркуса и американцев, что не одобряю президента Горбачёва и его политику развала СССР и ГДР. В остальном я был верен своей стране, презирал предательство и предателей. По-своему я ценил одиночество, особенно на природе, и собирался провести остаток жизни где-нибудь в милом сердцу Подмосковье, хотя и был горожанином до мозга костей, а точнее – коренным москвичом.

…Маркусу из-за ограничений Федерального суда Германии и сроков судебных заседаний было запрещено покидать свое место жительства в районе Берлин-Митте или лесную резиденцию в окрестностях столицы. Поэтому, как я говорил, гидом у того же Джонни и его супруги приходилось быть мне. Я с удовольствием организовывал вояжи американцев по столице, но без Вольфа, а они, в свою очередь, с неподдельным интересом знакомились с новыми гранями берлинской жизни объединенной Германии.

Джонни, благодаря моим старым связям и знакомым, удалось установить новые деловые отношения, которые он в последующем сумел успешно развить. Как коллекционера его интересовало многое, и те предметы, ставшие объектами его деловой активности, он, поторгуясь, покупал. Пожимал плечами и простодушно признавался:

– Ничего не поделаешь! Это мой бизнес…

Джонни и Инге как могли поддерживали Маркуса и Андреа Вольфов. Особенно это пригодилось в критические дни первого процесса против экс-генерала «Штази». Работал своеобразный тандем: Инге – Андреа. Американская подруга присылала эмоциональные депеши, искренний текст которых творил чудеса.

Ингебора сообщала в одной милой открытке:

«Я могу только надеяться, что эти ужасные недели быстро пройдут и к Маркусу отнесутся справедливо. Я искренне верю в справедливое решение по его делу, поскольку весь мир следит за этим. Меня больше беспокоит ваше здоровье, эта разорванная семейная жизнь и новые сердечные страдания. Однако я знаю, что ты сильная и у тебя невозможно отнять веру в лучшее. Направь свой гнев против тех, кто нападает на тебя и кто причиняет тебе зло. Думай только обо всех хороших людях, с которыми ты познакомилась в жизни, о цветах, о деревьях, о море, солнце, луне и о нас. Ингебора. Квинс, США».

Был свой шарм во встречах «без галстуков». Когда жены Маркуса и Джонни отправлялись по делам в Берлин, американец без предварительной договоренности заходил к Вольфу и они за

бокалом красного вина философствовали о жизни, политике, истории. Царившая в их отношениях гармония помогала Вольфу настроиться на будущие судебные бои «без правил», в которых он не собирался выкидывать белый флаг поражения.

Джонни заболел идеей фикс: в центре Берлина, рядом с бывшим КПП «Чекпойнт Чарли» он вознамерился создать Музей шпионажа. И постоянно был в поиске, доставая предметы, реликвии и прочие вещдоки для будущей экспозиции. Когда в Лондоне проходил аукцион, где можно было приобрести предметы из имущества, оставшегося в наследство от знаменитого Кима Филби, американец летал в Великобританию. Для будущего Музея шпионажа Джонни удалось приобрести некоторые личные вещи и фотографии суперагента СССР с надписью, сделанной рукой вдовы Филби. На фотографиях можно увидеть и Вольфа рядом с этим всемирно известным человеком. Джонни говорил об англичанине с уважением, в отличие от его соотечественников, считающих Кима Филби примитивным предателем.

– У Филби была идея, а не бизнес, – не уставал повторять он, закоренелый бизнесмен. – А «идейность», как и душа, не продается…

Более того, Джонни, будучи на родине, в США, предпринимал шаги в поддержку Маркуса Вольфа, которые не совсем отвечали интересам его бизнеса и даже могли породить дополнительные трудности его гешефта. Это не было просто свидетельством человеческой симпатии. Американец видел в Маркусе, и во мне, и в тех, с кем он и мы работали по разные стороны баррикад в разведке, прежде всего глубоко убежденных солдат холодной войны, которая канула в Лету. Джонни как мог поддерживал чету Вольфов в их стоическом противостоянии с германской Фемидой, прекрасно понимая, что тот же Алекс, даже находясь под угрозой заключения, осознает свою историческую ответственность перед «Штази» и коллегами, а потому прилагал усилия для прекращения преследования «ратников невидимого фронта».

…Маркус в шутку назвал неистребимое стремление янки к коллекционированию и создание Музея шпионажа «миссией Джонни», намекая на распоряжение Гитлера в 1939 году создать в австрийском городе Линце грандиозный музей – уникальное собрание произведений искусства – картин, антиквариата, оружия, – сокровищ из всех покоренных Германией стран. Эта акция была закодирована как «Миссия Линца» и возглавлялась известным искусствоведом и знатоком старого итальянского и нидерландского искусства профессором Гансом Поссэ…

Для того же Музея шпионажа Джонни взялся делать

видеофильм об Маркусе Вольфе. С помощью киносъемочной группы из США он приступил к работе с Маркусом, которого настраивал на доверительные беседы обо всем, что могло бы «заинтересовать его внуков», – кстати, неплохой технический прием. Так возник ролик, хранящийся у Вольфа, который я смог просмотреть: в течение многих часов Джонни безжалостно интервьюировал Маркуса. В отличие от остальных документалистов-«киношников» Джонни удалось своим американским наивным любопытством и сдержанным участием в беседах вытянуть из Вольфа самые блистательные и откровенные повествования о «секретной» жизни руководителей «Штази». Для американца Маркус казался живым свидетелем событий и знаменательной фигурой эпохи «холодной войны». А непосредственное прикосновение к реальным скрижалям истории будоражило кровь американца большими дозами адреналина.

Надо отдать должное: Вольф провел свои сессии на высоте, потому что в этих продолжительных беседах с Джонни ему удалось не только донести собственную позицию, но и взгляды исторических персоналий, а главное – мотивы действий разведчиков по обе стороны баррикад: НАТО и Варшавского пакта.

Сложно было сформулировать такое понятие, как доверие в разведке и как его завоевывать. Время, профессиональный опыт – вот реальные козыри, или ключи, к этим важным проблемам. И все же интуиция в службе разведки – главное качество в профессии разведчика. Нередко возникали вопросы, когда речь шла о надежности контакта. Тогда я спрашивал сомневающегося сотрудника: представь себе – война и ты получаешь задание пойти в разведку за линию фронта. Пойдешь с этим человеком? Даже когда речь шла об офицерах высокого ранга из центрального аппарата, я ставил перед собой этот классический вопрос. И не всегда положительно оценивал испытуемого.

Конечно, я не мог быть уверенным в том, что все досконально знаю о деятельности Джонни на службе своей страны. Из его рассказов я понял, что наш американский друг был не так уж далек от спецслужб США, поскольку многие рискованные сделки с оружием без благословения ЦРУ были попросту невозможны. Во время рассказов о своих трудностях с правосудием наш янки мимоходом упомянул имя того самого скандально-известного подполковника Нортона, который своими масштабными сделками с оружием привлек внимание мировой прессы. Из снисходительных замечаний о бюрократах, которые есть во всех административных аппаратах и на Востоке, и на Западе, можно было догадаться, что у него были малоприятные конфликты и

стрессы. Но Джонни не детализировал событий, о которых упоминал.

Естественно, Джонни ожидал таких же недомолвок и от Маркуса Вольфа и что тот поостережется раскрывать бывшему противнику государственные тайны времен своей работы в спецслужбах ГДР. Дружба и взаимное доверие, возникшие у Маркуса и Джонни за то недолгое, но бурное время их знакомства, строились на сугубо личной основе, весьма далекой от их прежней деятельности. Глядя на их взаимоотношения, я почему-то был уверен, что Джонни никогда не предаст Маркуса, не подставит его и не бросит в беде. Это было традиционное поведение бывших классических противников…

* * * * *

Автор книги Воропаев Ноэль Кузьмич, 1970 г.

После презентации книги М. Вольфа «Друзья не умирают» в Центральном Доме журналиста в 2003 г. Слева направо: Андреа Вольф, Н. К. Воропаев, Маркус Вольф

Автор вместе с участниками исторической реставрации, ГДР, 1970-е гг.

«Подмосковные вечера» в исполнении партактива разведки МГБ ГДР под аккомпанемент Н. К. Воропаева, 1970-е гг.

Совместный отдых за городом. Слева направо: начальник Главного управления разведки МГБ ГДР Маркус Вольф, секретарь парткома разведки МГБ ГДР Отто Ледерманн, заместитель начальника разведки Хорст Янике, первая супруга Маркуса Вольфа Эмми Вольф. 1970-е гг., ГДР

Совместный отдых за городом: Маркус Вольф открывает охотничий ужин

В музее. Автор с Хайнцем Гейером, будущим начальником Главного управления разведки МГБ ГДР, 1970-е гг.

Автор с заместителем Маркуса Вольфа Хансом Фруком. 1970-е гг., ГДР

Автор с делегацией из Москвы в округе Карл-Маркс-Штадт у мемориальной доски в честь немецких антифашистов,1970-е гг.

У памятника Карлу Марксу. Справа руководитель делегации ПГУ КГБ СССР полковник Медведев В. М. и полковник разведки МГБ ГДР Хельмут Хартвиг

Конно-спортивное шоу в Редефине. Руководитель отделения Германско-советской дружбы полковник Карл Науман

Конно-спортивное шоу в Редефине, 1970-е гг.

Встреча радиста д-ра Рихарда Зорге Макса Кристьянзена-Клаузена с советскими моряками

Рихард Зорге. Авторская работа разведчика Рудольфа Кузе

Первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер, председатель Совета Министров ГДР Хорст Зиндерман и другие политические лидеры на встрече с солдатами и офицерами Группы советских войск в ГДР 5 мая 1975 г. В центре Главнокомандующий Группой советских войск в Германии генерал армии Ивановский Е. Ф. Фотография Агентства Новостей ГДР

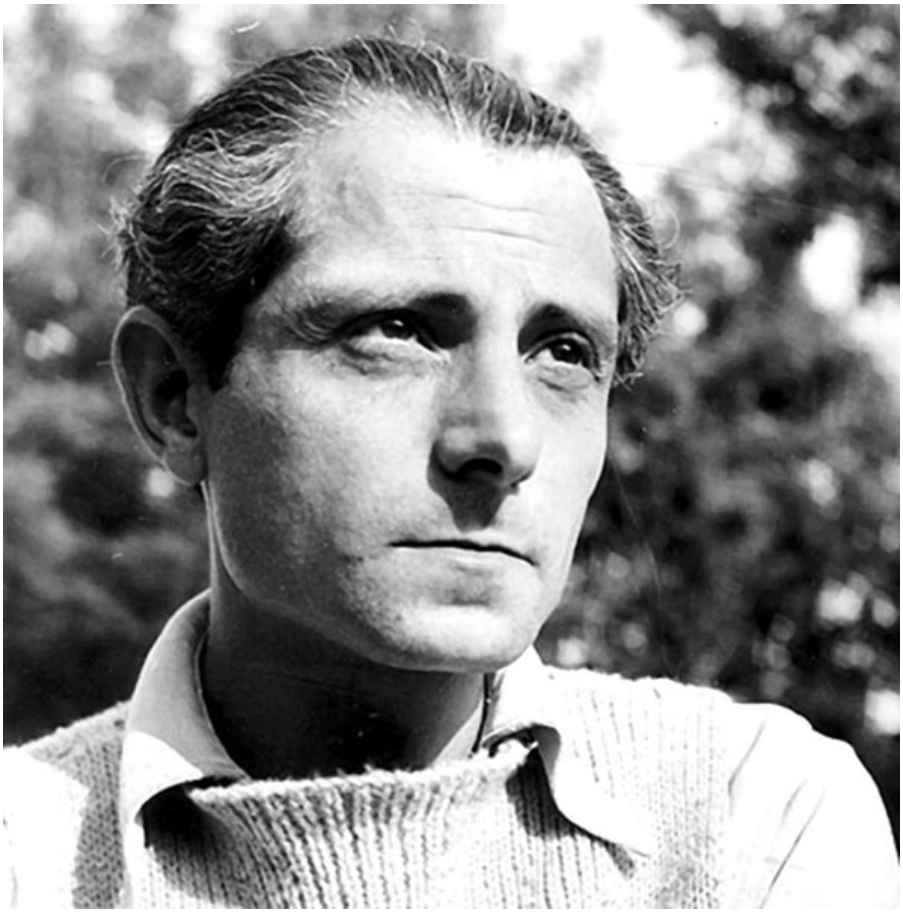
Вручение Почетной грамоты радисту д-ра Рихарда Зорге Максу Кристьянзену-Клаузену

Начальник Главного управления разведки МГБ ГДР Маркус Вольф, сменивший его на этом посту в 1986 г. Вернер Гроссманн, заместитель начальника разведки Хорст Янике, 1986 г.

На встрече руководства МГБ ГДР с делегацией КГБ. Слева направо: начальник Главного управления разведки МГБ ГДР Маркус Вольф, начальник УОО КГБ по Группе советских войск в Германии И. Л. Устинов, министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке

Обложка «Der Spiegel» с сенсационной фотографией Маркуса Вольфа – «Человека без лица» для западных и заокеанских спецслужб вплоть до поездки в Стокгольм в 1979 г.

Министр государственной безопасности ГДР в 1957–1989 годах Эрих Мильке. Фотография из «Der Spiegel» от 17 августа 1992 г., освещавшего судебный процесс над легендарным руководителем Штази. Представить достоверных доказательств виновности Э. Мильке в преследовании диссидентов, стрельбе на поражение по гражданам ГДР, пытавшимся преодолеть Берлинскую стену, не удалось, и в итоге 85-летний ветеран был осужден за убийство двух полицейских в 1931 году

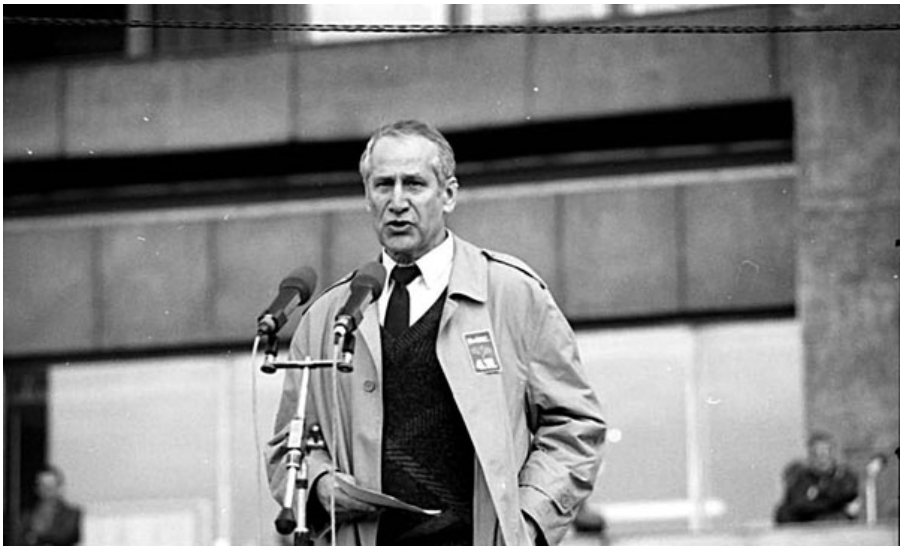


Артур Ильнер, он же легендарный Рихард Штальман, он же знаменитый «партизан Рихард» – участник гражданской войны в Испании, он же Кале – организатор нелегальной работы КПГ в Германии во время Второй мировой войны. Во Внешнеполитической разведке ГДР Рихард Штальман возглавлял оперативно-техническую службу

В Испании Рихард Штальман командовал партизанским подразделением, вошедшим позднее в 14-й партизанский корпус Республиканской армии

В этом здании в башкирской деревне Кушнаренково располагалась школа Коминтерна, где в 1942–1943 гг. среди курсантов, которых готовили для заброски в Германию и для радиопропаганды на фронте, был и Маркус Вольф. С передовой с помощью громкоговорителей немцы, выпускники школы, призывали к окончанию бессмысленной войны, во время одной из таких акций была тяжело ранена Эмми Штенцер, будущая супруга Вольфа

Вальтер Ульбрихт (слева), будущий Первый секретарь ЦК СЕПГ, и Эрих Вайнерт (справа) через окопную говорящую установку обращаются к немецким солдатам и офицерам. Сталинградский фронт, декабрь 1942 года



Выступление Маркуса Вольфа перед участниками массового митинга на Александерплац в Берлине, требовавшими соблюдения свободы слова и свободы собраний, 4 ноября 1989 года. До падения Берлинской стены осталось меньше недели…

notes

Примечания

1

Вольф Маркус. Миша. Жизнь Маркуса Вольфа, рассказанная им самим – в письмах и записках семье, друзьям, соратникам. – М.: Международные отношения, 2014. С.287.

2

Там же. С. 210.

3

Вольф Маркус. Миша. Жизнь Маркуса Вольфа, рассказанная им самим – в письмах и записках семье, друзьям, соратникам. – М.: Международные отношения, 2014. С. 211.

4

Школа имени Фритьофа Нансена на Арбате.

5

Ольштынский Л. И. Разгром фашизма. СССР и англо-американские союзники во Второй мировой войне (политика и военная стратегия: факты, выводы, уроки истории). – М.: Информпечать (ИТРК), 2005. С. 341–342.

Однозначного мнения по этому вопросу среди военных историков нет. Например, А. Б. Максимов, на книгу которого ссылается автор, в ходе исследования «Мценской инициативы Сталина» пришел к выводу, что это была тщательно спланированная операция спецслужб по распространению дезинформации. Целью операции было скорейшее открытие Второго фронта союзниками. – *Прим. ред.*

7

См.: *Максимов А.Б.* Разведка Великой Отечественной. Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской госбезопасности. – М.: ВеГа, 2010. С. 429, 430.

8

Осокин Н. Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны. – М.: Время, 2008. С. 45–46.

Гроссманн В. В поле зрения – Бонн. – М.: Новый Логос, 2007. С.30–35.

10

Гроссманн В. В поле зрения – Бонн. – М.: Новый Логос, 2007. С.377.

11

Бейли Дж., Кондрашев С., Мерфи Д. Поле битвы Берлин: ЦРУ против КГБ в «холодной войне». – М.: Эксмо, 2002. С. 329–355.

12

Шаталин был членом Центрального комитета КПСС, выбранным для критики морального облика Берия на июльском пленуме 1953 года. См.: Известия ЦК КПСС, 2 (1991), с. 158.

13

АСВР док. 45783, т. 3, с. 151–154.

14

Там же.

15

Когда были отменены традиционные провинции (Laender), изменилась и структура MfS, в связи с чем были созданы районные управления MfS. Советские оперативные группы в провинциях были перегруппированы в районные группы советников, состоявшие из главного советника и его помощников.

16

ACBP док. 45873, т. 3, с. 151–154.

17

Георгий Алексеевич Коротя, интервью, данное Кондрашеву 17 декабря 1994 года. Коротя был начальником отдела контрразведки аппарата.

18

Василий Ильич Будда, интервью, данное Кондрашеву 5 января 1995 года. Когда Питовранов представил его министру Игнатьеву в качестве начальника советнического отдела, Игнатьев, как вспоминает Будда, процитировал Сталина: «Что бы ни случилось, ГДР должна быть наша». См. также: Memorandum, undated, «Bulda, Vasily Ilich», CIA-HRP.

19

Об Оганесяне см.: Biographic Outline, undated, CIA-HRP. Оганесян происходил из армянской семьи, служил в Австрии до 1953 года, а до 1959 года – старшим советником в штаб-квартире Мильке на Норманненштрассе в Восточном Берлине. С февраля по август 1960 года он был с временной миссией в Тегеране и с 1960 по 1963 год занимал пост заместителя начальника Тринадцатого отдела. И в Тринадцатом отделе, и в Тегеране ему приходилось работать вместе с Иваном Анисимовичем Фадейкиным, еще одним старшим офицером, служившим в Карлсхорсте. О Самойленко см.: Biographic Memorandum, 29 Nov. 1956, CIA-HRP. Самойленко служил старшим советником в Карл-Маркс-Штадте (Chemnitz) с 1953 по 1955 год, а потом был переведен старшим советником в Карлсхорсте. Уехал из ГДР в 1957 году.

20

Начальника этого отдела обычно предлагал германский отдел, но когда Питовранов взял это на себя, то ему пришлось утверждать свою кандидатуру в отделе.

21

Интервью Будды. Например, Вадим Витольдович Кучин, один из ведущих специалистов КГБ по Германии, который много лет возглавлял советнический отдел, был самым непосредственным образом задействован в операции Отто Йона.

Там же. Трудно сказать, было ли это обещание выполнено. Мы знаем, что МГБ имело свои источники в MfS, когда оно было только создано, и много лет КГБ полагался на «надежные источники» в MfS, когда надо было получить информацию, которую нельзя было получить по официальным каналам.

23

Там же.

24

Там же. Будда, который прибыл в Карлсхорст до июньских событий 1953 года, сообщил, что снижение эффективности разведывательной работы было закономерным. Аппарат МГБ работал довольно много, по крайней мере, не меньше, чем после войны, когда его целью были твердолобые нацисты, противники советской военной администрации и нового режима СЕПГ.

25

Серов – Питовранову, 5 апреля 1954 года, АСВР док. 504456, т. 1, с. 2–6.

26

Там же.

27

Интервью Короти. Несмотря на то, что это была теория контрразведки, Коротя поддерживал советскую версию, будто эти агенты были заброшены на территорию ГДР для подготовки июньских событий 1953 года.

28

Серов – Питовранову, 5 апреля 1954 года.

29

Там же.

АСВР док. 504456, т. 1, с. 1–9.

31

РИАС (Радио в американском секторе) было создано американским военным правительством. Оно вещало и на Восточную Германию. Оно не было разведывательной организацией, однако весьма раздражало Советы, так как передавало крайне тенденциозную информацию. Советская администрация несколько раз требовала его закрыть.

32

АСВР док. 504456, т. 1, с. 1–9.

33

Изменявшиеся названия взяты из неопубликованных заметок Кондрашева, сделанных во время изучения архивных материалов СВР «Работа разведки по немецкой линии».

Debriefing reports, 8 Oct. 1967, 15 Feb. 1968, CIA-HRP.

35

Там же. Например, у Николая Говорухина, бывшего сотрудника Третьего (работа с нелегалами) отдела аппарата в Карлсхорсте, стали возникать трудности в общении с сотрудниками MfS, когда он стал начальником районного отделения КГБ в Шверине.

36

Евгений Питовранов, интервью, данное Кондрашеву 19 августа 1994 года, а также воспоминания. См. также: Sudoplatov Pavel et al. Special Tasks (Boston: Little, Brown, 1994, p. 25). Здесь говорится о решении Ульбрихта, принятом после замечаний, высказанных ему Хрущевым после того, как Серов, насколько известно, рассказал Хрущеву о докладе Вольвебера об «идеологических расхождениях» внутри СЕПГ.

37

Интервью Питовранова.

38

Владимиров И. Ульбрихт просил меня называть его просто Вальтером. – Глобус, 21 января 1993 года. В своей статье Питовранов писал, что позднее он понял: Андропов не был согласен с его взглядами на Мильке. Кондрашев тоже не был согласен.

39

Интервью Питовранова. Кондрашев предупредил, что не надо обращать «особое внимание» на подарки, которые на самом деле были довольно скромными.

40

АСВР док. 84834, т. 4, с. 81–82. Серов знал, о чем говорил. Один из документов в АСВР содержит речь Ульбрихта на закрытом совещании «Volkskammer» ГДР 12 октября 1954 года. Поздравив службу государственной безопасности с успешной работой против организации Гелена, Ульбрихт потребовал, чтобы партия возглавила эту работу. Настаивая на том, что эти «вражеские организации должны быть стерты с лица земли», он заключил свою речь указанием, чтобы «партийные секретари включались в работу органов и тесно сотрудничали с товарищами из государственной безопасности». См.: АСВР док. 504456, т. 1, часть 3, с. 42–43.

41

АСВР док. 84834, т. 4, с. 81–82. См. также: *Бобков Ф.* КГБ и власть (Москва: Ветеран МП, 1995, с. 134–135). В этой книге дан пересказ речи Хрущева, произнесенной им перед руководством КГБ летом 1954 года, в которой он настаивал на «социалистической законности».

42

Выписки Кондрашева.

43

Кондрашев, который был в составе сил КГБ, участвовавших в Венгрии в подавлении восстания (октябрь – ноябрь 1956 года).

44

Доклад о совещании разведок стран-участниц Варшавского блока, АСВР док. 504456, т. 1, с. 70–78.

45

Там же.

Там же.

47

Там же.

Там же.

Ambassador Hugh Montgomery, interview, 24 Mar. 1995.

50

Доклад о совещании разведок стран-участниц Варшавского блока, с. 70–78.

51

Материал С. А. Кондрашева.

52

Мнение, основанное на личных отношениях с Коротковым С. А. Кондрашева.

53

Служба внешней разведки ГДР, созданная в 1951 году, стала называться Главной администрацией A MfS (Hauptverwaltung A; HVA) и под этим названием была известна до исчезновения ГДР.

54

Кондрашев хорошо знал Хорста Енике и был самого высокого мнения о его работе, профессионализме и личных качествах. Кондрашев считает, что Енике разрывался между верностью службе и пониманием неспособности руководителей ГДР повлиять на будущее разъединенной страны.

55

Из записок С. А. Кондрашева.

56

Мнение С. А. Кондрашева, которое разделяют многие ведущие разведчики. См. также: Falin V. Politische Erinnerungen (Munich: Droemer-Knaur., 1993, 265–266).

Berlin Cabled Informayion Report, 17 June 1959, CIA-HRP.

58

Cable, Berlin, 23 June 1958, CIA-HRP.

Dispatch, Berlin, 7 Mar. 1958, CIA-HRP.

Важным свидетелем этих событий является начальник германского отдела КГБ Леонид Сиомончук, давший интервью Кондрашеву 12 сентября 1994 года в Москве.

61

Из записок С. А. Кондрашева. См., например: *Бобков Ф.* КГБ и власть, с. 173–184. Бобков критикует Шелепина за то, что он заменил ветеранов юными и неопытными партийными карьеристами и предпринял множество плохо продуманных организационных перестановок. Однако главной претензией к Шелепину была его постоянная готовность использовать службу в интересах собственной карьеры. См. также: CIA Information Report, 26 Mar. 1971, «Close Associates of Shelepin and Semichastny During Their Tenure as Chief of the KGB; Impact of Shelepin on the KGB», CIA-HRP, Anatoly Golitsyn's position is contained in his «New Lies for Old» (New York: Dodd, Mead, 1984).

62

Интервью Сиомончука.

63

Там же.

64

Крохин служил резидентом в Париже с 1950 по 1954 год, прежде чем стал начальником управления нелегалов. В Париж в качестве резидента он вернулся в 1966 году и проработал там до 1971 года. См.: Ветераны внешней разведки России (Краткий биографический справочник), 1995, с. 74–75.

65

Тринадцатое управление – это бывшее Девятое управление, которое прежде называлось Первым специальным бюро. Первое специальное бюро было создано в 1946 году для выполнения саботажных и специальных заданий, которыми во время войны занималось Четвертое управление. Это управление изначально контролировало группу внутри аппарата в Карлсхорсте. Как вспоминает М. С. Докучаев, бывший начальник внешней контрразведки и заместитель начальника Девятого (охрана) управления, Фадейкин был его начальником, когда он получил назначение в Тринадцатое управление. См.: Москва. Кремль. Охрана (Москва: Бизнес-пресс, 1995, с. 23). Официальная биографическая справка о Фадейкине пропускает этот период его деятельности. См.: КБС, с. 143–144.

Интервью Сиомончука.

Там же.

Интервью Сиомончука. На первый взгляд, это было странным замечанием человеку, чей аппарат осуществил некоторые из лучших операций КГБ по внедрению в западные службы разведки и другие организации на Западе.

69

Там же.

70

Из записок С. А. Кондрашева.

71

В художественно-публицистическом детективе «Русский цугцванг» Геннадия Смолина описываются события, происходившие в объединенной Германии в середине 1990-х годов. Сюжет романа динамично разворачивается по обе стороны Атлантики – в пределах трех европейских государств: России (Москва), Германии (Берлин, Бонн, Мюнхен) и Франции (Париж), а также в США (Квинс, Форт-Лодердейл) и Мексике (Веракрус, Эль-Питаль). В романе действуют реальные исторические персонажи, одним из еоторых является Маркус Вольф.

72

Я – Вильгельм!